

МИФЫ И КОНФЛИКТЫ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ ТОМ 1

Инструментализация
исторических нарративов

история государство враг дискурс
Кавказ поколение
образование разница нарративы
факты мифы герои
политика стереотипы территории
нации память этнический истина
народы учебник постсоветский
соседи символы конфликты

International Alert

International Alert – независимая миротворческая организация с двадцатисемилетним стажем работы, работающая с пострадавшими от вооруженного конфликта людьми в целях улучшения перспектив установления мира. Помимо этого, мы стараемся влиять на политику и подходы правительств, международных организаций, таких, как ООН, и транснациональных компаний в направлении снижения риска и увеличения мирного потенциала.

Мы работаем в Африке, в ряде регионов Азии, на Южном Кавказе, Ближнем Востоке и в странах Латинской Америки, а недавно начали осуществлять проекты в Великобритании. Наша работа по формированию политики охватывает влияющие на перспективы мира и безопасности основные направления: экономику, климатические изменения, гендер, роль международных организаций, эффект гуманитарной помощи и последствия неэффективного/эффективного государственного управления.

International Alert представляет собой одну из ведущих миротворческих НПО в мире, штат ее лондонского и 14 региональных офисов насчитывает более 200 сотрудников. Дополнительную информацию о том, как и где мы работаем, можно найти на нашем вебсайте по адресу: www.international-alert.org

Эта публикация выходит благодаря помощи Европейского Союза. Только International Alert несет ответственность за ее содержание, которое не должно рассматриваться как отражение взглядов Европейского Союза.

© International Alert 2013

Все права защищены. Ни одна часть данной публикации не может быть воспроизведена или передана в любой форме или любыми средствами, включая электронные, механические, фотокопировальные средства, средства записи и любые другие системы сохранения и изъятия информации, или использована любым иным способом, без полного указания имени автора и источника заимствования.

Мифы и конфликты на Южном Кавказе

ТОМ 1

Инструментализация исторических нарративов

Редакторы

Оксана Карпенко, Джана Джавахишвили

Научный руководитель

Оксана Карпенко

International

Содержание

Список сокращений	3
Благодарности	4
Об авторах статей	6
Предисловие	8

РАЗДЕЛ I: Десоветизация и национализация истории в России и странах Южного Кавказа

ВВЕДЕНИЕ

Опыт сравнительного анализа школьных учебников
Оксана Карпенко

13

ГЛАВА 1

Баку в первой половине XX века: пространство «дружбы народов» и межнациональных конфликтов
Севиль Гусейнова

31

ГЛАВА 2

«Изобретение традиций»: тема советизации в учебниках истории советской и постсоветской Армении
Тигран Матосян

55

ГЛАВА 3

Десоветизация и национализация истории в постсоветской Грузии
Нино Чиковани

73

ГЛАВА 4

Проблемы преподавания истории Южной Осетии XX века в школе
Мадина Бетеева и Оксана Карпенко

94

ГЛАВА 5

Десоветизация и национализация истории: сравнительный анализ учебников по истории Абхазии
Инар Гицба

117

ГЛАВА 6

«Тюрьма» и «дружба народов» в советских и постсоветских учебниках истории СССР/России
Оксана Карпенко

136

РАЗДЕЛ 2: Конфликты и исторические нарративы

ГЛАВА 7

Армения и Азербайджан: конфликт в Нагорном Карабахе и новая интерпретация нарративов в учебниках истории
Филип Гамагелян и Сергей Румянцев

168

Список сокращений

АКП(б)	Азербайджанская коммунистическая партия (большевиков)
АНС	Абхазский Народный Совет
АССР	Азербайджанская Советская Социалистическая Республика
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ГССР	Грузинская Советская Социалистическая Республика
ЕС	Европейский Союз
ЗСФСР	Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
НСГ	Национальный Совет Грузии
НФА	Народный Фронт Азербайджана
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РЮО	Республика Южная Осетия
СМИ	Средства массовой информации
СОАССР	Северо-Осетинская Автономная Советская Социалистическая Республика
СОГК	Союз объединенных горцев Кавказа
ССР	Советская Социалистическая Республика
ЦК КПА	Центральный комитет коммунистической партии Азербайджана
ЮОАО	Юго-Осетинская Автономная Область

Благодарности

Данное исследование было проведено в рамках «Инициативы медиации и диалога на Южном Кавказе», которая финансировалась Европейским Союзом и состояла из трех этапов. На первом этапе была отражена миротворческая работа, выполненная гражданским обществом с середины 1990-х годов, в том числе работа с политиками, субъектами экономической деятельности, женщинами, СМИ, учеными и деятелями культуры. Цель этой работы заключалась в извлечении уроков и повышении качества будущих инициатив, а ее результаты опубликованы в книге *Медиация и диалог на Южном Кавказе: Осмысление пятнадцатилетнего опыта по трансформации конфликтов*.¹ Второй этап посвящен направлению «*Мифы и конфликт*», в рамках которого было выполнено данное исследование. Третий этап посвящен обучению – он использует результаты, полученные в рамках первого и второго направлений, с целью разработки и выпуска учебного пособия, предназначенного для развития критического мышления в отношении конфликтов на Южном Кавказе.

Серия «Мифы и конфликт» была реализована благодаря помощи и проницательности большого числа лиц, которым мы чрезвычайно благодарны. Первоначальная идея этого исследования была результатом глубокого понимания и креативного сотрудничества с партнерами International Alert в рамках инициативы «медиации»: Джаной (Дареджан) Джавахишвили (Глобальная инициатива в психиатрии, Тбилиси), ставшей координатором и методологическим супервайзером направления «мифы», и Баталом Кобахия (Центр гуманитарных программ, Абхазия), которым мы хотели бы выразить нашу глубокую признательность. Во-вторых, мы хотели бы поблагодарить самих исследователей, полный список которых приведен на стр. 6, за исполнение столь важной работы. Исследованные в рамках этих работ темы в достаточной степени табуированы в тех обществах, к которым принадлежат сами исследователи. Поэтому проникновение в кроссконфликтные многокомпонентные процессы потребовало от исследователей значительного мужества. Мы хотели бы также распространить нашу благодарность и на методологических консультантов, которые сыграли критическую роль в поддержке и координации работ соответствующих исследовательских групп и оказывали им, в случае необходимости, целенаправленную поддержку: Геворгу Тер-Габриеляну (Фонд Евразийского партнерства) за методологическую поддержку всему процессу; Оксану Карпенко (Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург) за ее контроль над исследованием учебников; Филипа Гамагеляна (Университет Джорджа Мейсона) за направление, связанное с блогосферой, и Тину Цомаю (Грузинский институт по связям с общественностью) за направление, касающееся журналистов. Особая благодарность давним партнерам и коллегам, Лиане Кварчелия и Арда Инал-Ипа (Центр гуманитарных программ, Абхазия) за их квалифицированные советы и поддержку продвижения процесса с помощью как собственного взгляда и стратегического видения, методологической поддержки, содействия и редакторского опыта, так и просто моральной поддержки.

1 Документ доступен по адресу: <http://www.international-alert.org/it/node/4531>.

Мы также выражаем благодарность за потраченное время, советы и поддержку нашим коллегам из International Alert, чей профессиональный опыт оказал разнообразное влияние на данный процесс и публикацию: Ларису Сотиеву, автора исходной концепции проекта, без предвидения которой эта инициатива никогда не была бы реализована; Джулиет Скофилд, менеджера проекта; и позже подключившихся Ману Фаруги и Наргизу Сайпидинову за их поддержку в вопросах издательства и логистики.

Благодарим также редакторов и переводчиков – Саймона Пола Хинчлифа, Михаила Миневича и Стюарта Мора – за их кропотливый труд.

Наконец, но не в последнюю очередь, организация Alert хотела бы поблагодарить Европейский Союз за финансирование «Инициативы медиации и диалога на Южном Кавказе» и Фонд по предотвращению конфликтов британского правительства за безупречную поддержку Alert. Без их помощи эта работа была бы невозможна.

Об авторах статей

Мадина Бетеева – доцент Горского государственного аграрного университета во Владикавказе, Республика Северная Осетия. Мадина окончила историко-филологический факультет Юго-Осетинского государственного университета (1992 г.), защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук (2007 г.) Сфера научных интересов: исторические взаимоотношения осетинского и грузинского народов в политической, экономической, культурной и образовательной сферах.

Филип Гамагелян является соучредителем и содиректором Центра по изучению конфликтов «Имеджин» – организации, предназначенной для закладки фундамента продолжительного и устойчивого мира в раздираемых конфликтами сообществах. Он является также соучредителем и бывшим главным редактором «Журнала по трансформация конфликтов: Кавказский выпуск». Филип был инициатором и фасилитатором многочисленных азербайджано-армянских диалогов и обучающих семинаров для разнообразной аудитории, включавшей студентов, политиков, журналистов и преподавателей. Филип имеет степень бакалавра политических наук, полученную в Ереванском государственном лингвистическом университете, и степень магистра в области разрешения конфликтов, полученную в Университете Брандейса; в настоящее время он работает над диссертацией на Факультете анализа и разрешения конфликтов в Университете Джорджа Мейсона.

Инар Гицба окончил факультет политологии Гданьского университета, Польша, по специальности «Международные отношения, европейстика и глобальные процессы». В 2008 году Инар приступил к исполнению обязанностей научного сотрудника в отделе Геополитики Центра стратегических исследований при Президенте Абхазия. С 2012 года по настоящий момент – начальник отдела Турции и Ближнего Востока Министерства иностранных дел в Абхазии.

Джана (Дареджан) Джавахишвили – грузинский психолог, с 1995 г. исследует психотравму, занимается обучением и лечением. Она оказывает психологическую помощь людям, травмированным в результате вооруженных конфликтов. С 2002 г. она глубоко вовлечена в работу по трансформации конфликтов в качестве фасилитатора миротворческих процессов в Грузии и на Южном Кавказе. Джана является членом учредительного совета «Грузинского общества психотравмы», соавтором и соредактором ряда книг на грузинском, английском и русском языках, опубликованных в Грузии, Армении, Англии, Норвегии, России и США.

Оксана Карпенко с 1994 г. работала в качестве исследователя, а с 2013 г. работает директором Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге, Россия. Оксана закончила Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета и Факультет политических наук и социологии Европейского университета

в Санкт-Петербурге. Основные области научных интересов Оксаны: критический анализ дискурса элит (газеты, учебники, статьи) в области этничности, миграции, национализма в России и на постсоветском пространстве.

Тигран Матосян получил степень доктора исторических наук в 2004 г. в Национальной академии наук Республики Армения. В настоящее время Тигран работает исследователем в Центре по исследованию проблем культуры и цивилизации Ереванского государственного университета. В числе его текущих научных интересов – проблема трансформации политики обучения в постсоветской Армении

Сергей Румянцев – обладатель степени доктора наук в области социологии, научный сотрудник Научно-исследовательского института философии, социологии и права Азербайджанской национальной академии наук. С сентября 2010 г., после получения степени доктора наук, он является также научным сотрудником фонда Александра Гумбольдта в Институте европейской этнологии при Берлинском университете имени Гумбольдта. Основная сфера его исследовательских интересов – национализм, миграция и образование постсоветской диаспоры, советские исследования (национальная и культурная политика), постсоветские конфликты и преподавание истории, национализм и построение политических, этнических и культурных границ в постсоветском пространстве.

Севи́ль Гусейнова окончила юридический факультет Бакинского государственного университета в 1998 г. С 2006 по 2009 г. была докторантом Института философии, социологии и права при Департаменте социологии Азербайджанской национальной академии наук. С 2010 г. Севи́ль – докторант Института европейской этнологии при Берлинском университете им. Гумбольдта. Основные области научных интересов Севи́ль: городская антропология, этническая принадлежность, изучение конфликтов и изучение миграции

Нино Чиковани – директор Института культурологических исследований и руководитель кафедры ЮНЕСКО по межкультурному диалогу Тбилисского государственного университета им. Иване Джавахишвили. Нино – доктор исторических наук, профессор Факультета гуманитарных наук Института культуроведения. Основные области научных интересов: восприятие и интерпретация истории, культурная память, проблемы идентичности и межкультурная коммуникация.

Мифы и конфликты на Южном Кавказе

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Миф — это особая коммуникативная система, метаязык (суперязык, язык о языке), передающий сообщение, которое является совокупностью смыслов, создающих скрытый идеологический дискурс; с одной стороны миф старается изменить действительность таким образом, чтобы она соответствовала ценностям мифообразующего сознания; с другой стороны он старается скрыть свою идеологизированность и воспринимается воспринимающим как само собой разумеющееся, естественное положение вещей. Миф — это не пережиток архаичного сознания, а огромная часть современной культуры, которая реализует себя через рекламу, средства массовой информации, кино и другие нарративы» — Ролан Барт¹

В данном издании представлены исследовательские работы, старающиеся пролить свет на создание и передачу на Южном Кавказе мифов и доминирующих нарративов, связанных с конфликтами в этом регионе. Особое внимание уделено тому, как связанные с конфликтами мифы становятся объектом манипуляций во внутривосточной жизни, как создаются «образы врага» и как это, в свою очередь, усиливает сопротивление разрешению данных конфликтов. Одной из наиболее пагубных язв, разъедающих общества, находящиеся в состоянии конфликта, является «образ врага». Утилизация этого образа разными политическими группами и конструирование ими образа «внутреннего врага» становится средством общественного контроля, сужает пространство рефлексии и критического осмысления общественно-политических процессов, затрудняет свободный обмен мнениями и принятие прагматичных решений.

В данном исследовании предпринята попытка поднять вопросы, связанные с табуированными темами, по которым существует исторически сложившийся общественный консенсус, не позволяющий сделать их объектом изучения и переосмысления, что потребовало от исследователей определенной гражданской смелости. Поэтому мы хотели бы выразить благодарность и уважение всем участвовавшим в данном проекте южно-кавказским исследователям и партнерам за их решимость и мужество.

Исследовательские задачи и вызовы

Проект ставил перед собой две достаточно амбициозные задачи. Прежде всего мы приступили к организации процесса, в рамках которого можно было бы собрать представителей гражданского общества из всех конфликтных регионов Южного Кавказа и предложить им совместное методологическое осмысление влияния на жизнь в их обществах табуированных там тем. Этим мы хотели сместить фокус с критической оценки «другой

¹ Барт Р. «Миф сегодня» Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва, Прогресс. Универс, 1994 г. Стр. 72—130

стороны» в конфликте (что часто наблюдается в «кросskonфликтных» инициативах) на критическое осмысление доминирующих мнений, социальных образов и связанных с ними установок, преобладающих в обществах самих исследователей. Несмотря на крайнюю деликатность и чувствительность данной задачи, мы постарались придать ей «конфликтную чувствительность» следующим образом: в проект были привлечены представители всех без исключения конфликтных регионов, что дало возможность синхронной работы в плане рефлексии собственных обществ/сторон. Это обеспечивало нужный баланс в работе: представитель каждой из сторон осмысливал свое референтное общество не в одностороннем порядке, а в ходе синхронизированного процесса. Вместе работали абхазские, армянские, азербайджанские, грузинские, осетинские исследователи (преимущественно молодые социологи, политологи и журналисты). Участвовали также и представители России как заинтересованной в Южно-Кавказском регионе стороны. Таким образом, проект создал общую платформу для синхронного критического переосмысления роли мифов, связанных с конфликтами в референтных обществах участников. Это, в свою очередь, дало возможность для обмена информацией, идеями, для сравнительного анализа и, что более важно, помогло выявить универсальные процессы в каждом из южно-кавказских сообществ, часто зеркально отражающие друг друга по разные стороны конфликтов.

Вторая задача этого исследовательского проекта заключалась в создании высококачественной продукции в виде исследовательских докладов, предоставляющих соответствующим обществам пищу для размышления.

Процесс на деле оказался еще более сложным, чем можно было предположить на стадии его разработки. В частности, мы столкнулись с двумя проблемами:

- необходимостью найти исследовательские ресурсы среди молодежи Южного Кавказа, где нет сложившихся исследовательских традиций, особенно для проведения качественных исследований. Мы решили эту проблему путем наращивания потенциала менее опытных коллег, которые получали поддержку более опытных исследователей.
- необходимостью найти правильный тон подачи результатов исследований, который стимулировал бы читателей остановиться и задуматься, отрефлексировать, дистанцироваться от бытующих в социуме мифов и выработать свою, информированную позицию. Риск заключался в том, что неправильный тон мог привести к обратному эффекту – вызвать раздражение, негативные эмоции и сопротивление, что еще более укрепило бы укоренившиеся клише и стереотипы.

Надеемся, что нам удалось достойно ответить на эти вызовы.

Содержание исследования

В исследовательском проекте проанализированы три средства или механизма создания и распространения мифов: учебники истории, политический дискурс и средства массовой информации, в том числе и блогосфера.

В данном томе мы приводим результаты исследования учебников истории. Это исследование представляет собой сравнительный анализ освещения процесса «советизации» Кавказа (от революции октября 1917 г. до принятия в 1936 г. новой конституции СССР) в учебниках советского и постсоветского периодов. Здесь авторы блока работали по стандартной схеме и методологии, основанной на анализе дискурса учебников, использовавшихся в соответствующих обществах. В дополнение к исследовательским материалам, представляющим «советизацию», мы включили также совместную работу двух авторов, посвященную новой интерпретации нарративов, относящихся к Нагорно-Карабахскому конфликту, в армянских и азербайджанских учебниках истории.

Результаты показывают, что новые (постсоветские) учебники основаны на той же идеологической парадигме, что и советские учебники. Они используют тот же язык, националистический дискриминационный дискурс, исключают понимание истории как нарратива и предлагают фактически советские эссенциалистские образцы понимания исторических реалий и современного положения дел. «Дружба между народами» уступила место пересмотренным национальным историям, враждебным по отношению к «другим» и предлагаемым в качестве «истин», которые должны запомнить дети, что приводит к закреплению образа врагов в психологии нации. Существующий разрыв между превалирующим в нашем регионе эссенциалистским дискурсом и современным постмодерным мышлением свидетельствует о том, что новое поколение воспитывается именно на мифах, которые, как показывает политический блок наших исследований, часто заводят наши общества в состояние стагнации и ценностного тупика.

В другом томе представлены результаты исследования политического дискурса. В этом блоке показано, как «образ врага» используется во внутривнутриполитической борьбе южно-кавказских обществ, находящихся в условиях затянувшихся конфликтов вот уже третье десятилетие. Исследования данного блока не следуют общей методологии, они были предложены самими авторами: некоторые из них носят более социологический характер и опираются на метод анализа дискурса, другие основаны на политическом анализе. Вне зависимости от используемого подхода и методологии, все без исключения статьи однозначно показывают, каким образом такие социальные мифы постконфликтных обществ, как «образ врага», ощущение себя в качестве «жертвы» и поиск «спасителя» становятся основой для манипулирования общественным мнением и вносят лепту в стагнацию внутривнутриполитической жизни и сдерживание демократических процессов.

Третий исследовательский блок, посвященный СМИ, объединяет изучение господствующей тенденции журналистской этики и преобладания образов врага в быстро растущей блогосфере. Изучение журналистской этики показало, как зачастую трудно провести границу между объективностью и патриотизмом во времена конфликтов. Была подчеркнута важность разработки собственных норм этического поведения, что позволит журналистам управлять их этическими дилеммами и избегать манипуляции со стороны политической дезинформации. Изучение блогосферы, в которой доминирует более молодое поколение, выявило, в сколь широкой степени нарративы и негативные стереотипы, распространяемые большой политикой, образованием и СМИ, воспринимаются и далее распространяются этим молодым поколением. Чувствуется, что если предыдущие поколения обладали «представлением о другом» до конфликта начала 90-х годов, то целое новое поколение выросло без такого представления.

Несмотря на пессимистическую картину, которая вырисовывается из заключений наших исследователей, мы полагаем, что данная публикация все же дает повод для оптимизма. Во-первых, для оздоровления наших обществ надо сначала осуществить правильную «диагностику», выявить реальные (а не мифологизированные) проблемы. Можно с уверенностью сказать, что эта задача выполнена в данном раунде исследовательской работы. Мы рассматриваем как достижение уже сам факт, что данные исследования начали обсуждение столь табуированных тем. Достижением, по нашему мнению, является и тот факт, что они опубликованы и будут предложены для рассмотрения более широкому кругу читателей, которым, будем надеяться, данная книга даст пищу для размышлений и послужит стимулом для переосмысления устоявшихся клише и стереотипов. Надеемся также, что знания, собранные на страницах данной книги, внесут свою лепту в преодоление эссенциализма будущими поколениями жителей Кавказского региона. Это, в свою очередь, даст возможность Кавказским обществам выявить альтернативные пути осмысления общественно-политических процессов, что сделает возможным более позитивное взаимодействие в данном регионе.

Хотим поблагодарить всех без исключения участников и руководителей проекта за искреннее и целеустремленное сотрудничество и надеемся, что читатели получат удовольствие от ознакомления с результатами исследований.

Редакторы.

РАЗДЕЛ I

Десоветизация и национализация истории в России и странах Южного Кавказа

ВВЕДЕНИЕ

Опыт сравнительного анализа школьных учебников

Оксана Карпенко

Введение

После распада СССР возникло множество конфликтов («территориальных», «международных»), часть которых перешла в вооруженные противостояния, до сих пор не нашедшие решения. К таковым, в частности, относятся грузино-осетинский, грузино-абхазский, армяно-азербайджанский. В центре предлагаемого вашему вниманию исследования – «войны памяти»¹ – одно из измерений этих конфликтов. В ходе таких «войн» актуальные конфликты интерпретируют как восстановление поправленной в прошлом справедливости.² Опираясь на «объективные исторические свидетельства», оппонентам («сепаратистам», «оккупантам» и т.п.) приписывают мотивы, устремления и действия, радикально противоречащие собственным интересам. В условиях отсутствия взаимного доверия стороны рассматривают противостояние в категориях игры с нулевой суммой («либо мы их, либо они нас»). Конструктивный выход из конфликта оказывается заблокированным, ибо любое компромиссное решение рассматривается одним из участников как более выгодное оппоненту, как собственный (ничем невозполнимый) проигрыш.

В своей работе мы исходили из допущения, что большую роль в формировании непреодолимых барьеров на пути разрешения современных конфликтов между бывшими «братскими народами» парадоксальным образом играет их *общее* «прошлое», точнее, существовавшая до распада СССР общность подхода к его (прошлого) репрезентации.³ Подвергнутый (в разной мере радикальной) ревизии советский дискурс национал-строительства не только не утратил своего влияния, но и составил основу постсоветских политик идентичности. Можно сказать, что современные модели национальной идентичности строятся на *обломках* «социалистических наций», по старым чертежам и с использованием этих *обломков* в качестве строительного материала. В частности, ни один из современных «межэтнических» конфликтов не обходится без использования (в процессе доказательства справедливости территориальных претензий) аргумента о глубинной («с древнейших времен») связи «народа» (как этнокультурного единства) с определенной территорией или аргумента об отсутствии такой связи, при доказательстве необоснованности претензий оппонента.

1 Это словосочетание используется не как аналитический инструмент, а как метафора, призванная обозначить остроту и бескомпромиссность символической борьбы вокруг права на обладание «исторической истиной». Один из возможных подходов к исследованию таких «войн» предложил Виктор Шнирельман в своей книге *Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье* (В. Шнирельман (2003 г.). *Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье*. ИКЦ Академкнига: Москва).

2 Как показывают даже самые поверхностные наблюдения, легитимация коллективного насилия, как правило, опирается на патриотические лозунги: «мы» не нападаем и не претендуем на «чужое», «мы» защищаем то, что «по праву принадлежит нам» (исторические земли, культурное наследие и т.п.). Каждая из сторон претендует на обладание «объективными и неопровержимыми историческими фактами», доказывающими нелегитимность претензий и действий оппонента, и артикулирует свои действия как восстановление/защиту «исторической справедливости».

3 Все государства, включенные в наш анализ, входили в состав СССР на правах либо союзных республик (Армения, Азербайджан, Грузия, Россия), либо автономий внутри союзных республик (Абхазия и Южная Осетия – автономные республика и область в составе Грузинской ССР, Нагорная Карабахская Автономная республика в составе Азербайджанской ССР). Разработка республиканских учебников истории строго контролировалась Министерством образования СССР. Их содержание подчинялось общесоветскому канону исторического нарратива.

Основная цель коллективного проекта, результаты которого будут представлены в нескольких статьях этого сборника, состоит в выявлении правил формирования дискурсов школьных учебников истории в разные исторические периоды (1980-е, 2000-е гг.) и в разных (национальных) контекстах (Абхазия, Азербайджан, Армения, Грузия, СССР, Россия, Южная Осетия) для того, чтобы понять дискурсивные механизмы производства и воспроизводства «войн памяти» (или «конфликтной памяти»). В центре нашего внимания – практики нормализации собственной оценки ситуации как «справедливой»/«соответствующей реальному положению дел», и необходимое (хоть и недостаточное) условие такой нормализации – *эссенциализация* групп, вовлеченных в конфликт. Проводя исследование, мы пытаемся понять, что в предлагаемых ученикам (нормализованных) моделях идентификации мешает конструктивному диалогу между враждующими сторонами и/или поддерживает взаимное недоверие и враждебность.

В начале проекта перед его участниками из Абхазии (Инар Гицба), Армении (Тигран Матосян), Азербайджана (Севиля Гусейнова), Грузии (Деспине Коиавя, Нино Чиковани), России (Оксана Карпенко) и Южной Осетии (Мадина Бетева) были поставлены амбициозные задачи. Предполагалось, что результатом работы станут тексты, описывающие два измерения отказа от «советского» опыта написания школьной истории и «управления» ею:

- во-первых, нас интересовал отказ от «советских» норм и нормативов в области политики школьного исторического образования (изменения в учебных планах и нормативном содержании учебников, ротация агентов и процедур контроля содержания исторического образования и т.п.). Мы предполагали проследить специфику трансформации исторических политик (в части издания школьных учебников) в исследуемых странах. Мы исходили из того, что, несмотря на общее советское прошлое, в каждой из них складывалась своя особая констелляция вызовов, агентов и идей, направивших историческую политику постсоветского периода в определенное русло;
- во-вторых, мы хотели понять, в чем состоит отличие «советского» («интернационального») исторического нарратива от современных («национальных»). Сосредоточив внимание на критическом анализе текстов школьных учебников истории, мы намеревались проследить разрушение/наследование советского типа исторического повествования. Нас интересовали, среди прочих, ответы на следующие вопросы: Что концептуально нового предлагают современные нарративы? Какие дискурсивные ресурсы советского нарратива оказываются задействованными в строительстве новых национальных идентичностей? Как изменилась предлагаемая учебниками нормализованная система различения «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов»?

Исходя из этих исследовательских интересов, проект был разделен на две части. В первой участники собирали материал и анализировали публичную дискуссию о школьном

историческом образовании, официальные документы, призванные регулировать форму и содержание этой дисциплины (в т.ч. учебники) и т.п. Кроме анализа текстов, каждый участник провел экспертные интервью со специалистами, которые были и/или продолжают быть активно вовлечены в соответствующую работу (авторы учебников, сотрудники министерств и ведомств, методисты, учителя).

Во второй части проекта исследователи должны были провести критический анализ текстов учебников. Взяв последние советские и ныне действующие школьные учебники истории, мы поместили в фокус анализа репрезентации территориального и культурного строительства советских наций за период от Октябрьской революции 1917 г. до принятия Конституции СССР в 1936 г. Мы полагали, что исследование описания процессов советизации и создания/разрушения независимых государств позволит нам увидеть принципиальные изменения в образовательном дискурсе, сходства и различия между советскими и постсоветскими конструкциями «национальной независимости» и ответить на вопрос, почему этно-националистические лозунги получили в конце 1980-х годов и продолжают получать массовую поддержку/понимание населения.

Временные ограничения и различия в методологических предпочтениях участников проекта не позволили нам в полной мере реализовать задуманное. Многие общие выводы, которые будут представлены в данном тексте, носят предварительный характер. Кроме того, далеко не весь обширный материал, собранный участниками проекта, нашел отражение в текстах статей. (Каждому из авторов была предоставлена возможность выбрать сюжет, который ему/ей был более интересен.) Однако это не снижает ценности выполненной работы.

Учебники как инструмент легитимации «нашей» версии событий

Становление независимых государств на постсоветском пространстве было сопряжено с трансформацией прежних советских (институционализованных, объективированных) моделей идентификации со «своим народом» и с постепенной стабилизацией новых. В центре национальной идентификации находятся практики коллективной памяти. Уроки отечественной/национальной истории (истории «нашей страны/народа») в государственной общеобразовательной школе – важнейший институт усвоения навыков использования «исторических фактов» в процессах идентификации «своего» и «другого народа», легитимации и, напротив, оспаривания различных политических решений, в том числе о справедливости и возможности применения коллективного насилия. Осваивая логику исторического повествования, риторику разоблачения «врагов» и восхваления «героев», обретая навыки установления причинно-следственных связей и т.п., школьники учатся *видеть* «друзей» и «врагов» и *правильно* реагировать на «угрозы национальным интересам».

Очевидно, что учебники не могут рассматриваться как единственный и/или наиболее эффективный инструмент формирования исторического сознания молодых людей.⁴ Однако они продолжают оставаться наиболее широко распространенным типом социализирующих текстов, находящихся под контролем государства.⁵ Последнее обстоятельство позволяет рассматривать их содержание как одно из воплощений государственной политики идентичности.

По мнению Виктора Шнирельмана, аксиоматичное представление о том, что люди изучают историю для того, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее, нуждается в кардинальном пересмотре.⁶ История как школьная дисциплина в гораздо большей степени нацелена на ориентацию ученика в настоящем, чем на предоставление ему «объективной и достоверной» информации о прошлом. Репрезентации прошлых событий, исторических деятелей и т.п. играют вспомогательную роль в деле воспитания «патриотов Родины» и/или производства «критически мыслящих людей».

Для многих постсоветских стран характерно эклектичное сочетание патриотического воспитания и развития критического мышления в формулировках миссии школьного исторического образования. Нормативные документы, призванные регулировать форму и содержание этой дисциплины, требуют воспитывать «патриотов своей родины» и умножать армию «критически мыслящих людей». С нашей точки зрения, одновременная реализация этих двух требований невозможна. Нормативное требование «любить Родину и свой народ» не предполагает критической рефлексии и споров о легитимности действий государства, предъявляющего гражданам «патриотический долг» к оплате. Проблема в том, что даже в тех постсоветских странах, где патриотическое воспитание не артикулируется в качестве основной миссии школьного исторического образования (например, в Грузии), репрезентация событий, отражающих актуальные (территориальные) конфликты, связана с оправданием действий власти и доказательством необоснованности и несправедливости претензий оппонента.

4 Источником исторических знаний могут быть семейные истории и художественные фильмы, телевизионные ток-шоу и разнообразные интернет-ресурсы, компьютерные игры, использующие исторические сюжеты, выступления активистов на политических митингах и т.п.

5 M. A. Apple & L. K. Christian-Smith (ред.) (М.А. Эпл и Л.К. Кристиан-Смит) (1991 г.). *The Politics of the Textbook* (Политика учебников). Routledge: New York; M. A. Apple (2004г.). *Ideology and Curriculum. 3rd ed.* (Идеология и программа. 3-е издание), Routledge: New York; S. L. Ssig (2009 г.). 'Textbooks and Beyond: Educational Media in Context(s)' (Учебники и не только они: средства обучения в контексте), *Journal of Educational Media, Memory, and Society*, vol. 1, Issue 1.

6 «На самом деле люди выстраивают и конструируют прошлое, во-первых, исходя из окружающей их социополитической действительности и связанных с нею интересов, а во-вторых для того, чтобы, опираясь на это интерпретированное соответствующим образом прошлое, выдвигать проекты на будущее. Мало того, апелляция к отдаленному прошлому, самобытному историческому пути и тесно связанной с этим концепции национального характера позволяет действующим политикам и чиновникам отвести от себя обвинения в бессилии, в неумении исправить современное положение дел и даже в злоупотреблении властью. Ведь легче сослаться на особенности „национального духа“ и неумолимые „законы истории“, чем признаться в собственных промахах» (В. Шнирельман (2000 г.). 'Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика' в А. Малашенко и М. Б. Олкотт (ред.) (2000 г.). *Реальность этнических мифов*. Гендальф: Москва, с.13).

Во всех исследованных нами случаях становление независимой государственности в начале 1990-х гг. ассоциировалось с «деидеологизацией истории» и с отказом от советской («марксистско-ленинской») традиции восприятия и артикуляции исторических процессов. (В школьных учебниках можно обнаружить немало примет такого отказа.⁷) Формой деидеологизации стали различные варианты национализации истории, в которых с советских времен сохранился основной посыл (воспитание населения в уважении к действующей власти и неприятии ее «врагов»⁸) и основная сюжетная линия (становление своего народа в качестве самобытного культурного и политического субъекта). Но при этом происходит радикальное переопределение смысла, вкладываемого в понятие «независимость».

Строительство новых национальных государств выдвигает на первый план задачу консолидации общества на новых («национальных») основаниях, побуждения его членов к активному участию в таком строительстве.⁹ История переписывается исходя из соображений политической целесообразности, а учебники используются как один из важных инструментов исторической политики.¹⁰ Ни в одной из стран Южного Кавказа не было подвергнуто серьезной ревизии представление об учебнике истории как об инструменте формирования лояльного гражданина, обладающего «позитивной национальной идентичностью», разделяющего цели, идеалы, ценности «своего народа».

Обретение *реальной* (а не «фиктивной») независимости предполагало комплексное переосмысление оснований национальной идентификации. Вовлечение новых государств в вооруженные конфликты актуализирует задачу формирования граждан, готовых (в случае необходимости) к защите атрибутов национальной независимости («исторических земель», «национального языка», «территориальной целостности» и т.п.) «с оружием в руках». В этом контексте вопрос профессионализма суждений по «острым» темам отступает на второй план. Как и любое публичное высказывание о природе и решении актуальных конфликтов, текст учебника оценивают по шкале лояльности «интересам народа». Отбор тем, сюжетов, персонажей, интерпретаций событий, освещаемых в учебнике, а иногда логика и вся структура исторического нарратива подчиняются задаче легитимации позиции властей соответствующего государства в текущем конфликте.¹¹

7 Смещение акцента с классовой борьбы на национально-освободительную, исчезновение цитат из классиков марксизма-ленинизма и ссылок на решения съездов коммунистической партии и т.д.

8 Сохранившаяся с советских времен конструкция позволяет государственной власти утверждать себя в качестве единственного выразителя и защитника «интересов народа», обладающего легитимным правом идентифицировать его «врагов» и бороться с ними.

9 В. Шнирельман (2010 г.). «Патриотическое воспитание»: этнические конфликты и школьные учебники истории, документ доступен на сайте по адресу http://scepsis.ru/library/id_2710.html

10 Историческая политика – набор практик, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие (А. Миллер (2012 г.). 'Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века', *Историческая политика в XXI веке: Сборник статей*, стр. 7-32).

11 Очевидно, что любой учебник с неизбежностью селективен, он предлагает (определенным образом) упрощенную версию истории (S. Lässig (2009 г.). *Указ. соч.*, стр.1. Как иначе можно разместить «историю страны/народа с древнейших времен до наших дней» на ограниченном числе страниц? Приступая к написанию учебника, авторы не решают вопрос о том, все или не все известные историкам события, фигуры, интерпретации отражать в тексте. Вопрос, который они вынужденно решают: какую процедуру селекции выбрать? Как обосновать легитимность такого выбора?

По мнению Севиль Гусейновой, репрезентация периода становления советской власти и формирования Азербайджанской ССР (и в целом постсоветская версия истории Азербайджана) направлена на обслуживание современного карабахского конфликта. В современных учебниках советскую идеологему «дружбы народов» сменила концепция «многовековой армяно-азербайджанской вражды». Авторы используют любую возможность подчеркнуть негативную роль «армян» в событиях истории Азербайджана с «незапамятных времен», превращая последнюю карабахскую войну в кульминацию противостояния, последнюю битву, в которой решается вопрос «либо мы, либо они».

Переписывая историю советизации в терминах «(советской) оккупации» Азербайджана, авторы учебников указывают на активную роль «армян-большевиков» и «дашнаков» (с которыми, как предполагается, сотрудничали «большевики») в установлении советской власти в Азербайджане; на высокие должности, предоставленные «армянам» в структурах государственного и партийного управления советского Азербайджана, и т.п. Политика и практика «дружбы народов» теперь рассматривается как фикция, призванная скрыть «истинную цель»: лишить «азербайджанцев» национальной идентичности, отдалив их «от своих национальных истоков». Замалчивание фактов антимусульманских погромов (организованных армянскими националистами в Баку и его окрестностях в марте 1918 года) в период становления советской власти считают одним из проявлений этой политики.¹²

По мнению Тиграна Матосяна, занятого изучением армянских учебников, в них интерпретации процессов советизации и карабахского конфликта на протяжении 1990-х годов заметно меняются по мере изменения позиции политического руководства страны. Если в первом постсоветском учебнике (1994 г.) становление советской власти рассматривалось в терминах «оккупации», то во втором (2008 г.) происходит сдвиг в сторону более позитивной оценки советизации и включения Армении в состав СССР. Матосян предлагает два возможных объяснения этого факта: это может быть связано с возросшим за последние десятилетия политическим и экономическим влиянием России в Армении и/или обусловлено признанием в публичном дискурсе и научных кругах (особенно на фоне современной социально-экономической нестабильности) достижений советской Армении.

Что касается репрезентаций в учебниках карабахского конфликта, то они во многом отражают контекст армяно-азербайджанских отношений различных периодов. Первый учебник (1994 г.) был написан во время активной фазы вооруженного конфликта и предлагает более жесткие формулировки. Второй (2008 г.) написан в период «ни войны, ни мира» и предлагает более взвешенную позицию. В обоих учебниках вина за конфликт возлагается на большевистское руководство, которое предало «интересы армянского народа» и жителей Нагорного Карабаха, необоснованно (по личному решению Сталина)

¹² При этом сохраняется молчание по поводу фактов армянских погромов, происходивших в ходе установления в Баку власти тюркских националистов (сентябрь 1918 г.).

передав «исторические земли армян» Азербайджану. Имплицитно присутствует идея о необходимости восстановления «исторической справедливости» и о предоставлении населению Нагорного Карабаха права на реальное самоопределение.

Стремление руководства Грузии защитить территориальную целостность страны выводит на первый план грузинского исторического нарратива сюжеты формирования «единого многонационального грузинского государства» и его защиты от «иноземных захватчиков». В современных, постсоветских учебниках истории роль такого «захватчика», с начала XIX века, приписана последовательно Российской империи, большевистской/советской и современной России. Как «присоединение к России» в XIX веке, так и установление советской власти в начале 1920-х гг. связывается с утратой Грузией независимости. Современные конфликты рассматривают, исходя из перспективы противостояния Грузия-Россия.¹³ Как показывает Нино Чиковани, на базе этой же перспективы осмысливают формирование в составе Грузинской ССР Абхазской автономной советской социалистической республики (1921 г.) и Юго-Осетинской автономной области (1922 г.). Решения советской власти, предоставившей абхазам и осетинам право (территориально) самоопределиваться, лишаются легитимности, будучи ассоциированы с действиями «колонизаторов/оккупантов».

Авторы грузинских учебников, написанных после 2005 года, подчеркивают многонациональность грузинского общества и рассматривают «грузин», «осетин», «абхазов» и др. как части единого «народа Грузии»¹⁴. При этом подчеркивается преемственность (в части гарантий защиты прав меньшинств) между Конституциями Демократической республики Грузия (1918-1921 гг.) и современной Грузии. Однако, как обращает внимание Чиковани, существует расхождение в статусе, приписываемом в учебниках «абхазам» и «осетинам». В этом контексте отделение Абхазии оценено как действие, направленное на удовлетворение имперских амбиций России и противоречащее *истинным* интересам «абхазского народа» (ведь «Грузия – единственная родина абхазов»). «Осетины» же представлены как «национальное меньшинство», группа, переселившаяся с Северного Кавказа столетия назад и гостеприимно встреченная грузинским обществом. Эта группа наделяется правом на культурную, но не на территориальную автономию. В учебниках истории Грузии предоставление «южным осетинам» территориальной автономии в 1921 году рассматривается как мина, заложенная большевиками, которая сработала в далеком будущем.

13 Этим отличаются новейшие постсоветские учебники от первых, в которых вооруженные выступления абхазов и осетин 1918-1921 годов рассматривались как борьба против «законной власти Грузии» (Демократической республики Грузия), способствовавшая оккупации Грузии большевиками.

14 С точки зрения Нино Чиковани, это отражает перемещение акцента с этнического национализма на гражданский, проявившееся в политическом дискурсе концептом «многонациональной грузинской нации». В целом, по ее мнению, учебники после 2005 года демонстрируют стремление к нейтральному описанию истории Грузии и представлению картины многонациональной и многоконфессиональной Грузии, сформировавшейся на протяжении веков усилиями всех народов ее населяющих (N. Chikovani (Н. Чиковани) (2008 г.). 'The Problem of a Common Past in Multiethnic Societies (The Case of Georgian History Textbooks)' (Проблема общего прошлого в мультиэтнических обществах (пример грузинских учебников истории)), *Internationale Schulbuchforschung, Tom 30, Выпуск 4*, стр. 797-810).

Анализ современных южноосетинских учебников, проведенный Оксаной Карпенко и Мадией Битеевой, показывает, что в них большое внимание уделено формированию концепции «единого осетинского народа», разделенного между двумя государствами: Россией, поддерживающей идею «осетин» о формировании самостоятельного государства на территории Грузии или «объединения» в составе России, и Грузией, не желающей признавать такое право. Исходя из оценок современного противостояния (Россия – Грузия) переписывают и процесс становления Южно-Осетинской автономии в 1920-х гг.

Центральным сюжетом исторического нарратива оказывается формирование «единого осетинского народа», его разделение (в ходе создания осетинских автономий в составе РСФСР и ГССР) и «вековая мечта» о воссоединении. Становление советской власти в регионе ассоциируется, с одной стороны, с реализацией права «осетинского народа» на самоопределение (в форме обособленных государственных образований), с другой – с победой «грузинских большевиков-националистов», не позволивших «осетинам» воспользоваться этим правом в полном объеме (т.е. не допустивших формирования *единого* государства на «исторических осетинских землях»). Руководство Грузии (Грузинской Демократической республики, Грузинской ССР, современной Грузии) рассматривается как основное препятствие на пути реализации «вековой мечты» о независимости. Современный территориальный конфликт этнизируется и укореняется в предшествующем советской эпохе прошлом.

В абхазском случае, описанном Инаром Гицба, центральной (при обосновании справедливости современных претензий Абхазии на образование самостоятельного государства) является тема обретенной (после победы советской власти и разгрома Грузинской демократической республики) и утраченной (с присоединением к Грузинской ССР) государственной независимости. Центральным мотивом исторического повествования оказывается артикуляция параллельного, независимого друг от друга развития «грузинского» и «абхазского народа». Абхазия изображена как равный Грузии игрок на политической арене, с установлением советской власти сначала освободившийся от «грузинской оккупации», а потом утративший независимость при включении в состав ГССР.

Ссылаясь на различные документы (соглашения и договоры, в разное время заключенные «абхазами»), авторы учебников стремятся доказать необоснованность представления о том, что имеются какие-либо основания рассматривать Абхазию (до включения в ГССР в 1921 г.) как часть/автономию Грузии. «Обоснованному» и согласованному (властями советской Грузии и Абхазии) решению об учреждении Абхазской советской социалистической республики (26 марта 1921 г.) противопоставлено постановление Кавбюро ЦК от 16 ноября 1921 г., которое отвергало целесообразность существования экономически и политически независимой Абхазии и предполагало ее включение в состав Грузии на «договорных началах». Ноябрьское (1921 г.) решение ассоциируется с активным неприятием самой идеи независимой Абхазии И.В. Сталиным и оценивается как первый шаг «грузинского»

руководства на пути поэтапной ликвидации независимости Абхазии. Указание на особую заинтересованность в ликвидации независимости Абхазии «грузинских большевиков» и «лично Сталина» (как отмечают авторы – «грузина по национальности») призвано, с одной стороны, способствовать дискредитации решения, с другой – этнизировать конфликт, связать его с конфликтом интересов «грузинского» и «абхазского народа».

Российский случай (Оксана Карпенко) специфическим образом вписан в данный проект. Разбирая его, я фокусировала внимание на следующих вопросах. Какое представление о конфликтах на Кавказе и роли в них России предлагают учебники истории, по которым учились в советское время и учатся сегодня школьники в России? Как в школьных учебниках (СССР/России) менялась репрезентация кавказских регионов/ территорий/ республик/ государств? Чем можно объяснить легкость, с которой население постсоветских государств откликнулось (в конце 1980-х годов) и продолжает откликаться на националистические лозунги? Для ответа на эти вопросы был проведен сравнительный анализ советских и постсоветских артикуляций актов «присоединения народов к России», в ходе которых были утверждены различные модели отношений между «Россией» и «национальными окраинами»: «тюрьма народов» vs «дружба народов». Для анализа были выбраны два исторических сюжета: присоединение Закавказья и Северного Кавказа к России в первой половине XIX века и образование социалистических республик в Закавказье.

В ходе работы был сделан вывод, что как советский, так и современный учебники истории России содержат *колониальный дискурс*, разными средствами создается образ «Другого» (в частности, «Кавказа», «Закавказья»), обосновывающий необходимость воспроизводства отношений господства-подчинения. «Национальные окраины» населяются «отсталыми» и нуждающимися в опеке России «народами».

Можно спорить о том, был ли СССР (в тот или другой период своего существования) инвариантом российской империи, но очевидно, что в российских школьных учебниках не предпринимаются попытки критически осмыслить опыт «освоения национальных окраин» и избавиться от патерналистского взгляда на «соседей». Российское и советское присутствие на территориях современных независимых государств рассматривается как благо для населяющих их народов. Для современных учебников характерна более активная артикуляция темы донорства России по отношению к другим республикам СССР. Соответственно, высказываемые «соседями» претензии не могут быть осмыслены как «справедливые», имеющие под собой какие-либо основания. Предполагается, что в споре о том, кто больше всех жертвовал своими интересами, больше других внес в общую копилку, больше всех пострадал от советского режима, выигрывает Россия.

«Независимость»: между «дружбой» и «враждой» народов

Исследователи обращают внимание на то, что в основе постсоветских «войн памяти» лежит этноцентризм постсоветских образовательных дискурсов и практик идентификации со «своим народом». ¹⁵ Замена формационного подхода цивилизационным (этноцентричным) ассоциируется с современным расизмом, блокирующим выход из «межнациональных» конфликтов. ¹⁶ С другой стороны, сомнению подвергается традиционное толкование советского политического режима, как антинационалистического и/или антинационального. ¹⁷ Корни современных конфликтов обнаруживаются в советской национальной политике, в которой решительная борьба с «буржуазным» национализмом» непротиворечиво сочеталась с утверждением этноцентричной трактовки «социалистических наций».

Концепции «народа», обнаруженные нами в современных учебниках разных стран, мало чем отличаются от бытовавших представлений в советских учебниках 1970-1980-х гг. В них «народы» рассматривают (эссенциалистски) как самостоятельные субъекты истории, обладающие собственными интересами и стремлением претворить их в жизнь. Индивиду, воспринимаемому как «представитель своего народа», предписывается его любить и защищать («патриотизм»).

«Воспитание патриотов» (как в советских, так и в современных азербайджанских, российских и других учебниках) предполагает воспроизводство *целостной* картины

15 В.Шнирельман (2003 г.). Указ. соч.; О. Карпенко (2008 г.). 'Обучение «национальным» различиям: «народ» в школьных учебниках обществоведения' в В. Воронкова, О. Карпенко и А. Осипова (ред.) (2008 г.). *Расизм в языке образования*. Алетейя: Санкт-Петербург, стр. 5- 23; О. Карпенко (О. Карпенко), (2010 г.). 'Teaching "national" differences: *narod* in Russian school textbooks' (Обучение «национальным» различиям: «народ» в российских школьных учебниках), в М. Rivkin-Fish & E. Trubina (М. Ривкин-Фиш, М. Трубина) (ред.) (2010 г.). *Paradoxes of Diversity in the Contemporary World: Discussions of "Culture" and "Tolerance" after the Soviet Union* (Парадоксы разнообразия в современном мире: обсуждения «культуры» и «терпимости» после падения Советского Союза). Woodrow Wilson International Center for Scholars: Washington, DC, стр. 193-217; V. Rouvinski (В. Рувинский) (2007 г.). "'History Speaks Our Language!' A Comparative Study of Historical Narratives in Soviet and Post-Soviet School Textbooks in the Caucasus' («История говорит на нашем языке!» Сравнительный анализ исторических нарративов в советских и постсоветских школьных учебниках на Кавказе)., *Internationale Schulbuchforschung*, 3, Том 29, стр. 235-258; N. Chikovani (Н. Чиковани) (2008 г.). Указ. соч.; S. Rummyantsev (С. Румянцев) (2008 г.). "'Ethnic Territories" Presentations Practices in the Historical Textbooks in Post-Soviet Azerbaijan and Georgia' («Практика представления «этнических территорий» в учебниках истории постсоветских Азербайджана и Грузии), *Internationale Schulbuchforschung*, Том 30, Выпуск 4, стр. 811-824. Некоторые авторы рассматривают этноцентризм как неотъемлемую характеристику истории, создаваемой «национальными государствами» («национальной истории»). Геннадий Бордюгов резюмирует десятилетние споры по поводу наполнения смыслом понятия «национальная история» в рамках проекта АИРО-XXI: «в основном было достигнуто согласие по поводу того, что понятие «национальная история» в социологическом смысле означает систему знаний, сотворенную национальной (принадлежащей той или иной стране) школой историографии, которая в силу неизбывных обстоятельств культурно-исторического развития демонстрирует в разной степени этноцентризм» (Г. Бордюгов (2009 г.). «Национальные истории: тенденции последнего десятилетия» в Ф. Бомсдорф и Г. Бордюгов (ред.) (2009 г.). *Национальные истории на постсоветском пространстве – II*. Фонд Фридриха Наумана, АИРО-XXI: Москва, стр. 9).

16 В частности, см. В. Воронкова, О. Карпенко и А. Осипова (ред.) (2008 г.). Указ. соч.

17 Т. Мартин (2011 г.). Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939 гг. РОССПЭН: Москва; С. Румянцев (2011 г.). «Советская национальная политика в Закавказье: конструирование национальных границ, историй и культур» *Неприкосновенный запас*, 4 (78), стр. 47-65.

настоящего и сопряжено с нормализацией линейной телеологической конструкции прошлого (будь то модель закономерно сменяющих друг друга формаций, «этногенеза народа» или складывания «цивилизаций»). «Историческое мышление» при этом сведено к навыку выстраивания цепочек причинно-следственных связей, помогающих уяснить, «как сумел народ справиться с многочисленными сильными врагами-завоевателями, сохраняя свое национальное существование, как сумел прийти к светлому настоящему».¹⁸ Такая история готовит, прежде всего, «защитников родины» и не может обойтись, с одной стороны, без набора «иноземных врагов-завоевателей», систематически покушающихся на «наше национальное существование», с другой – без риторики «гордости своим народом», не только продлевающим это существование, но поднимающим его на новые высоты. Советские и большинство современных учебников предлагают именно эту модель исторического повествования. Принципиальные изменения, обнаруженные в современных учебниках, коснулись представления о том, что представляет собой «наш народ», в чем состоят его «интересы», при каких условиях может быть признана его «независимость», *чем должно гордиться* и т.п.

Если попытаться коротко сформулировать суть коллизии, то *национальная форма* советского исторического нарратива не претерпела сегодня существенных изменений, в то время как его (социалистическое) *содержание* было вычищено и заменено национальным. Именно этот процесс в данной работе обозначен как «национализация исторического нарратива». В основе этого процесса лежит новое понимание «интересов народа», имеющее прямое отношение к переосмыслению опыта пребывания страны в составе СССР и формирующееся в споре (или диалоге) с советскими представлениями о том, насколько жизнь в Союзе отвечала «интересам [того или иного] народа» и насколько «дружной» была жизнь «советских народов». Если в советской версии «свобода [любого] народа» ассоциируется с освобождением от «эксплуататоров», установлением «советской власти» и превращением «народа» в «социалистическую нацию», то в современных версиях каждый из «народов» осмысливается как в той или иной мере пострадавший от советской власти. Этот опыт страдания используется при конструировании современных национальных историй.

«Дружба народов»

Основная функция исторического образования в СССР 1980-х гг. формулируется как *убеждение* учеников в «исторической неизбежности, закономерности развития и прогрессивности» общества/государства, в котором они живут.¹⁹ В основу советской

18 В. Гучуа и Ш. Месхиа (1984 г.). *История Грузии. Учебник для 7-10 классов. 3-е издание.* Ганатлеба: Тбилиси, стр. 4.

19 Например, «[У]яснение учащимся исторической неизбежности, закономерности назревания социалистической революции составляет главную задачу изучения первого раздела (о периоде империализма) данного учебника» (И.Б. Берхин и И.А. Федосов (1982 г.). *История СССР. Учебник для 9 класса. Издание седьмое.* Просвещение: Москва, стр. 4).

версии истории было заложено представление о классовом антагонизме, с одной стороны, разделяющем «народ» («трудящиеся массы») и «эксплуататоров», с другой – связывающем «(трудовые) народы» узлами «классовой» солидарности. Конфликты и неприязнь между «народами» ассоциировались исключительно с происками классовых врагов («эксплуататоров», «империалистов» и их «пособников»), которые в своем стремлении помешать «народам» объединиться в справедливой борьбе с угнетателями и строительстве нового общества, систематически разобщают и ссорят их. Успех соответствующих провокаций объясняется не глубинными различиями в национальных культурах и/или интересах народов, а в их (народов) недостаточной зрелости («отсталости»), мешающей осознать *объективно* общий (интернациональный) интерес (в строительстве социализма/коммунизма). Предполагается, что исчезновение эксплуататоров автоматически снимает вопрос как о «социальном», так и о «национальном гнете». Легитимных поводов для «национальной вражды» в социалистических обществах быть не может, а существовавшие прежде («при царизме») противоречия автоматически решаются с переходом власти и собственности к «народу». Анализируя дискурсивный образ Баку в советской истории Азербайджана, Севиль Гусейнова в своей статье показывает, как этот город превращается в символ способности советской власти к перерождению (досоветского) «национального антагонизма» в «национальное братство».

В ходе работы мы пришли к выводу, что концепция «дружбы народов» и советское «интернациональное воспитание» сочетали в себе, с одной стороны, нормативное деление населения СССР на «народы», каждому из которых приписывались культурная специфика («своя судьба»/«национальная культура») и политическое «право на самоопределение, вплоть до отделения»; с другой – «дружба народов» предстала перед нами в виде модели статусной субординации народов как в масштабах СССР, так и внутри национально-административных образований. Разговор о «подлинной дружбе советских наций» оказывается инструментом утверждения гегемонии одной из них на определенной территории. Положение «русского народа» и «русского пролетариата» в этом контексте специфично. Он оказывается гегемоном не столько в масштабах «своей республики» (РСФСР), сколько в масштабах всего Союза. Его способность отражать интересы «всех народов, живущих в СССР», объясняется «наибольшей политической сознательностью русского пролетариата».

Как показано в публикуемых здесь статьях, в советских учебниках многократные указания на «равенство народов» и «многонациональность» населения СССР и республик соседствуют с бедностью палитры используемых этнических категорий. Как правило, один «народ» («русский» – в истории СССР, «грузинский» – в истории Грузии, «армянский» – в истории Армении и т.п.) наделяется правом и способностью отражать интересы всех остальных, «живущих [с ним] вместе» в «многонациональной республике/стране». Разговор о «подлинной дружбе советских наций» оказывается инструментом утверждения гегемонии одной из них («титального народа») на определенной территории.

В советском образовательном дискурсе не существовало ресурсов, которые позволили бы говорить о «конфликтах» между «социалистическими нациями» или оспаривать действия вышестоящей власти. Разговор о «международных конфликтах» и несоблюдении интересов различных народов в СССР становится возможен лишь с разрушением монополии КПСС на гегемонию и превращением СССР в масштабный, полный просчетов и разного рода манипуляций интересами народов эксперимент советского руководства. В советском дискурсе конфликтов не было, так как существовали (репрессивные и идеологические) механизмы их блокировки. После разрушения СССР в разных регионах начинают говорить о конфликтах, порожденных советской национальной политикой (переселение народов, волюнтаризм в проведении границ территорий, предоставлении статусов и т.п.).

Современные азербайджанские учебники можно рассматривать как пример наиболее радикального отказа от идеи и практики «дружбы народов». Идея «многовековой армяно-азербайджанской вражды» образует каркас исторического нарратива. Современный конфликт объясняется не конкретными социально-политическими, экономическими условиями и/или интересами союзных и республиканских элит позднесоветского общества, а существующим с «незапамятных времен» противостоянием двух «народов». Севиль Гусейнова подчеркивает, что советская версия истории Азербайджана предполагала, наряду с замалчиванием фактов армянских/мусульманских погромов и т.п., максимальную деэтнизацию описания подобного рода событий.²⁰ В постсоветской версии установка на замалчивание сохраняется, но меняется репертуар «неудобных» фактов. Конфликты максимально этнизируют и представляют в качестве неизбежного результата контактов между представителями двух «исторически враждующих» групп. Постоянное ущемление интересов «титового народа» усматривают во всем, что делает советское правительство («колониальная администрация»)²¹, а «армянам» («армянским большевикам») приписывают исключительно этническую, «антиазербайджанскую» мотивацию поведения.

В отличие от радикально этнизированного подхода к репрезентации «врага» в азербайджанских учебниках, армянские учебники предлагают конструкции, в которых гораздо больше внимания уделяется политическому и международному контексту событий. В случае Карабахского конфликта в роли противника выступает не «азербайджанский народ», а правительство Азербайджана. Вместо «исторической вражды» и артикуляции «неизбежности этнического конфликта» авторы рассматривают темы, связанные с реальной политикой и закулисными интригами (в частности, соглашения между Советской Россией и кемалистской Турцией), из-за которых ущемляются права армянского народа.

В обществах, где в центр современной официальной конструкции национальной идентичности поставлена идея «многонациональной и многоконфессиональной нации»

²⁰ Конфликты представляются как классовые, а «дружба народов», состоящих из пролетариев и крестьян, не ставится под сомнение.

²¹ В частности, в терминах этнического противостояния рассматриваются репрессии советского времени.

(случаи Грузии и России), сама ценность установки на «дружбу народов» («этническую толерантность») не оспаривается.²² Более того, утверждается, что «дружеское отношение ко всем народам, населяющим нашу страну», является традицией, глубоко укорененной в опыте «титულიной/государствообразующей нации» этих стран. Такая установка блокирует возможность строительства образа «врага» в опоре на его радикальную этнизацию (как это происходит в случае Азербайджана). Подчеркивается и позитивно оценивается факт этнической гетерогенности общества. В центре внимания находится задача сохранения «территориальной целостности» государства. В основание конструкции «врага» заложено обвинение в «сепаратизме» или его поддержке извне. В постсоветских грузинских учебниках грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты рассмотрены, исходя из перспективы противостояния Грузия-Россия. Грузинской стороной вина за продолжение конфликта возлагается на Россию, российской – на Грузию.

«Право наций на самоопределение вплоть до отделения»

Принципиальным для понимания природы конфликтов, возникших после демонтажа СССР, является тот факт, что советский исторический нарратив не был лишен националистического содержания. Национализм (как политический принцип) был определенным образом интегрирован или *поставлен на службу* социалистическому содержанию, а с разрушением основ последнего обрел самостоятельное значение, стал массово освоенным орудием «справедливой борьбы за независимость» и производства (ее) «врагов». Историческая политика, осуществляемая во всех анализируемых нами странах, (сознательно или неосознанно) эксплуатирует это «наследие», мешая, а порой и блокируя освоение новых подходов к исследованиям и преподаванию истории.

В СССР невозможность использования понятия «национализм» для описания реалий советского общества²³ соседствовала с нормализацией политического принципа, суть которого состоит в том, что политическая и культурная единицы должны совпадать.²⁴ (Советские учебники утверждали, что в СССР этот принцип был полностью воплощен в жизнь и, как следствие, созданы *естественные основания* для «дружбы народов».) С другой стороны, из этого нарратива полностью исключалась возможность тематизации конфликтов, которые могут сопровождать реализацию (или нарушение) соответствующего принципа на деле.

22 Но, по версии современных российских учебников, цементом, связавшим и удерживающим «социалистические нации» в СССР была не имманентно присущая их отношениям «дружба», а структурные характеристики и организационные принципы работы «партии нового типа».

23 Позитивный смысл это понятие могло обрести исключительно в контексте «справедливой борьбы за независимость колониальных народов».

24 Э. Геллнер полагает, что требование соблюдать этот принцип (политические и национальные единицы должны совпадать) отражает суть национализма (Э. Геллнер (1991 г.). Нации и национализм. Прогресс: Москва, стр. 23).

Советские школьники социализировались в мысли о существовании у «народа» неотъемлемых прав на развитие «своей культуры» на «своей территории». Однако некоторые вопросы (насколько действия советского руководства соответствовали заявленному принципу; на каком основании реально проводились территориальные границы и устанавливались легитимные претенденты на обладание соответствующими территориями и т.п.) невозможно было поставить без риска быть обвиненным в подрыве советской власти. Кроме того, большинству советских людей такие вопросы в принципе не могли прийти в голову. Артикуляция в учебниках зазора (очевидного для тех, чьи интересы непосредственно затрагивали те или иные решения) между (пропагандистской) риторикой и реальной практикой была практически исключена.

В контексте разрушения монополии КПСС на легитимное насилие и производство «истины» именно требование *реального* обеспечения права наций на самоопределение получает массовую поддержку, становится символом «демократизации». Собственно о других коллективных правах, способных превратиться в лозунги для мобилизации на уровне республик, речи в учебниках и не идет. Право наций на самоопределение оказывается единственным усвоенным советскими людьми принципом справедливого устройства многонационального общества. Принципом, нарушение которого становится главной претензией к СССР и «большевикам/коммунистам». Соответственно, можно допустить, что массовая поддержка требования национальных элит от отделения от СССР стала непредвиденным следствием массового воспроизводства через систему образования идеи о легитимности такого требования.

Во всех исследованных современных учебниках мы имели дело с идеей восстановления утраченной в 1920-х годах независимости. Однако роль советской власти в этом процессе оценивается по-разному. Если в случае Армении, Азербайджана и Грузии «советизация» рассматривается как разрушение обретенной (в 1918 г.) независимости и установление «оккупационного режима», то в Южной Осетии и Абхазии установление независимой государственности ассоциируется с решениями союзного правительства. В двух последних случаях современный оппонент (Грузия) выступает как актер, который предоставленную «Советской Россией» независимость последовательно отбирал (руками своих «представителей» и под разными предложениями).

Заключение

Проводя исследование, мы не ставили перед собой задачи изменить существующие в наших странах подходы к историческому образованию, хотя и искали аргументы для доказательства необходимости такого изменения. Мы говорим об опасностях воспроизводства этноцентричных трактовок истории сообществ, но не настолько наивны, чтобы не понимать, что такие трактовки – удобный инструмент манипуляций

и политической мобилизации, от которого мало кто из политиков склонен отказаться.²⁵ Стоит учитывать, что для большинства членов постсоветских обществ сомнение в *объективном* существовании границ между «этнотами» является, в лучшем случае, вызовом «природе вещей», в худшем – «водой на мельницу врага». Идея гражданской нации или конституционного патриотизма, как и идея прав человека или толерантности (отличной от «дружбы народов»), остаются неосвоенными, маргинальными, а для некоторых и «чуждыми нашей политической культуре».²⁶

Мало кто (даже внутри профессиональных сообществ социальных исследователей) сомневается в аксиоматичности и берет за критическое рассмотрение допущений, лежащих в основе массовой уверенности в *естественности* этнических границ или патриотических чувств.²⁷ Еще меньшее количество людей осознает роль языка, на котором мы говорим о социальных различиях, в качестве инструмента стабилизации одних и исключения других способов интерпретации событий/отношений (в т.ч. «межэтнических конфликтов»). Если набор исторических фактов/персонажей/интерпретаций, предлагаемых учебниками разных исторических периодов, подвергается систематической ревизии, то (эссенциалистский) язык остается мало рефлектируемым «историческим наследием», продолжающим тянуть нас в прошлое.

В ходе работы мы хотели понять, возможно ли в рамках сложившейся модели осмысления исторических событий компромиссное решение территориальных конфликтов (армяно-азербайджанского, грузино-абхазского, грузино-осетинского). Мы пришли к выводу, что в рамках действующей логики формирования национальных историй конфликты оказываются неразрешимыми. Одно из важных оснований для воспроизводства современных конфликтов состоит в том, что современный образовательный дискурс, исключив многие аспекты советской идеологии и языка, сохранил нетронутой связь между этнокультурным и политическим измерением нации, что определяет движение большинства стран бывшего СССР по пути этнонационализма, а не строительства политических наций (согражданств).

Школа продолжает воспроизводить идею о том, что население стран (республик) разделено на «народы», среди которых есть доминирующий («государствообразующий народ»). Как и в советском языке, «народам» приписаны коллективные (культурные и политические) права, однако прежние советские механизмы «решения» конфликтов (замалчивание

25 А если эпизодически осмеливается, то редко понимается глубинный смысл такого отказа.

26 Примером могут служить хотя бы высказывания РПЦ в адрес «западного понимания прав человека».

27 «Приписываемая «этничность» (то есть определяемая властью, а не самосознанием индивидов) была интериоризована людьми и постепенно превратилась из внешнего идентификатора в часть (само) идентичности. Отсюда произошла такая особенность [...] политического мышления, как методологический этноцентризм – взгляд на общество, как на конгломерат этносов («народов»). Этот тип мышления разделяется сегодня как массовым сознанием, так и значительной частью интеллектуальных и политических элит. Бывшему советскому человеку бывает трудно объяснить, что его или ее национальность не является чем-то врожденным» (В. Малахов (2007 г.). «Национальная политика» как феномен политической речи, *Понаехали тут...Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме*, стр. 50).

и подтасовка фактов, репрессии в отношении их участников и т.п.) оказываются разрушенными. Споры между «народами» по поводу того, что именно каждому из них «принадлежит по праву» (исконные земли, культурное наследие, национальные герои и т.п.), превращаются в игру с нулевой суммой: если одна сторона выигрывает, то вторая чувствует себя проигравшей и требует реванша.

На примере анализа выбранных случаев мы видим разные способы национализации истории после разрушения СССР. В центре некоторых из них (в частности, в азербайджанском случае) оказывается формирование «исторического врага», в других (например, России) враг отсутствует, но нормализуется патерналистская модель международных отношений, в которых России («русскому народу») отводится роль всеобщего благодетеля, а всем остальным предписывается испытывать чувство благодарности.

По нашему мнению, разрешение существующих в регионе конфликтов должно сопровождаться пересмотром школьных курсов по национальной истории. Необходимы новые подходы к описанию и интерпретации случившихся в регионе конфликтов. Следует не только окончательно отказаться от «советского опыта», но и заимствовать опыт разрешения противоречий, который накопился в европейской традиции как политического/гражданского образования, так и преподавания истории.

ГЛАВА 1

Баку в первой половине XX века:
пространство «дружбы народов» и
межнациональных конфликтов

Севи́ль Гусейно́ва

Введение

Первая треть XX века стала периодом, когда в Закавказье предпринимались различные попытки создания национальных государств. В 1918-1921 годах вопрос о территориальном размежевании поднимали представители местных национальных движений.¹ В тот период Закавказье было разделено на три республики: Азербайджанскую Демократическую Республику, Демократическую Республику Армения и Грузинскую Демократическую Республику.² Однако границы этих республик до вторжения в регион 11 Красной армии и утверждения советской власти так и не были зафиксированы. Потребовалось два десятилетия советской власти, чтобы границы между тремя закавказскими государствами обрели современный вид.

После включения в состав СССР (в 1922 году) каждая из республик, как и другие национально-территориальные образования подобного рода, пережила советскую культурную революцию. В задачи этой революции входило строительство советской культуры, «национальной по форме и социалистической по содержанию». По мнению американского советолога Терри Мартина, «[Б]ольшевики попытались соединить националистические требования наличия собственной территории, языка, элиты и развития собственной культуры с социалистическим стремлением к экономически и политически унифицированному государству».³ В этом контексте выработывалась оригинальная концепция национального строительства, в которой было возможно одновременное утверждение и отрицание националистического (одна территория – одна культура) принципа.

Введение массового начального, а затем и среднего образования (в том числе и на национальных языках) является важной частью советской культурной революции. В СССР была создана огромная и дорогостоящая образовательная машина, которая сделала

1 В Азербайджане это были, в основном, интеллектуалы, группировавшиеся вокруг партии «Мусават» (азерб. «Равенство»).

2 До конца XVIII – начала XIX вв. весь регион был разделен на ряд мусульманских ханств и несколько христианских грузинских царств, находившихся в зависимости от Персидской империи. Российская империя распространила свою власть на Закавказье в первой трети XIX века. Подробнее о процессе формирования национальных границ см.: С. Румянцев (2010 г.). 'Национализм и конструирование карт «исторических территорий»: обучение национальным историям в странах Южного Кавказа', *Ab Imperio* № 1, стр. 415-461.

3 «Советский Союз не был федерацией и, конечно, он не являлся национальным государством. Его отличительной чертой была систематическая поддержка форм национального существования: территории, культуры, языка и элит. Естественно, это не было оригинальным решением. Национальные формы являются первоочередной внутренней проблемой большинства новообразованных национальных государств. <...> Советская политика была оригинальной в том отношении, что она поддерживала проявление национальных форм меньшинств в ущерб титульным нациям. Она решительно отвергла модель национального государства, заменив ее множеством национальных по типу республик» По мнению Терри Мартина, «мы можем называть большевиков интернационалистическими националистами, или, еще точнее – националистами "позитивного действия", то есть предоставляющими преимущественные права наменьшинствам (Affirmative Action nationalists)». Т. Martin 2001 *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union in 1923-1939*. Ithaca & London: Cornell University Press, стр. 13.

возможным повсеместное распространение секулярной «высокой культуры».⁴ Установка на массовость требовала разработки стандартных курсов по различным предметам, в том числе по отечественной (советской и национальной) истории.

Процесс создания собственных учебников по истории Азербайджана стартует уже в первые годы советизации,⁵ но в школах первый учебник «История Азербайджана» появился лишь в 1960 году.⁶ Он был составлен на основании трехтомного труда по истории Азербайджана, подготовленного в Институте истории Азербайджанской Академии наук.⁷ В одну книгу вместилась вся история Азербайджана от палеолита до послевоенного строительства. Последняя версия появилась в 1970-е годы и состояла из двух учебных пособий. Этот курс был рассчитан на четыре года (с 7-го по 10-й классы). Курсы для каждого года обучения в школе были разработаны в разное время, и в своем последнем виде, использовавшемся вплоть до распада СССР, учебник был составлен лишь к концу 1970-х гг. Он претерпел множество изданий. В настоящем исследовании я анализирую издания (пятое для 9 класса и третье для 10), вышедшие в свет в 1986 году и объединенные в одном учебнике.⁸

Логика исторического повествования в советских учебниках была подчинена государственной идеологии (марксизм-ленинизм). В контексте данной идеологии историки должны были рассказать не только о поступательном развитии социалистической родины, но и показать, какого рода «пережитки» на этом пути были преодолены. «Межнациональная рознь» стала одним из таких пережитков. По официальной (и единственно возможной) версии как «национальный гнет», так и «межнациональные конфликты» были преодолены с победой советской власти и образованием Советского Союза.

В основание советской версии истории заложена модель «дружбы народов», представлявшая советское политическое пространство как бесконфликтное. Разного рода противоречия между «советскими народами» (в лице региональных элит, населения приграничных или передаваемых в административное управление то одной, то другой республики территорий и т.п.) фактически вытеснялось из исторического нарратива. Описывая конфликты между «народами», случившиеся до создания СССР, авторы

4 Э. Геллнер (1994 г.). *Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники*. Москва: Московская школа политических исследований, стр. 126.

5 «... в 20-е годы XX в. у нас в республике были изданы первые обобщающие труды по истории Азербайджана. К числу таковых относится труд М. Велиева (Бахарлы) «Азербайджан» (Физико-географический и экономический очерк, авт.), изданный в 1921 г. в Баку. <> Большое значение имело издание первой на азербайджанском языке «Истории Азербайджана» Рашида Исмаилова» (İsmayilov, Rəşid, Azərbaycan tarixi, Bakı: 1923, Г. С.) Э. Б. Алибекова (2009 г.). *Вопросы древней истории Азербайджана в российской историографии XIX – начала XX вв.* Тегһил: Баку, стр. 66). Перед началом Второй Мировой войны сотрудники азербайджанского филиала Академии наук СССР выпустили несколько пробных макетов-учебников по истории Азербайджана для средних школ, однако ни один из них так и не был принят.

6 А. Сумбатзаде, З.Ибрагимов и, И. Гусейнов (1960 г.). *История Азербайджана. Учебное пособие для средней школы*. Азербайджанское государственное издательство учебно-педагогической литературы: Баку.

7 И. Гусейнов, З. Ибрагимов, А. Гулиев, Е. Токаржевский, М. Шарифли и М. Эфендиев, (ред.) (1958 г.). *История Азербайджана в 3 томах*. Издательство Академии Наук Азербайджанской ССР: Баку.

8 А. Гулиев, Э. Мамедов и К. Рагимов (1986 г.). *История Азербайджана. Учебник для 9-10 классов общеобразовательной школы*. Маариф: Баку.

учебников (и академические историки) избегали каких-либо подробностей, подчеркивали их классовый характер и утверждали, что, несмотря на «провокации царизма и буржуазных националистов», «рассорить народы»⁹ не удалось.

В условиях отказа от доминировавшей в СССР идеологии постсоветским историкам пришлось вырабатывать иные подходы к освещению «межнациональных конфликтов». Новые версии учебников по истории и обществоведению для средних школ начинают разрабатывать уже в первой половине 1990-х годов. В качестве примера современного прочтения событий периода советизации в данной работе взят учебник 2002 года.¹⁰

Как мне представляется, с конца 1980-х годов в азербайджанской историографии складывается традиция, во многом обслуживающая современный армяно-азербайджанский («карабахский») конфликт. Формируется представление о том, что смысл событий, происходящих сегодня, следует искать не в современных (классовых и т.п.) неравенствах, а в историческом прошлом. В результате конфликты между «народами», случившиеся в очень разных социально-политических контекстах и в совершенно разное время, выстраиваются историками в единую цепь. При этом поиск «исторических корней» современных противостояний ведут исключительно для того, чтобы доказать свою правоту и обоснованность претензий оппонента. В контексте подобной историзации¹¹ конфликт между армянами и азербайджанцами, начавшись «в незапамятные времена», непрерывно длился (то «вспыхивая», то «затухая»), пока не достиг своей неизбежной кульминации в последней Карабахской войне. В этой версии национальной истории намеренно игнорируют периоды мирного сосуществования соседей, их репрезентацию, и обсуждение становится невозможным.

Сравнительный анализ текстов советских и современных школьных учебников, излагающих события становления советской власти в Азербайджане, многое проясняет в целях, содержании и способах интерпретации «межнациональных конфликтов». Сравнение двух вариантов национальной истории для школьников позволяет как глубже понять природу школьного исторического знания и специфику каждого из исторических периодов, так и продвинуться в ответе на вопрос о том, что делает некоторые современные конфликты столь трудно разрешимыми. Меня интересуют вопросы: как определяется набор событий, допускаемых в учебном тексте, и как дискурсивно конструируют мифы об «извечной вражде» или «нерушимой дружбе»? В ходе анализа мы более детально рассмотрим, каким образом переписывают историю советизации в Азербайджане в различные периоды времени.

9 Там же, стр. 79-81.

10 Т. Гафаров, И. Мамедов и др. (2002 г.). *История Азербайджана для 11 класса общеобразовательной школы*. Чашьюглу: Баку. Именно этот учебник сегодня используется в школах Азербайджана.

11 «Историзм <> – это убеждение в возможности понять настоящее из прошлого. Это вера в то, что ключ к смыслу событий, происходящих сегодня, лежит в истории. То, что случается сейчас, рассматривается как развертывание тенденций, имевшихся ранее» (В. Малахов) (2005 г.). *Национализм как политическая идеология*. КДУ: Москва, стр. 53.

В центр анализа помещена репрезентация в учебниках событий, происходивших в 1918-1920-е гг. в городе Баку. Этот объект была выбран потому, что даже при поверхностном чтении заметна серьезная трансформация дискурсивных образов Баку в учебниках истории разных периодов. Анализ этих трансформаций позволяет увидеть концептуальные изменения в способах конструирования и использования «исторических фактов».

О специфике межнациональных отношений в Баку неоднократно говорили различные исследователи. Как отмечает немецкий историк Йорг Баберовски, этот город на рубеже 19-20 веков стал «лабораторией агрессивной ксенофобии».¹² Зимой 1905 года там произошли серьезные армяно-азербайджанские столкновения, которые, начавшись в Баку, распространились по всей территории современных Азербайджана и Армении и приняли настолько масштабный характер, что исследователи событий 1905-1908 гг. обозначают этот период как «первую армяно-азербайджанскую войну».¹³

В 1920-е годы, т. е. в первое десятилетие советизации, Баку оставался городом, характеризовавшимся крайне неблагоприятной криминальной обстановкой, был пространством межэтнических столкновений.¹⁴ Но в те же годы он приобретает еще и статус города-«форпоста социализма на Востоке».¹⁵ В советское время, сохраняя максимально разнообразное в этническом плане население, Баку постепенно обретает славу города, в котором в полной мере воплотились идеи интернациональной дружбы народов.¹⁶

12 В конце XIX – начале XX веков Баку был разделен на этнические кварталы: мусульманский (азербайджанский), армянский и административный центр – русский квартал (A. Altstadt-Mirhadi (1986 г.). 'Baku: Transformation of a Muslim Town'(Баку: трансформация мусульманского города), в M. Hamm (М. Хэм) (ред.) (1986 г.). *The City in Late Imperial Russia* (Город в поздней имперской России). Bloomington: Indiana University Press, стр. 303). Произошедшая в начале XX века массовая иммиграция в город русских, армян, евреев, грузин и др. привела к тому, что местные турки-мусульмане, «коренные жители», внезапно оказались в меньшинстве и почувствовали себя ущемленными (Й. Баберовски) (2010 г.). *Враг есть везде: сталинизм на Кавказе*. Rosspen: Москва, стр. 323-324.

13 T. Swietochowski (Т. Свентоховски) (1985 г.). *Russian Azerbaijan 1905-1920* (Российский Азербайджан 1905-1920 гг.). *The Shaping of National Identity in a Muslim Community* (Формирование национальной идентичности в мусульманском сообществе). Cambridge University Press: Cambridge, стр. 37-83; T. Swietochowski (Т. Свентоховски) (1995 г.). *Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition*. (Россия и Азербайджан: пограничная область в состоянии перехода) Columbia University Press: New York, стр. 37-42; A. Altstadt (А. Альтштадт) (1992 г.). *The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule*. (Азербайджанские турки: власть и идентичность в период российского правления) Hoover Institution Press: Stanford, California, стр.27-49, 89-107.

14 «Историзм <> – это убеждение в возможности понять настоящее из прошлого. Это вера в то, что ключ к смыслу событий, происходящих сегодня, лежит в истории. То, что случается сейчас, рассматривается как развертывание тенденций, имевшихся ранее» (В. Малахов) (2005 г.). *Национализм как политическая идеология*. КДУ: Москва, стр. 53).

15 J. Vaberowski (Й. Баберовски) (2010 г.). *Указ. соч.*, стр. 356-381.

16 В 1950-е годы состав населения города постоянно обсуждался на совещаниях руководителей Азербайджанской ССР. Например, в ходе выступления на VIII пленуме ЦК КПА в июне 1959 года секретарь азербайджанского ЦКА Байрамов говорил: «Если бы Баку был таким городом, где до 90-95 процентов или хотя бы 80 процентов были азербайджанцами и 5-6 процентов других национальностей, может быть, в какой-то степени, с большой натяжкой, можно было бы оправдать разговоры о переводе учреждений на азербайджанский язык. Но ведь в Баку сейчас, по последней переписи, азербайджанцы составляют всего 38 процентов, а 62 процентов – представители других национальностей» (Д. Гасанлы, (2009 г.). *Хрущевская «оттепель» и национальный вопрос в Азербайджане (1954-1959 гг.)*, Флинта: Москва, стр. 559).

Ситуация быстро изменилась во второй половине 1980-х годов, с началом Карабахского конфликта и постепенным распадом СССР. В январе 1990-го года в городе происходят армянские погромы, которые совпали с массовыми выступлениями сторонников Народного Фронта Азербайджана (НФА). Затем в Баку вводят советские войска, жестоко подавившие выступления НФА. В итоге – по меньшей мере две сотни погибших горожан, сотни раненых, десятки тысяч беженцев и утрата символической славы города, в котором «народы» «нерушимо дружили». В контексте событий и их осмысления происходит реактуализация столкновений начала XX века. В постсоветском Азербайджане центральная роль отводится погромам, в которых пострадали мусульмане/азербайджанцы. Это, например, погромы, случившиеся в марте 1918 года, которым был присвоен статус «геноцида азербайджанского народа». Рассказ о погромах, в которых пострадали проживавшие в Баку армяне (сентябрь 1918 года), полностью вытесняется из исторического нарратива.

Эта тенденция находит отражение в школьных учебниках. В контексте советского исторического дискурса Баку, в ходе советизации, трансформируется из столицы нефтяного бума и города, известного своей неблагоприятной криминальной атмосферой и межнациональными столкновениями, в город-пример советского интернационализма и «дружбы народов». В постсоветском нарративе период нефтяного бума (рубеж 19-20 веков) становится временем масштабных достижений, Баку превращается в центр борьбы за национальную независимость. При этом «дружба народов» уступает место подробному описанию жестоких межэтнических столкновений. Ниже я приведу более подробное описание особенностей представления Баку в советской и современной версиях национальной истории.

Советская версия: власть большевиков–интернационалистов

В последнем советском учебнике по истории Азербайджана события периода с октября 1917 по июль 1918 года обозначены как «борьба за советскую власть в Азербайджане». Авторы указывают, что

«[В] опубликованных в ноябре 1917 года “Декларации прав народов России”, обращении “Ко всем трудящимся-мусульманам России и Востока” Советское правительство провозглашало равенство и суверенность народов, их право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, призывало к добровольному и честному союзу народов».¹⁷

Победа Октябрьской революции и принятие этих документов рассматриваются как события, определившие развитие ситуации в Баку:

«Весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции была воспринята бакинским пролетариатом с огромной радостью. 31 октября *Бакинский Совет принял предложенную большевиками резолюцию, которая провозглашала Советскую власть в Баку*. А 2 ноября Бакинский Совет принял программу практического перехода власти в руки Советов».¹⁸

Использование клише советского дискурса (типа «огромной радости», испытываемой всем «пролетариатом» или «народом», и т. п.) позволяют четко зафиксировать значимые («судьбоносные») исторические события, противопоставить «положительных»/«наших» героев («большевики», «Бакинский Совет» и т. п.) и «отрицательных» (например, «мусаватистов», «всеобщей радости» не испытывавших).

Как и в любом историческом нарративе, важным оказывается не только набор фактов, но и способ их подачи авторами. Так, например, утверждение, что «пролетарский Баку был первым городом Закавказья, над которым взвилось красное знамя Советской власти»,¹⁹ создает образ этого города как центра революционного движения в регионе. Или авторы легитимируют власть большевиков, указывая на ее признание «пролетариями» («[С] первых же дней социалистической революции бакинский пролетариат стал надежной опорой Советской власти в Азербайджане и во всем Закавказье»²⁰), избегая описания возрастающего в городе напряжения, вылившегося в вооруженную борьбу за власть.²¹

В контексте советского дискурса и марксистско-ленинской идеологии становление «бакинского пролетариата» в качестве «надежной опоры советской власти» оказывается неизбежным. «Пролетариат» просто не мог не поддерживать «большевиков». Идеализация «рабочего класса», превращение его в авангард борьбы за светлое будущее, делает невозможным участие его представителей в межэтнических столкновениях. Действия рабочих, по версии учебника, подчиняются логике укрепления интернациональной, классовой солидарности в борьбе с эксплуататорами.

«По призыву Бакинского Совета сотни бакинских рабочих вступали в ряды Красной гвардии и Красной Армии. За короткий срок в Баку были организованы интернациональный советский полк, боевая дружина Бакинского комитета большевиков, несколько артиллерийских батарей и кавалерийская часть. <...> В борьбе за укрепление позиций советской власти в Баку активно участвовала революционная молодежь. 13 января 1918 года возник "*Интернационалистический союз рабочей молодежи гор. Баку и его районов*", вокруг которого сплачивалась передовая молодежь».²²

18 Там же, стр. 77.

19 Там же, стр. 77.

20 Там же, стр. 77.

21 Из всех больших городов Закавказья в 1917-18 гг. большевики смогли прийти к власти и недолгое время удерживать ее только в Баку. Но для того, чтобы добиться всей полноты власти, им еще предстояло вступить в вооруженную борьбу с представителями местного национального движения.

22 Там же, стр. 77.

Рабочие, как представители «передового класса», неизменно предстают перед нами в качестве интернационалистов. Коллективный идеальный образ бакинских рабочих вынесен авторами за границы межэтнических конфликтов. Сами конфликты, быстро вспыхнувшие в городе, представлены как «мартовские бои в Баку». По версии авторов, эти «бои» были выступлением «буржуазных националистов» («мусаватистов») против легитимной, поддержанной «большинством жителей – бакинским интернациональным классом пролетариев» большевистской власти.

«30 марта 1918 года мусаватисты подняли в Баку антисоветский мятеж. <...> Для руководства борьбой против мусаватской контрреволюции большевики создали *Комитет революционной обороны города Баку и его районов*. В мартовские дни, когда решались судьбы Советской власти в Баку, бакинские рабочие всех национальностей – азербайджанцы, русские, армяне и другие – плечом к плечу мужественно сражались против контрреволюции. <...> После трехдневных упорных боев советские войска наголову разбили мусаватских мятежников. *Эта блестящая победа сделала Бакинский Совет полновластным хозяином города, сорвала все планы закавказских контрреволюционеров*». ²³

Итак, буржуазные националисты-мусаватисты устраивают «мятеж» против легитимной советской власти, а противостоящие им большевики, во главе «бакинских рабочих всех национальностей», организуют «оборону города» и одерживают «блестящую победу». Заметим, что конструкция «блестящей победы» в советском историческом дискурсе предполагает риторику вовлечения в борьбу («плечом к плечу», «рука об руку» и т.п.) трудящихся обязательно «всех национальностей». ²⁴

Добавить «блеска» победе позволяет умножение числа и силы побежденных в ходе боев «мятежников» и «провокаторов». К «мусаватской контрреволюции», в частности, присоединяют «армянских буржуазных националистов-дашнаков», которые «стремясь превратить классовые бои в межнациональные столкновения, стали грабить и убивать азербайджанское население», ²⁵ но получили «отпор [своим] провокациям» со стороны «советских войск». ²⁶

Любопытно, что насильственные действия («грабежи и убийства») «армянских буржуазных националистов-дашнаков» в отношении «азербайджанского населения» уже не могут

²³ Там же, стр. 80.

²⁴ Показательно, что список этнических категорий, поясняющий, из кого состоит группа «бакинских [любых других] рабочих разных национальностей», всегда краткий и открытый (упоминаются только три этнические категории «и другие»).

²⁵ «При активной помощи представителей Англии, Франции и США 15 ноября в Тифлисе грузинскими меньшевиками, мусаватистами и дашнаками был образован Закавказский комиссариат, который сразу же повел ожесточенную борьбу против Советской России, революционных рабочих, крестьян и солдат Закавказья. По указке Закавказского комиссариата мусаватские банды близ станции Шамхор учинили дикую расправу над революционно настроенными русскими солдатами, возвращавшимися с турецкого фронта» (Там же, стр. 80).

²⁶ Там же, стр. 80.

быть описаны в категориях «классовых боев» и превращаются в «межнациональные столкновения».

Появление в дискурсе «дашнаков» способствует перефокусировке внимания с *классового* антагонизма внутри «азербайджанского населения» на его *этническую* гомогенность. Можно допустить, что такие малозаметные переключения, характерные для советского исторического нарратива, формируют установку на этническое прочтение конфликтов, если в них вовлечены люди «разных национальностей».

На вопрос о том, связаны ли (по версии учебника) «мусаватисты» и «дашнаки» между собой классовой (буржуазной и эксплуататорской) солидарностью или разделены ввиду наличия антагонистических национальных/этнических интересов, однозначно ответить невозможно. Отношение их к «азербайджанскому населению», как мы видели выше, представлено существенно различным («дашнаки» руководствуются не только классовыми, но и этническими интересами). С другой стороны, вступая в коалиции между собой и с другими (в том числе иностранными) врагами трудящихся, «буржуазные националисты [разных национальностей]» ведут совместную «ожесточенную борьбу против Советской России, революционных рабочих, крестьян и солдат Закавказья». ²⁷ Кроме того, в учебнике можно обнаружить сюжеты, в которых «мусаватисты» прямо противопоставлены «азербайджанскому народу». Один из них связан со свержением советской власти (в сентябре 1918 г.), когда «[П]ри помощи турецких штыков к власти в Азербайджане пришли злейшие враги азербайджанского народа – мусаватисты. Мусаватское правительство являлось марионеткой турецких оккупантов». ²⁸ Используется стандартный советский прием стигматизации оппонента, он становится «марионеткой» в чужих руках.

Тот факт, что падение советской власти сопровождалось масштабными (теперь уже армянскими) погромами, не упоминается; в отличие от действий «дашнаков», действия «мусаватистов» продолжают осмысливать в категориях «классовых боев» и не переводят в регистр «межэтнических столкновений». Само отсутствие упоминания погромов делает возможным различную оценку действий «буржуазных националистов», приписанных разным национальностям: предполагается, что «дашнаки» в своем отношении к «азербайджанскому населению» руководствуются как классовыми, так и этническими мотивами, а «мусаватисты» – лишь классовыми.

²⁷ Там же, стр. 79.

²⁸ Там же, стр. 93.

Падение советского Баку (в сентябре 1918 г.) символизирует еще и гибель в нем интернационализма, который ассоциирован исключительно с большевистским правлением. Лишь советская власть оказывается способной обеспечить «межнациональное согласие» в городе и шире – во всем Закавказье.²⁹

Как уже говорилось, в контексте советской версии истории участие представителей рабочего класса в «межэтнических конфликтах» может быть лишь вынужденным, спровоцированным врагами («буржуазными националистами» и «империалистами»). Постоянно подчеркивается дружественный характер отношений между «трудовыми народами». При этом «дружбу народов» описывают в категориях выплаты «интернационального долга»³⁰. Главным кредитором в отношениях между «социалистическими народами» выступает «русский пролетариат», «русские революционеры» и т.п. Авторы систематически указывают на решающую роль «русских», вкладывая в уста различных национальных героев слова признания и благодарности. От имени «азербайджанского пролетариата» выступает «большевик Нариман Нариманов», который, радуясь установлению советской власти в Баку, говорит: «В сегодняшний день русская революция открывает новую, величайшую и прекрасную страницу во всемирной истории. [...] Сегодня русские революционеры, объединившись с революционерами всего мира, обеспечивают мир, о котором мы давно мечтали».³¹

«Существенное отставание» «Азербайджана и других республик Кавказа» от «Советской России» в первые годы Советской власти представлено как «унаследованное от времен царизма, власти помещиков и буржуазии».³² Объединение советских народов Закавказья в «единую братскую семью» сначала в масштабах региона (создание Закавказской Федерации), а затем в масштабах СССР,³³ рассматривается как залог успешного строительства социализма и преодоления их «экономической и культурной отсталости»:

29 На это указывают и призывы к «братскому единению народов», звучащие в годы «контрреволюционной реакции». Авторы учебника помещают текст воззвания рабочей конференции, проведенной большевиками в начале июня 1919 года в Баку: «Товарищи рабочие!... Бакинский революционный пролетариат рука об руку с азербайджанским трудовым народом, уже всулившим на путь самостоятельной борьбы за свое национальное и социальное освобождение, накапливает силы для очищения своей страны от хищнических банд империалистов и денкинцев и их холопов – азербайджанских ханов и беков. <> Сегодня Рабочая конференция, весь бакинский пролетариат без различия национальностей, снова подтверждает свою железную волю и непреклонную решимость бороться против реакции» (*Там же*, стр. 104).

30 «Национализация нефтяной промышленности и забота правительства Советской России вдохновляли бакинских рабочих на самоотверженную борьбу за нефть. В результате их героического труда добыча нефти в июне была в 1,6 раза выше, чем в мае. Весной и летом в Советскую Россию было отправлено около 1,3 миллиона тонн нефти и нефтепродуктов. Тем самым бакинский пролетариат выполнял свой интернациональный долг перед трудящимися Советской России, оказывал огромную помощь Красной Армии, героически сражавшейся с врагами социалистической революции» (*Там же*, стр. 85).

31 *Там же*, стр. 82.

32 *Там же*, стр. 117. В учебнике цитируется «знаменитое письмо коммунистам Кавказа от 14 апреля 1921 года», в котором «В. И. Ленин советовал им всегда учитывать конкретные условия своих республик, добиваться упрочения власти Советов, крепить дружбу между народами края, развивать его экономику, поставить природные богатства на службу народа».

33 «В Союз ССР Азербайджанская ССР вступила вместе с братскими Грузинской ССР и Армянской ССР в составе Закавказской Федерации» (*Там же*, стр. 126).

«Задачи социалистического строительства, жизненные интересы советских народов требовали их объединения в единую братскую семью. Вскоре после победы Советской власти в Закавказье началось движение, направленное на объединение Азербайджанской, Грузинской и Армянской советских республик. Такое объединение имело огромное значение для возрождения народного хозяйства этих республик и перехода к социализму, для укрепления дружбы между народами края, а также для его защиты от посягательств империалистов Запада».³⁴

В авангарде борьбы за объединение закавказских республик в «единую братскую семью» вновь оказываются рабочие Баку, воспитанные на «славных традициях пролетарского интернационализма». Или, другими словами, на традициях преодоления межнациональной розни. Из отрывков речи местного крупного партийного функционера Г.М. Мусабекова ученик узнавал, что:

«Первой задачей, которая встала перед Советской властью Закавказья, явилось уничтожение национальной розни ... Закавказская Советская власть эту задачу выполнила с честью. 10 декабря мы были очевидцами I Закавказского съезда Советов, где рабочий азербайджанец, рабочий армянин, рабочий грузин в братских объятиях слились в едином своем съезде и установили первый фундамент братского единения и солидарности на Кавказе. Конечной целью азербайджанского пролетариата является объединение с великим русским пролетариатом, при помощи которого он получил освобождение от капиталистического ига...» (из речи на I съезде Советов СССР, 30 декабря 1922 г.).³⁵

В результате всего этого советского строительства Баку предстает, в речах известных большевиков, в качестве города-примера интернациональной дружбы и мира уже в 1920-е годы. Баку выступает как город-полигон новой политики установления дружбы и братства народов. Власть рабочих становится необходимым условием существования этого братства. Баку же становится примером именно потому, что это был город «национального антагонизма», который был успешно преодолен. В учебнике 1986 года приведена цитата из речи С.М. Кирова 1925 года:

«Здесь, в Азербайджане, самый счастливый в нашем Советском Союзе в национальном смысле город – это Баку. Нет другого такого города, где было бы такое множество национальностей и в котором рабочие разных национальностей жили бы такой дружной, выкованной семьей. Если это можно было сделать здесь, если можно было промолоть верстаком и фабричным станком этот национальный антагонизм и переродить его в национальное братство, то мы можем это сделать по всему Азербайджану...» (Из отчетного доклада ЦК АКП(б) VII съезду Азербайджанской Коммунистической партии (большевиков), декабрь 1925 г.).³⁶

34 Там же, стр. 124.

35 Там же, стр. 130.

36 Там же, стр. 130.

Советская идеология нуждалась в различных передовиках и лучших примерах, на которых могли бы равняться все остальные. Баку стал примером «братского единения и солидарности» народов, «дружной, выкованной семьи трудящихся разных национальностей» и т.п. Сила советской власти утверждалась через превращение прежде «антагонистических» отношений в отношения «истинной» солидарности и «единения». Баку символизирует способность советской власти способствовать «перерождению» «национального антагонизма» в «национальное братство».

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что советская версия решения конфликтов, нашедшая отражение в учебнике истории Азербайджана, основана на сочетании «изобретения классов»³⁷ и нормализации «архитектонической иллюзии».³⁸ С одной стороны, внимание учеников фокусируют на классовом антагонизме, который в ходе социалистического строительства *естественно* преодолевается, с другой – формируют представление о значимости национально-территориального самоопределения «народа». Обретение «народом» своего государства (т. е. формирование советских национальных республик) рассматривается как важный фактор преодоления отсталости и т.п.

Однако на протяжении тех же нескольких поколений формировались фреймы, в которых развивался «новый национализм».³⁹ По мнению Роджерса Брубейкера, с которым я

37 По мнению Шейлы Фитцпатрик, можно говорить о большевистском изобретении классов (или вновь изобретенных большевиками классов). Это классовое видение общества играло ключевую роль в большевистской политике 1920-1930-х гг. (S. Fitzpatrick (Ш. Фитцпатрик) (2005 г.). *Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia* (Снимите маски! Идентичность и обман в России двадцатого века), Princeton University Press: Princeton and Oxford, стр. 32-40.)

38 Р.Брубейкер под «архитектонической иллюзией» понимает «убеждение, что правильная “масштабная архитектура”, верные территориальные и институциональные рамки, могут удовлетворить запросы националистов, утихомирить националистические эмоции, и таким образом разрешить национальные конфликты. Большинство концепций “масштабной архитектуры” обращают внимание на предполагаемое право национального самоопределения или на родственный “принцип национальности”. В этой связи, я хотел бы возразить, что националистические конфликты в принципе, по природе своей, неразрешимы, и что поиск всеобщего, “архитектурного” разрешения национальных конфликтов является заблуждением» (R. Brubaker (Р. Брубейкер) (2000 г.). ‘Myths and misconceptions in the study of nationalism’ (Мифы и заблуждения в изучении национализма), *Ab Imperio* No.1, стр. 152).

39 Рональд Суни описывает ситуацию в советской Армении, где, по его мнению, в 1960-1970-е годы распространялся «новый национализм». Понятие «новый национализм» он использует для описания событий 1965 года в Ереване, когда улучшение официальных отношений между СССР и Турцией встретило массовый протест населения (в т. ч. молодежи) города. «Оказалось, что национализм, в основе которого лежали территориальные претензии к соседней Турции, не только не ослабел за годы советской власти, но принял новые формы, стал более массовым явлением. Требования, звучавшие в ходе этой массовой акции неповиновения, встречали сочувствие и у местной власти». (R. Suni (Р. Суни) (1997 г.). ‘Soviet Armenia’ (Советская Армения), в R. Hovannisian (Р. Хованисян) (ред.) (1997 г.). *The Armenian People from Ancient to Modern Times* (Армянский народ с древнейших времен до наших дней), St. Martin’s Press: New York, стр. 374-378).

С моей точки зрения, именно советская национальная политика (территориализация, коренизация, культурная революция) способствовали распространению подобного «нового национализма». Новое поколение советских граждан выросло, по сути, на представлениях о нации, как древней, культурно-биологической общности, обладающей эксклюзивными правами на свои «исторические территории», коллективным самосознанием и пр. Именно в годы СССР, впервые за всю историю местных сообществ, подобные представления прививались в массовом порядке, через школы, СМИ, институты, политику коренизации культурных и административных элит и пр. Именно в годы советской власти стали привычными и массовыми представления о том, что нет и не может быть человека вне «этноса» или нации. Эти представления стали неотъемлемой частью самоидентификации и закавказских сообществ. Подчеркну, что массовость становится важнейшей характеристикой такого «нового национализма». События 1965 года в Ереване стали первым публичным проявлением этого «нового национализма». По моему мнению, аналогичные процессы, хоть и в менее интенсивной форме, происходили и в соседнем советском Азербайджане.

солидарна, этничность была важнейшей характеристикой, базовой основой системы фиксации национальности каждого гражданина СССР.

«Советские институты территориального статуса нации и персональной национальности конституировали всеобъемлющую систему социальной классификации, организовывали «принцип видения и разделения» социального мира, стандартизованную схему социального учета, объяснительную сетку публичных дискуссий, набор пограничных маркеров, легитимную форму для публичной и личной идентичностей».⁴⁰

Именно в советское время широкое распространение получает взгляд на этничность как на важнейшую характеристику каждого человека, определяющую его национальность (“ethnic nationality”) и передаваемую из поколения в поколение путем биологического наследования.

В контексте советской версии истории Баку отведено особое место в качестве примера эффективной работы советской национальной политики как для Азербайджана, так и для СССР в целом. В нем неразрешимые проблемы находят свое оптимальное решение: антагонизм, разделявший в нем народы до установления советской власти, в течение пяти лет ее существования не только исчезает, но переплавляется в «братство». В этом контексте выглядит несколько странным, что конфликтам (1918-1920 гг.), предшествовавшим установлению советской власти, уделяется столь мало внимания. Можно предположить, что «идеологически верное» описание этих событий могло бы сделать положительный образ большевиков-интернационалистов, преодолевших межнациональную рознь, более четким и глубоким. Однако авторы предпочитают не акцентировать внимание на конфликтах. Можно предположить, что к первой половине 1980-х годов описание случившихся конфликтов не было актуальным или рассматривалось как «пятно» на биографии Баку – форпоста интернационализма и примера для подражания.

Постсоветская версия: национально-освободительное движение и конфликты

В постсоветском учебнике, во многом порывающем с советской традицией исторического повествования, для событий 1918-1920-х годов предлагается совершенно другая интерпретация. Основным допущением, заложенным в основание оценки событий, связанных с советизацией, становится установка, что большевики были продолжателями российской имперской традиции. Так, например, авторы полагают, что:

40 R. Brubaker (Р. Брубейкер) (2000 г.). *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe* (Переосмысление национализма: государственность и национальные вопросы в новой Европе). Cambridge University Press: Cambridge, стр. 31.

«[З]аявленные большевиками – “Декларация прав народов России”, “Обращение к трудящимся-мусульманам России и Востока” по сути своей носили пропагандистский характер. Большевики хотели в новой форме восстановить российскую колониальную систему».⁴¹

Оценка действий «мусаватистов» и «большевиков» меняется на противоположную. В новой системе координат первые становятся героями, вторые – антигероями. Отрицательный образ «большевиков» усиливается путем постоянного упоминания альянса «бакинских большевиков» с «дашнаками» («армянскими националистами»).

«В конце 1917 – начале 1918 годов Баку был превращен в центр большевистско-дашнакских групп. Сюда стекались антиазербайджанские силы со всего Южного Кавказа. В Баку прибыл С. Шаумян, который еще в конце 1917 г. был назначен Лениным чрезвычайным комиссаром Южного Кавказа. Сюда же перевели Военно-революционный комитет, созданный под руководством армянина Корганова на II краевом съезде Кавказской Армии в Тифлисе. Возвратившиеся с Ближневосточного и Кавказского фронтов после Эрзинджанского перемирия 6 тыс. русских и 8 тысяч армянских солдат также были сконцентрированы в Баку. Видя все возрастающее влияние партии «Мусават» в Азербайджане, большевистский центр и прислуживавшие ему местные большевистско-дашнакские силы объявили Баку ареной «борьбы революции с контрреволюцией» на Южном Кавказе. В распоряжении Бакинского Совета, где верховодила группа большевиков-дашнаков, была Красная Армия. Под этим названием было сосредоточено 20-тысячное войско, сформированное, в основном, из армян».⁴²

В отличие от советской версии, где противостояние «революционных» и «контрреволюционных» сил охарактеризовано в категориях классовой борьбы («большевики» выражают интересы «трудящихся разных национальностей», а «дашнаки» и «мусаватисты» – эксплуататоров), в постсоветской доминирует этническая интерпретация: «большевики» вступают в коалицию с «армянами»/«дашнаками» и «русскими» против «азербайджанского народа» и «мусаватистов». Агенты, которые в советской версии представлены как идеологические противники («большевики» против «дашнаков»), сливаются и превращаются в «большевистско-дашнакские группы», проводящие совместную «антиазербайджанскую политику». Так же как в советской версии истории местные «большевики» не могли быть ассоциированы с «эксплуатацией», в постсоветской они лишаются возможности быть («честными») «азербайджанцами».

В современной версии советский интернационализм рассматривается как фикция, призванная скрыть враждебное отношение «большевиков» (преимущественно «русских»

41 Т. Гафаров, И. Мамедов, и др. (2002 г.). *История Азербайджана для 11 класса общеобразовательной школы*. Чашыюглу: Баку, стр. 6.

42 Там же, стр. 9.

и «армян») к «азербайджанцам». Указание на иноэтничность («не-азербайджанскость») становится достаточным основанием для враждебного отношения и не нуждается в дополнительных аргументах. На этом фоне «мартовские бои в Баку» трансформируются в «расправу над мусульманами/азербайджанцами»:

«Соединения армянских большевиков-дашнаков в различных частях Баку начали проводить митинги и собрания против азербайджанцев. <> Рано утром 31 марта колонны большевиков-дашнаков напали на населенные азербайджанцами кварталы «Кирпичхана», «Маммедли» и другие. Они начали обстреливать эти кварталы с воздуха и с моря, применяя самолеты и артиллерию военных кораблей. Армяне убедили русских матросов в том, что якобы в крепости в Ичери-шехер азербайджанцы уничтожают русских. Матросы послали своего представителя и, убедившись, что это провокация, прекратили огонь. <> Армянские шовинисты учинили расправу над мирным мусульманским населением. Жители азербайджанских кварталов были изрублены саблями».⁴³

В отличие от советской версии, в которой мартовские погромы описаны скупо, в современной версии авторы приводят детальное описание мотивов вовлеченных в действия лиц, оправдывая одних и возлагая вину на других. Основная вина за «расправу над мирным мусульманским населением» возлагается на «армян» («армянских шовинистов», «армянских большевиков-дашнаков»), «русские матросы» представлены как невольные помощники, обманутые «армянами». «Русские» или «большевики» как таковые (вне связи с «армянами» и «дашнаками») не рассматриваются как «враги». Насилие, которое они демонстрируют в отношении «азербайджанцев», объясняется, как правило, тем, что они попадают под влияние «армян», становятся жертвами их провокаций и т.п.

Уже знакомый из советского учебника большевик Нариман Нариманов предстает в новом образе. Из приводимого в учебнике отрывка его записей ученик теперь узнает, что:

«[Д]ашнаки говорили: “Мы не признаем большевика [если он из числа тюрок-мусульман, Г. С.], достаточно того, что он мусульманин”. Они убивают кого хотят, разрушают дома, превращают их в руины. Не щадят не только мужчин, но и беременных женщин».⁴⁴

Дискурсивный образ погибающей от рук «дашнаков» беременной женщины дополнен статистикой: «В результате мартовского геноцида только в Баку было убито более 12 тысяч человек»;⁴⁵ «[В] Бакинской губернии геноцид мусульман (азербайджанцев) продолжался до середины 1918 г. За это время было убито свыше 20 тысяч азербайджанцев».⁴⁶

43 Там же, стр. 12.

44 Там же, стр. 13.

45 Там же, стр. 14.

46 Там же, стр. 16.

Подчеркивая синонимичность слов «мусульмане» и «азербайджанцы» («геноцид мусульман (азербайджанцев)»), авторы дают основание полагать, что видят корни враждебности «армян» к «азербайджанцам» не только в этнических, но и в религиозных различиях. В учебнике довольно отчетливо прослеживается ассоциация «азербайджанцев» с «мусульманами», а «армян» с «христианами»,⁴⁷ что позволяет осмысливать события 1918-1920 гг. в терминах религиозного противостояния. В целом партийная принадлежность, как характеристика сторон конфликта, уступает место характеристикам этнокультурным и религиозным. Так, в параграфе третьем с говорящим названием «Создание в Баку большевистско-дашнакского режима и его антиазербайджанская политика» мы читаем:

«[В] руководство Совнаркома входили продашнакски настроенные армяне-большевики. <> Именно поэтому один из лидеров Армянской республики той поры А. Хатисов назвал Бакинский Совнарком, возглавляемый С. Шаумяном, «армянским советским правительством». Наличие в составе этого правительства всего трех азербайджанцев <> показывало почти полное отсутствие здесь национальных устоев».⁴⁸

Авторы проявляют постоянную (не характерную для советской версии учебника) озабоченность статистикой национального состава правительственных органов или военных подразделений. На фоне постоянно артикулируемого противостояния «(большевиков) – армян» и «азербайджанцев» указание на то, что «азербайджанский» Бакинский Совнарком возглавляет «армянин» С. Шаумян, становится доказательством «антиазербайджанской» направленности советского режима, установившегося в городе, а также проводимой им политики. При этом интернационализм Баку становится фактором, препятствующим национально-освободительному движению.⁴⁹

Что касается армянских погромов, произошедших в Баку после того, как османские войска получили контроль над городом, свергли власть Бакинского Совнаркома и сформировали мусаватское правительство, то, как и в случае советского учебника, в современном учебнике они не упоминаются. Предлагается общая позитивная оценка появления в Баку турецкой армии. Учебник повествует об обращении подошедших к Баку частей турецкой армии, в котором «выдвигалось требование сдать город без боя, взамен давалась гарантия обеспечения прав всех граждан, независимо от их национальной принадлежности и вероисповедания».⁵⁰ Таким образом, «турки», а не «большевики» предстают в образе

47 «Прибытие в Баку 17 августа английского генерала Дестервиля очень обрадовало армян. Однако малочисленность английских войсковых частей (всего 1000 чел.) вызвало недовольство христианского населения города» (*Там же*, стр. 29).

48 *Там же*, стр. 19.

49 «Одним из самых вредных антиазербайджанских предложений большевистско-дашнакского руководства, нашедшего себе 'теплое местечко' в Бакинском Совете, было стремление отделить Баку от Азербайджана. Киров, Мирзоян, Серебровский заявляли, что Баку не тюркский, а интернациональный пролетарский город, и поэтому его необходимо присоединить к территории России» (*Там же*, стр. 116).

50 *Там же*, стр. 30.

гарантов межнационального мира, но не будущего «братства народов», которое авторов уже не заботит.

Каки «большевики», «мусаватисты» недолго удерживали власть. Падение Азербайджанской Демократической Республики, которую они пытались установить в период 1918-1920 гг., было предопределено вторжением XI Красной армии в апреле 1920 года. В современных учебниках 11 армия превращается из «освободителя азербайджанского народа» (как это было в советских текстах) в «оккупанта» («советские оккупационные войска»). Достигнутый «советскими оккупантами» успех объясняется «подрывной деятельностью “пятой колонны” в лице азербайджанских большевиков [и] использованием группы лиц во главе с А. И. Микояном (Г. Мусабеков, Г. Джабиев и др.), хорошо знавших тюркский язык, быт и местные условия, в качестве проводников XI Красной Армии».⁵¹

Политические предпочтения авторов, которые теперь уже на стороне «мусаватистов», подталкивают их к выделению группы «большевиков-азербайджанцев», особая вина которых состоит в том, что они выступают заодно с «армянскими большевиками». Если указание на многонациональность большевистской партии в советском дискурсе служило доказательством ее прогрессивного, интернационального характера, то теперь оно призвано сообщить об осуждаемом авторами стремлении «большевиков» разрушить «национальные устои». В «пятой колонне», помогающей «оккупантам», мы обнаруживаем все тех же «русских» и «армян»:

«... в ряде городов и деревень местное население, состоящее, в основном, из русских и армян, переходило на сторону оккупантов».⁵²

«...инонациональное местное население, особенно армяне и русские, открыто помогали противоположной стороне. Большую роль в подавлении восстаний в Гяндже и Гарабаге сыграли лицемерные армяне».⁵³

В этом контексте уже не выглядит странным, что установившаяся в апреле 1920 года новая (советская) власть представлена как опирающаяся, в основном, на «русских» и «армян», всегда оставляющая «азербайджанских большевиков» на вторых ролях:

«...высшие органы власти – Временный Революционный Комитет и Совнарком, созданные после апрельского переворота, были сформированы, в основном, из представителей азербайджанской национальности».⁵⁴

51 Там же, стр. 75.

52 Там же, стр. 107.

53 Там же, стр. 128.

54 Там же, стр. 106.

Но:

«... [в реальности] республикой управляла АКП(б), являвшаяся неотъемлемой составной частью РКП(б). АКП(б) и Бакинская партийная организация, основное ядро которых состояло из неазербайджанцев, а главным образом, из русских и армян, играли ведущую роль в общественно-политической жизни республики, проводили в Азербайджане колониальную политику Советской России».⁵⁵

«Бакинская партийная организация» в современной версии учебника рассматривается как орган не классового, а этнического представительства. Ее ядро (как и основу других властных институтов) должна составлять «титульная нация». Если это правило не соблюдается, то нарушение следует интерпретировать как проявление «колониальной политики Советской России» или происки других «врагов». Дополнительным аргументом при обосновании «антиазербайджанской» направленности деятельности АКП(б) и РКП(б) становятся цитаты из речей коммунистов, занимающих ведущие позиции в центральных органах партии. Так, например, один из них (Ломинадзе) «[В] своем выступлении на II съезде АКП(б) (октябрь 1920 г.) [...] нагло заявил, что у нас десятки, а может сотни товарищей говорят, что “мусульманину доверять нельзя, может быть он хороший коммунист, но он мусульманин и в его сердце есть мусульманский дух”»⁵⁶. Таким образом, положение «азербайджанцев» и «мусульман» (в т.ч. «коммунистов») при советской власти представлено как постоянное унижение.

В современных учебниках образ Баку в качестве примера «дружбы народов» теряет свою актуальность. Теперь Баку – это столица Азербайджана. Присутствие же в городе «армян», «грузин», «русских» становится потенциальной или реальной угрозой единству страны. Действиям коммунистов из числа «армян» и «русских» приписывается антимусульманский смысл. Репрессии советского времени в отношении «мусульманской интеллигенции и буржуазии» предлагается рассматривать в терминах не классового, а этнического противостояния.⁵⁷

Общая «антиазербайджанская» установка советского режима обнаруживается и в оценке акта объединения Южного Кавказа в Закавказскую Федерацию. Это решение становится частью «колонизаторского» плана:

«Под знаменем государственного и политического объединения готовилась реальная почва для ограничения независимости республик. <...> Созданием Южнокавказской федерации наибольший ущерб наносился интересам Азербайджана, т. к. все его наземные и подземные богатства, особенно нефть, оказались в распоряжении и других

55 Там же, стр. 106-107.

56 Там же, стр. 115.

57 «Эта группа АКП(б), возглавляемая группой грузин и армян, решила обезглавить азербайджанский народ. Можно сказать, что подвергается арестам и расстреливается только мусульманская интеллигенция и буржуазия» (Там же, стр. 120).

Закавказских республик. Восстановление хозяйства и интенсивное развитие Грузии и Армении в период деятельности ЗСФСР были достигнуты за счет экономического потенциала Азербайджана». ⁵⁸

То, что в советском дискурсе представлено как (вселяющее гордость) исполнение «интернационального долга», сегодня осмысливается как перераспределение ресурсов в обход (или в ущерб) интересам доноров. Советский дискурс интернационализма и «братской помощи» «советским народам» уступает место антиколониальному дискурсу, в котором прежний режим «расхищает» богатства Азербайджана.

Постоянное ущемление интересов «титularyного народа» усматривается во всем, что делает советское правительство, которое «под предлогом нехватки национальных кадров» направляет из России «на руководящие посты в республике [...] представителей других национальностей, особенно русских, армян и евреев» ⁵⁹; и опять же, под предлогом «дефицита квалифицированных рабочих кадров и чиновников из числа азербайджанцев», организует «поток рабочей силы» из других регионов, что «приводит к увеличению безработицы среди азербайджанцев, а также коренному изменению национального состава населения Азербайджана, особенно Баку» ⁶⁰. Кроме того, «[Б]лагодаря стараниям армян, занимавших в республике руководящие посты (Мирзоян и др.), в 20-30-е годы в Баку был выделен специальный участок для армян, названный “арменикендом”. На этом участке были построены красивые многоэтажные дома, которые заселялись приезжими армянами». ⁶¹

Баку вновь отводится центральная роль города-примера. Теперь это уже пример разрушительных действий колониальной «иноэтнической» администрации республики. Предполагается, что город рассматривается этой администрацией как полигон для изоцированной политики русификации. В результате, по версии авторов учебника, в народе появилось «равнодушие к национальным традициям и духовным ценностям азербайджанского народа, выступления против них превратились в обиденное явление, а заключение смешанных браков стало обычным путем, ведущим к отдалению азербайджанцев от своих национальных истоков». ⁶²

В контексте сложившейся в постсоветском Азербайджане версии антиколониального дискурса Баку становится пространством утраты «национальной идентичности», отрыва от «своих национальных истоков». Интернационализм, царивший в городе, рассматривается как символ этой утраты. Баку больше не город-пример «дружбы народов». Теперь это пространство столкновения интересов колонизаторов (и их «подельников») и

58 Там же, стр. 140-141.

59 Там же, стр. 147.

60 Там же, стр. 147.

61 Там же, стр. 147.

62 Там же, стр. 147-148.

колонируемых. Слабость последних объясняется, с одной стороны, отсутствием у них реальной власти, а с другой стороны тем, что власть сознательно лишает их какой-либо возможности эту власть получить.

В центре современного исторического повествования мы видим «азербайджанцев»/ «азербайджанский народ». Главные положительные образы закреплены за героями национально-освободительного движения. Границы между «азербайджанцами» и «неазербайджанцами» («армянами», «грузинами», «евреями», «русскими») жестко фиксируются, соответствующие группы предстают как гомогенные, обладающие взаимоисключающими интересами, но способные объединиться в борьбе за доступ к ресурсам, по праву принадлежащим «азербайджанцам». Характерная для советского дискурса артикуляция внутренней гетерогенности этнических групп и интернациональной классовой солидарности трудящихся уступает место дискурсу этно-национального единства. Эссенциализм классовой теории уступает позиции эссенциализму нации. На смену нормализации дружбы/братства народов (или их основной части – рабочих и крестьян) приходит нормализация межнационального конфликта.

Современное историческое повествование определяет сочетание дискурсов этно-национализма и антиколониализма. Гражданскому дискурсу в учебнике фактически не отводится серьезного места. Только «азербайджанцы» (или «турки» – «братья по крови») наделяются легитимным правом руководить республикой и способностью быть «патриотами Азербайджана». Именно в этом усматривается причина вытеснения азербайджанцев из органов власти в 1920-е годы. «Русским», «армянам» и «евреям», заменившим в советское время «азербайджанцев» на руководящих должностях, приписана роль «колониальной администрации». Они контролируют республику, лишают ее независимости и инициируют процесс расхищения ее природных богатств.

Выводы

Тип исторического нарратива, о котором идет речь в статье, Марк Ферро обозначил как «институциональную историю». Это история, «которая главенствует, так как выражает или узаконивает политику, идеологию, режим».⁶³ Как в СССР, так и сегодня ученикам предлагается лишь одна, «правильная», утвержденная Министерством образования версия истории. При этом в обеих версиях рассказ об истории нацистроительства максимально редуцируется, и мы сталкиваемся с единственной официально разрешенной интерпретацией событий. И если советская интерпретация сводит конфликты и их разрешение к классовой борьбе, то постсоветская версия сосредоточена на этнизации образа коварного «исторического врага».

63 М. Ferro (М. Ферро) (1992 г.) *Comment on raconte l'histoire aux enfants (Как рассказывают историю детям)*. Высшая школа: Москва, стр. 306.

Сравнительный анализ советского и постсоветского учебных нарративов позволяет исследовать две существенно отличающиеся версии национальной истории Азербайджана. Отличие этих версий отражается как в подборке событийного ряда, так и в интерпретации отобранных для описания в учебниках событий. Это различие определяется спецификой, целями и содержанием разных проектов нациостроительства (советского и постсоветского).

В советской версии «народы», состоящие из рабочих и крестьян, всегда дружат, а «буржуазные националисты» (которые, по сути, лишаются права быть частью «своих народов») стремятся «народы» посорить. В постсоветской версии разные народы фигурируют в качестве либо братских и дружественных (например, азербайджанцы и турки), либо неизменно враждебных (азербайджанцы и армяне). В свою очередь, эту вражду и дружбу неизменно верифицируют, т. е. им придают объективные черты: дружим, потому что «братья по крови» или по вере, враждуем, потому что «разной крови» и разной веры. Т. е. на смену классовому подходу приходит дискурс этно-национализма.

В советской и постсоветской версии национальной истории мы сталкиваемся с феноменом «забвения» или «исторического заблуждения», без которого, как считал Эрнест Ренан, создание национального сообщества было бы невозможно⁶⁴. В том и другом случае «забывают» и «помнят» вполне определенные вещи. В целом, на мой взгляд, можно утверждать, что советские исторические конструкты были нацелены на преодоление существовавших конфликтов. Через замалчивание фактов и/или деталей и классовую интерпретацию событий кровавых армяно-азербайджанских столкновений 1918-1920 гг. советские идеологи как бы снимали конфликт. По советской версии, конфликты разрешались с завершением процесса институционализации национальных республик (территориального оформления и пр.), а также с преодолением классового неравенства.

В ситуации распада СССР советская версия разрешения конфликтов, основанная на «изобретении классов»⁶⁵ и «архитектонической иллюзии»,⁶⁶ быстро утратила свою действенность. Однако это не умаляет того факта, что на протяжении нескольких советских поколений каких-либо серьезных конфликтов не происходило. С другой стороны, на протяжении тех же нескольких поколений формировались фреймы, в которых развивался «новый национализм».⁶⁷ Именно советская власть, ориентирующая на «дружбу народов», институционализовала национальную принадлежность как обязательную биологическую характеристику любого человека. В результате та же власть создавала условия для распространения в ходе коллапса СССР массового этно-национализма.

Условиями для возникновения этого массового национализма стали всеобщее среднее и массовое высшее образование, получив которое каждый советский гражданин впитывал

64 Э. Ренан (1902 г.). 'Что такое нация?', *Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 6. Киев*, стр. 92.

65 S. Fitzpatrick (Ш. Фитцпатрик) (2005 г.). *Указ. Соч.*, стр. 32-40.

66 Р. Брубейкер. *Мифы и заблуждения*. (2000 г.). *Указ. Соч.*, стр. 152.

67 R. Suny (Р. Сунни) (1997 г.). *Указ. Соч.*, стр. 374-378.

эссенциалистские представления о феномене нации. Советская власть культивировала «национальные культуры», связывала их с «национальными территориями». Она прививала идею, что дружат народы и представители разных национальностей, а не обычные люди, для которых этничность является приватной стороной жизни. Гражданский аспект «советского национализма» – конструирование единого советского сообщества – подразумевал окончательное преодоление этно-националистических представлений только в теории. На практике этнические идентичности и межгрупповые границы постоянно укреплялись, несмотря на русификаторские тенденции, установившиеся с конца 1930-х гг. Таким образом, модель, предназначенная для окончательного решения межнациональных конфликтов, хоть и была успешной в определенный период времени, способствовала их появлению на совершенно новом, более масштабном уровне. В момент распада СССР национальные движения быстро стали массовыми, о чем националисты в досоветский период даже и не могли мечтать.

В постсоветский период многочисленный отряд профессиональных историков (еще одно порождение советской национальной политики) довольно быстро сконструировал новую версию национальной истории. В новой интерпретации армяно-азербайджанских взаимоотношений основное место стало уделяться конфликтам, а периоды мирных отношений стали описывать как исключение из правил или замалчивать. При этом современный армяно-азербайджанский конфликт эссенциализируют и репрезентируют как длящийся «на протяжении веков» и потому «естественный» и «неизбежный».

Рекомендации

Зададимся вопросом: какая из версий национальной истории (интерпретации событий или этно-исторических мифов) может нас, как людей, ищущих возможность мирного решения конфликтов, больше устраивать? Воспроизводство постсоветской версии истории, в основе которой лежит миф об «извечной вражде», с моей точки зрения, способно вести только к эскалации конфликта. Советская версия выглядит сравнительно более привлекательно, но, будучи основана на отказе от серьезного осмысления событий, не укладывающихся в рамки дискурса о «дружбе народов», она не может рассматриваться как ведущая к реальному разрешению конфликтов. Кроме того, поддержание мифа о «дружбе народов» требует специфических дисциплинарных практик, связанных с жестким подавлением инакомыслия, характерным для авторитарных режимов, но недопустимых в обществах демократических.

Необходима новая версия, новые подходы к репрезентации истории. С моей точки зрения, ревизии необходимо подвергнуть сами концептуальные основания школьных курсов истории. Следует пересмотреть саму телеологическую (историцистскую) установку, подталкивающую к осмыслению современных конфликтов преимущественно как исторически неизбежных и вечных. К счастью, здесь не нужно изобретать велосипед.

Значительная часть опыта может быть просто заимствована. Например, опыт историков из Германии и Польши может служить хорошим примером.⁶⁸

События конфликтов не следует замалчивать, как это делалось в годы СССР. Их следует обсуждать. Но для того, чтобы такое обсуждение стало возможным, необходимо отказаться от эссенциализации конфликтов, от практик конструирования мифов об «исторических врагах». Необходимо преодолевать тенденцию рассмотрения конфликта как игры с нулевым результатом (либо мы, либо они). Ученику следует предлагать различные альтернативные интерпретации событий. Следует также избегать редуцированных версий исторического повествования, создавать условия для развития критического восприятия клише и стереотипов, воспроизводящихся в учебниках. Следует предоставить ученикам право (преимущественно в старших классах) знакомиться со всеми известными фактами, особенно связанными с ключевыми событиями истории. Составители учебников и преподаватели не должны выступать в роли цензоров, производящих отбор фактов и их интерпретаций.

Определенная часть учебного процесса должна быть построена на свободном обсуждении и/или дискуссиях (семинарах). Следует отказаться от жесткой схемы: учитель преподает – ученик отвечает. Основная цель таких дискуссий/семинаров – выработка ясного понимания специфики исторического знания и методологии его получения. На таких семинарах, которые могли бы строиться в стиле свободного взаимодействия между преподавателем и учениками, следует прививать опыт понимания того, что не существует исторических фактов без их интерпретации. Напротив, множественность интерпретаций является существенной спецификой исторического знания.

Следует принципиально пересмотреть курсы истории и отказаться от преимущественного внимания только к событиям политическим. В курсы необходимо внести всю возможную информацию по истории повседневной жизни. Я также убеждена, что необходимо развивать направление устной истории (*oral history*). Практические занятия, а также дискуссии и семинары могли бы включать в себя развитие данного направления. Т. е. ученики школ могли бы получить реальный опыт сбора материалов методом устной истории, а также их анализа и интерпретаций.

Наконец, с моей точки зрения, важнейшей установкой при создании новых учебников должен стать отказ от наделения «наших» конфликтов чертами уникальности. Южно-кавказские конфликты не уникальны. Эти конфликты в полной мере отражают политический принцип национализма, суть которого, по замечанию Эрнеста Геллнера, «состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать».⁶⁹ В

68 Подробнее см.: L. Veselý (Л. Веселы) (ред.) (2008 г.). *Contemporary History Textbooks in the South Caucasus* (Современные учебники истории на Южном Кавказе). Association for International Affairs: Prague, стр. 89-142.

69 E Gellner (Э. Геллнер) (1983 г.). *Nations and Nationalism* (Нации и национализм). Cornell University Press: Ithaca & New York, стр. 1.

этом принципе меньше всего внимания уделяют правам человека, которые дискурсивно подменяют правами воображаемого коллектива («нации»). Отказ от этого принципа в историческом повествовании может выразиться в диверсификации ныне доминирующей идеи длящегося сквозь века противостояния и бескомпромиссной борьбы всех против всех за территориальную независимость. Следует вспомнить, что эта борьба, которая, безусловно, имела место, заключалась еще и в стремлении создать достойные условия жизни для граждан будущего независимого государства. Таким образом, следует отказаться от представлений о государстве как самоцели и вернуться к идее о государстве как способе организации жизни населяющих его людей на основании соблюдения прав человека и гражданина.

ГЛАВА 2

«Изобретение традиций»:

тема советизации в учебниках истории
советской и постсоветской Армении

Тигран Матосян

Введение

В данной статье приведен анализ процесса создания учебников истории в постсоветской Армении. Путем текстуального анализа советских и постсоветских учебников продемонстрирована также трансформация исторического нарратива советизации Армении. В частности, в статье сделан вывод о том, что после получения независимости издание учебников истории и их содержание утверждает правительство Армении, и что новый идеологический критерий, определяющий содержание этих учебников, соответствует общему тренду «деидеологизации» и «повторной идеологизации» (или «национализации»), наблюдаемому на всем постсоветском пространстве. Кроме того, в этой статье создание учебников истории и национализация истории рассматриваются как «изобретение традиций»,¹ которое, с одной стороны, частично воспроизводит советскую практику создания учебников (в отношении как их централизованного характера, так и интерпретации определенных тем), и, с другой стороны, служит общей цели придания легитимности вновь созданным институтам и проводимой ими политики. Например, одной из целей таких вновь созданных институтов является самоопределение Нагорного Карабаха, и эта цель должна была найти свое отражение в учебниках. В отличие от советских учебников, которые были написаны в духе интернационализма и поэтому не содержали описаний этнических и территориальных конфликтов, постсоветские учебники ввели новые темы территориальных споров в отношении Советской Армении и содержат нарративы о передаче армянских территорий Азербайджану и Турции в результате несправедливых решений и договоров.

В первой части данной статьи приведен обзор возникновения централизованной государственной системы создания учебников в Армении. В ней также приведено описание одновременного процесса возникновения идеологических установок, в соответствии с которыми предполагалось написание новой истории. Далее представлены изменения в самом историческом нарративе путем сравнительного анализа периода «советизации» в трех учебниках истории (одного советского и двух постсоветских).

Новые учебники истории: система утверждения

Хотя в данной статье не обсуждается система утверждения советских учебников по истории Армении,² однако из общего контекста чрезвычайно централизованной системы управления образованием в СССР очевидно, что монополия на создание учебников в Советской Армении принадлежала Советскому государству. Как указано на титульной странице последнего (опубликованного в 1987 г.) советского учебника истории Армении,

1 E. Hobsbawm (Е. Хобсбаум) (1983 г.). 'Introduction: Inventing Traditions' (Введение: изобретение традиций) in E. Hobsbawm & T. Ranger (eds) (1983). *The Invention of Tradition* (Изобретение традиции). Cambridge University Press: Cambridge, pp.1-14.

2 Причина этого ограничения заключается в недостатке информации о процессе, т.е. в недоступности как документов, так и интервьюируемых лиц. К сожалению, к моменту начала данного исследования как главный редактор, так и все три автора последнего советского учебника уже давно были покойными.

он был утвержден Министерством образования Армянской Советской Социалистической Республики. Принцип чрезвычайной централизации справедлив и для идеологических рамок: учебники по истории Армении должны были следовать генеральной линии «большевистских аксиом» (особенно при интерпретации событий 20 века). Эти аксиомы были институализированы в соответствии с написанной в 1931 г. статьей Сталина *О некоторых вопросах истории большевизма*.³

В 1993-1994 гг. в Армении были изданы первые постсоветские школьные учебники, в том числе и по истории армянского народа. Можно предположить, что на создание этих учебников истории оказал также влияние еще не завершённый процесс децентрализации в различных областях жизни Армении. Однако из более тщательного анализа следует, что с начала 1990-х годов и до сегодняшнего дня этот процесс был консолидирован в руках государства. Государство приобрело также прямые полномочия в отношении содержания этих учебников.

6 марта 1992 г. директивой Совета «Министерства образования» Институту педагогических исследований (подчиняющегося этому же министерству) была поручена задача разработки концепции написания новых учебников и учебных планов по всем гуманитарным предметам.⁴ В июне 1993 г., в интервью периодическому изданию *Dprutyun* [Обучение], директор этого института сообщил, что для выполнения поставленной задачи были созданы восемь временных исследовательских групп, возглавляемых известными учеными. В результате этой работы в течение одного года Министерство образования утвердило и отплатило в печать 48 новых учебников и 9 пособий для учителей.⁵

В течение 1993 г. исследовательская группа, ответственная за написание учебников по истории Армении, возглавляемая Владимиром Бархударяном (в то время членом-корреспондентом Академии наук Армении), создала два учебника – один для 5-6 классов и второй для 7-8 классов. Бархударян приводит интересные подробности (в интервью в рамках этого исследовательского проекта) относительно важной роли, которую придавали новым учебникам истории лидеры страны того времени. В частности, вскоре после обретения Арменией независимости с ним встретился председатель Верховного совета (Национального собрания) Армении, который сказал, что существует «суровая необходимость написания объективных учебников истории для школ».⁶ После того, как проект учебника истории был подготовлен, Бархударян был приглашен на встречу с президентом Левоном Тер-Петросяном, который сам был специалистом в области истории и востоковедения. Президент прочел проект учебника и одобрил его публикацию, приложив перечень собственных замечаний.

3 Ю. Чемикова (2010 г.). «Как писались учебники истории при Сталине», обращение 20 ноября 2011г. Документ доступен по адресу <http://urokiistorii.ru/learning/manual/2010/16/kak-pisalis-uchebniki-istorii-pri-staline>.

4 С. Арсенян. «Национальным школам требуются учебники с национальным содержанием. Школы ждут», *Dprutyun*, 11-17 июня 1993 г., стр.4. Эта большая статья была посвящена состоянию дел и прогрессу в деле создания новых учебников, она содержит интервью с учеными и официальными лицами, отвечающими за написание и публикацию этих учебников.

5 Там же.

6 Интервью с Владимиром Бархударяном 15 июня 2011 г.

После написания первых учебников полномочия государства в части их создания и содержания начали приобретать более институализированный характер. Несмотря на некоторую децентрализацию процедур публикаций, именно государству принадлежало последнее слово в вопросе о том, кто должен публиковать и что должно быть опубликовано. Начиная с 1998 г. Министерство образования и науки отбирает учебники на основе конкуренции между негосударственными издательствами. Эти издательства должны создавать свои группы авторов учебников и брать на себя ответственность за публикации.⁷ Сегодня выбор осуществляется с помощью конкурса, организуемого одним из агентств этого министерства под названием «Фонд распространения учебников».⁸

Общая политика утверждения учебников изложена также в «Законе Республики Армения о государственном образовании», принятом 10 июля 2010 г. Этот закон содержит четыре статьи, некоторые части которых непосредственно относятся к процессу оценки и использования учебников в школах, и восстанавливает полномочия государства в вопросах их создания и содержания.⁹

Новые концептуальные принципы

Почти аксиоматическое предположение о том, что обучение истории в государственных школах не может существовать вне определенной политической парадигмы, заставляет вспомнить об идеологии, принятой вновь созданными республиками в качестве основы для пересмотра истории после распада Советского Союза. До сих пор один из основных аргументов ученых, занятых изучением учебников, относится к одновременным процессам деидеологизации, повторной идеологизации или открытой национализации истории в странах на постсоветском пространстве. Как сказано авторами одного из исследований, «именно во вновь созданных национальных государствах, возникших после распада советского блока, мы наблюдаем повторное возникновение открытых национально-центричных нарративов».¹⁰ Тот факт, что история в республиках бывшего Советского Союза была национализирована или «деколониализована», подтверждается также в недавнем исследовании постсоветских учебников, выполненном в Российской Федерации.¹¹

7 Армянский образовательный портал (2009a). «Конкурс учебников в соответствии с новыми механизмами отбора», обращение 20 ноября 2011 г. Документ доступен по адресу www.armedu.am/arm/official.php?sec=news&id=2094.

8 Армянский образовательный портал (2009b). «Семь учебников для средней школы», обращение 15 июля 2011 г. Документ доступен по адресу [http://www.armedu.am/arm/official.php?sec=\\$p=4&id=1308](http://www.armedu.am/arm/official.php?sec=$p=4&id=1308)

9 Там же.

10 Y. N. Soysal & H. Schissler (2005 г.) (Сойсал и Шисслер). «Teaching beyond the National Narrative» (Обучение за пределами национального нарратива), in H. Schissler and Y. N. Soysal (eds) (2005). *The Nation, Europe, and the World. Textbooks and Curricula in Transition*. (Нация, Европа и мир. Учебники и программа образования в переходный период). Berghahn Books: New York, Oxford, p.6.

11 А.А. Данилов и А.В. Филиппов (ред.) (2009 г.). *Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории независимых государств*. Москва, стр.13.

Деидеологизацию и повторную идеологизацию истории на постсоветском пространстве можно также интерпретировать с использованием концепции «изобретенных традиций» Хобсбаума.¹² Если говорить более конкретно, то национализация истории Армении, как новая традиция, выполнила частично совпадающие функции придания легитимности институтам (и их стремлениям), образованным после получения независимости и привития «убеждений, систем ценностей и поведенческих обычаев».¹³ В новой повторно идеологизированной версии истории Армении можно обнаружить то, что Хобсбаум называет «повторением» старых традиций. Это наиболее заметно в тенденции объединения так называемых «цивилизационного» и «формационного» подходов к интерпретации истории,¹⁴ или в более позитивном представлении советской истории в самых последних учебниках.

Более пристальный взгляд на процесс создания учебников свидетельствует о том, что национализация учебников истории Армении носила постепенный характер, соответствующий другим общим процессам национализации в стране. Как отмечает в своем интервью Бархударян (главный редактор первого постсоветского учебника), отсутствие идеологических установок представляло собой одну из основных проблем, с которыми столкнулись авторы первого учебника.¹⁵ Приведенная ниже критика, высказанная в начале девяностых годов одним из чиновников Министерства образования, перекликается со словами Бархударяна:

«Учителя истории должны с осторожностью относиться как к старым, так и к новым учебникам, используя педагогические мотивировки, поскольку старые учебники ограничены рамками марксизма, а новые почти полностью лишены любых концептуальных оснований и принципов».¹⁶

Это подразумевает, что формирование «национально-центричной» истории в учебниках происходило в рамках общего контекста национализации истории в научных кругах и иных сферах общественного дискурса в постсоветской Армении.

Сегодня, в отличие от ранних девяностых, идеологические установки в области как написания учебников истории, так и ее преподавания в школах определены в «критерии предмета и плане», которые введены в Армении в программу среднего образования с 2004 г. Перед этим

12 E. Hobsbawm (Е. Хобсбаум) (1983 г.). *Op. Cit.*; V. E. Bonnell (В.Е. Боннелл) (1999 г.). *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. (Иконография власти: советские политические плакаты при Ленине и Сталине). University of California Press: Berkeley, Los Angeles, London. Используя концепцию «изобретенных традиций» Хобсбаума, Боннелл демонстрирует процесс придания легитимности советским политическим институтам с помощью визуальной большевистской пропаганды в первые десятилетия советской власти (*Там же*, стр. 1-19).

13 *Там же*, стр. 9.

14 Первый подход рассматривает мировую историю как множество местно развивающихся историй, которые представляют различные культуры, в то время как второй подход базируется на идее Маркса и Энгельса о том, что общество проходит через пять последовательных общественно-экономических формаций: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую.

15 Интервью с Владимиром Бархударяном.

16 А. Лукасян. «Преподавание истории в текущем году обучения», *Dprutyun*, 2-8 декабря 1993 г., стр. 3.

авторы и учителя руководствовались «планами предмета», которые структурно определяли содержание предмета, однако не имели подробных идеологических установок.¹⁷

В частности, документ «Критерий предмета и план» определяет, что должно являться главными целями обучения истории в средней и старшей школах.¹⁸ В этом документе приведены также руководящие принципы, в соответствии с которыми учителя могут выбирать темы для изучения в своих классах. Арам Назарян, автор самого последнего (2009 г.) критерия и плана по тематике истории Армении,¹⁹ говорит, что этот документ определяет три основных приоритета, полученных из предыдущего и текущего исторического развития жизни армянского народа, а также его будущих устремлений.²⁰

Первый приоритет относится к истории становления армянской государственности: «Стержнем содержания критерия по этому вопросу... является история армянской государственности, поскольку на современном цивилизационном этапе усиление и развитие национальной государственности играет для нас важную роль».²¹ Второй акцент, согласно автору, должен быть сделан на армянской культуре, изучение которой представляется весьма важным делом в эпоху культурной глобализации.²² Наконец, третьим приоритетом является история борьбы армянского народа за национальное освобождение против «иностранных угнетателей».²³

Документ «Критерий предмета и план» подчеркивает также важную роль учителей истории, рассматривая их в качестве главных представителей государственной идеологии. Этот документ гласит, что учителя должны принять *modus operandi* и взгляд на мир, которые соответствуют национальным интересам Армении; им необходимо также избавиться от «избыточного» идеологического груза советской эпохи.²⁴

17 Интервью с Арамом Назаряном (13 июня 2011 г.), автором опубликованного в 2009 г. *Критерия и плана по предмету «История армянского народа» для старших классов средней школы.*

18 После того, как Закон Армении о народном образовании определил трехступенчатую (базовую, среднюю и старшую) систему среднего образования, обучение «Истории армянского народа» было организовано в соответствии с новыми реалиями. Был принят циркулярный подход, который предполагает, что историю следует преподавать в полном объеме в средней школе, а затем более подробно повторять в старшей.

19 А. Назарян (ред.) (2009 г.). *Критерий и план по предмету «История армянского народа» для старших классов средней школы.* Центр образовательных программ, Министерство образования и науки: Ереван.

20 Интервью с Арамом Назаряном.

21 А. Назарян (ред.) (2009 г.). *Op. Cit.*, стр. 8.

22 «С древних времен Армения известна в качестве колыбели цивилизации. Армения была тем местом, где завязывались взаимоотношения, возникали взаимодействия и происходило взаимное влияние европейских и азиатских цивилизаций. Армянский народ создал, сохранил и развил уникальную культуру, благодаря которой армяне существуют в течение тысячелетий и достигли современного этапа истории человечества» (*Там же*, стр.8).

23 «Одна из типичных характеристик армянской истории заключается в многовековой борьбе за сохранение и восстановление независимости и свободы, поэтому данная черта лежит в основе третьего направления содержания данного предмета» (*Там же*, стр.8).

24 *Там же*, стр. 8.

Тема советизации в советских и постсоветских учебниках

В этой части статьи приведено сравнение трех учебников по истории Армении (советского учебника, изданного в 1987 г., и двух постсоветских учебников, изданных в 1994 и 2008 гг. соответственно), позволяющее понять, как изменения политической идеологии привели к изменению официального исторического нарратива, нашедшего отражение в учебниках для государственных школ. Для сравнения были выбраны пять подразделов общей темы «Советизация Армении»: большевистское восстание в Армении в мае 1920 г.; международное положение Первой Республики; падение и советизация Республики; образование СССР; территориальные проблемы между Советской Арменией и ее соседями.

Анализ этих подразделов свидетельствует о том, что одновременный процесс деидеологизации и национализации истории осуществляется с помощью следующих механизмов создания дискурса: новая интерпретация причин и последствий ключевых исторических событий; переоценка действующих лиц исторических изменений; введение и пропуск определенных тем.

Главная цель советских учебников заключается в придании легитимности установлению Советской власти и в акцентировании ее исторической необходимости как результата борьбы рабочего класса против буржуазной власти Республики Армения, а также позитивного влияния Октябрьской социалистической революции в России. Результаты советизации для населения Армении представлены в исключительно позитивных тонах.

В противоположность этому постсоветские учебники доказывают, что советизация Армении была навязана извне и не пользовалась популярностью среди местного населения. Новый нарратив советизации соответствует аргументу национализации или легитимации вновь обретенной независимости. Другими словами, путем опровержения «большевистских аксиом» новые учебники связывают истории Первой и Третьей Республик и косвенно поддерживают идею о том, что стремление к независимости и национальному государству всегда было присуще армянскому народу, и что падение Первой Республики было следствием не внутренней несостоятельности, а скорее взаимодействия внешних неконтролируемых факторов.

Другой признак идеологического изменения в постсоветских учебниках связан с ролью «исторических действующих лиц». Например, «рабочий класс» теряет свое место «мотора исторических изменений», и это место занимают действующие лица, представляющие армянскую государственность, например, власти Первой Республики. Международные отношения более не характеризуются в терминах марксистско-ленинского противопоставления социалистического и империалистического миров.

Идея интернационализма и хороших братских отношений с соседними народами в новых учебниках отброшена, появляется тема этнических границ и территориальных споров

в рамках более широкого контекста национально-освободительной борьбы армянского народа. Кроме того, распад Советского Союза дает возможность учебникам привести критическую оценку роли Советской России в деле перехода части армянских территорий под юрисдикцию Турции и Азербайджана.

Следует также отметить наличие небольших отличий двух постсоветских учебников, особенно в оценках политических преобразований. Например, в учебнике 2008 г. содержится значительно меньше негативных оценок советизации Армении и ее вхождения в состав СССР; кроме того, история Республики Армения до и после советизации представлена в более синкретичном виде по сравнению с учебником 1994 г.

Большевицкое восстание в мае 1920 года

Как советские, так и постсоветские учебники истории рассматривают большевицкое восстание в мае 1920 г. в качестве важного предшественника последующей советизации Армении осенью того же года. Наиболее рельефное идеологическое отличие в интерпретации этого события относится к причинам и результатам указанного восстания. Если советские учебники представляют данное событие как нечто неизбежное и обусловленное стремлением рабочего класса сбросить *Дашнакское* правительство (краткое наименование партии «Армянская революционная федерация»), то постсоветские учебники утверждают, что это восстание не пользовалось поддержкой населения и что его организаторы полагались, главным образом, на внешнее военное вмешательство.

Признавая роль организационных упущений (в основном оборонительная тактика, отсутствие координации усилий между рабочими и крестьянами, помощь *Дашнакскому* правительству со стороны «англо-американского империализма» и т. д.), которые внесли свой вклад в подавление восстания, советские учебники утверждают, что это событие оказало общее позитивное влияние, заложив фундамент советизации Армении. В противоположность этому постсоветские учебники оценивают последствия данного события негативно, утверждая, что восстание подорвало стабильность Республики и в конце концов привело к потере государственности. Три приведенные ниже выдержки (из советского и двух постсоветских учебников соответственно) подчеркивают это идеологическое различие:

«Героическое майское восстание является славной страницей в истории революционного движения в Армении: это было мощное всенародное движение, которое нанесло серьезный удар по власти *Дашнаков*. Майское восстание стало хорошим уроком для Коммунистической партии и трудящихся масс Армении. Они прошли через этап обучения политической зрелости, что сыграло огромную роль в достижении будущей победы».²⁵

25 Х.А. Аветисян (ред.) (1987 г.). *История армянского народа (1900-1987 гг.). Учебник для 9-10 классов средней школы. Третье издание.* Luys: Ереван, стр. 84.

«Майское восстание было обречено на неуспех, поскольку оно было слабым, неорганизованным и разобщенным. В Армении отсутствовали предпосылки для успеха этого восстания... Оно лишь ослабило внутреннюю обстановку в стране, нанеся ущерб интересам Республики Армения».²⁶

«Основная причина его неудачи заключалась в том, что восставшие большевики не получили достаточной поддержки населения... Восстание было неорганизованным и разобщенным, не имело единого руководящего центра... Несмотря на то, что майское восстание было подавлено, оно подорвало позиции правительства и ослабило возможности армянской армии».²⁷

Следует отметить, что советские учебники, в отличие от постсоветских, используют временами эмоциональный язык и даже пренебрежительные клише при описании событий и сторон этого конфликта. Например, если майское восстание представлено как «героическая борьба» или «подготовка революции», то действия правительства характеризуются как «реакционные» и «жестокие»; само это правительство в учебнике называют «испуганными *Дашнаками*» или «*Дашнаками-Маузеристами*».^{28, 29}

Международное положение Первой Республики

Международное положение Армении, или точнее, отношения с Турцией, Азербайджаном, Россией и странами *Антанты* непосредственно перед советизацией – это еще одна тема, которая различным образом представлена в советских и постсоветских учебниках. В отличие от советских учебников, которые объясняют международные проблемы Республики «недалновидностью» *Дашнакского* правительства и злонамеренным отношением стран *Антанты*, постсоветские учебники изображают армянскую государственность в виде жертвы заговора между Турцией Кемалю и большевистской Россией. В советских учебниках Россия представлена в качестве актора, который неэгоистично защищает Армению; однако новые учебники изображают Россию в качестве силы, преследующей свои собственные интересы, которые временами противоречат интересам армянского народа. Кроме того, новые учебники вводят тему территориальных споров между Арменией и Азербайджаном в качестве препятствия на пути взаимоотношений Армении и России.

26 В.Б. Бархударян (ред.) (1994 г.). *История армянского народа. Учебник для 7-8 классов средней школы* Luys: Ереван, стр. 248.

27 В. Бархударян (ред.) (2008 г.). *История армянского народа (Современный период). Учебник для 9 класса общеобразовательной средней школы*. Mastillan-Armenia: Ереван, стр. 21.

28 Буквально это обозначает человека, обладающего пистолетом или ружьем «Маузер». В советские времена этот термин использовался для обозначения *дашнакских* ополченцев в уничижительной коннотации. Сегодня этот термин предполагает более широкое применение для обозначения лиц (обычно представителей армии, полиции или военизированных групп), которые, в нарушение своего положения, прибегают к незаконному использованию оружия в гражданской сфере.

29 Х.А. Аветисян (ред.) (1987 г.). *Op. Cit.*, стр. 76-85.

Согласно советским учебникам, Армения в 1920 г. находилась в плачевном международном положении. С одной стороны, Республика находилась в «когтях империалистов *Антанты*», которые пытались превратить Закавказье в трамплин для антисоветских атак. С другой стороны, «турецкие бандиты», инспирируемые теми же самыми силами *Антанты*, готовились напасть на восточную Армению и завершить программу полного уничтожения армянского народа.³⁰ Именно правительство Советской России предприняло попытки установить дипломатические отношения с Арменией и спасти ее от неизбежной катастрофы. Однако *Дашнакское* правительство отдало предпочтение «лицемерным обещаниям западных империалистов», отклонило предложения Советской России и «привело армянский народ на край пропасти».³¹ Даже во время турецкого вторжения и массовых убийств осенью 1920 г., когда уже стало очевидно, что союзники по *Антанте* не собираются оказывать помощь Армении, *Дашнакское* правительство отказалось принять помощь Советской России; согласно этому учебнику, такая близорукая политика привела к подписанию 2 декабря 1920 г. «кабального» и «предательского» мирного договора с Турцией.³²

Первый постсоветский учебник приводит иное объяснение, усматривая причины дипломатических и военных неудач Республики во внешних факторах. В частности, в нем сказано, что когда победа большевиков в гражданской войне в России стала очевидной, правительство Армении пыталось провести переговоры с Советской Россией. В мае 1920 г. в Москву была направлена специальная делегация, однако договор не был подписан; одна из причин заключалась во вмешательстве Советского Азербайджана с вопросом о спорных территориях Нагорного Карабаха, Нахичевани и Зангезура. Несмотря на то, что 10 августа в Тифлисе было подписано промежуточное соглашение (Армения согласилась на временную оккупацию указанных выше территорий российскими войсками), последующие сентябрьские переговоры в Ереване не привели к успеху из-за несогласия Азербайджана по территориальным вопросам.³³

В отношении вторжения Турции в Армению учебник предполагает, что оно было осуществлено с одобрения Советской России. В частности, последняя заключила союз с Турцией Кемалю с целью борьбы с империалистами и ускорения процесса мировой социалистической революции. Для установления связи между Россией и Турцией необходимо было преодолеть препятствие в виде Армении. Армения была изображена в виде агента британского империализма, представляющего серьезную угрозу для союзников. Имелся даже «дьявольский» документ, принятый в сентябре 1920 г. в Баку, согласно которому вторжение в Армению должна была совершить Турция, после чего Советская Россия должна была вмешаться в качестве спасителя Армении.³⁴ В заключение

30 Там же, стр. 86.

31 Там же, стр. 87.

32 Там же, стр. 88.

33 В.Б. Бархударян (ред.) (1994 г.). *Op. Cit.*, стр. 265-67.

34 Там же, стр. 268-69.

учебник сообщает, что в конце Армяно-Турецкой войны, когда *Дашнакское* правительство наконец разочаровалось в странах *Антанты*, оно решило заключить мир и приняло помощь России.³⁵

Учебник 2008 года, следуя генеральной линии первого постсоветского учебника, содержит некоторые изменения в отношении определенных аспектов международных отношений Армении. Например, в нем сказано, что причина не подписания в мае 1920 г. договора между Арменией и Советской Россией заключается в отсутствии желания с обеих сторон. Если Россия обуславливала подписание договора территориальными уступками Армении в пользу Турции и Азербайджана, то правительство Армении, со своей стороны, «все еще лелеяло надежду на «союзников» с запада».³⁶ Кроме того, во втором постсоветском учебнике более слабо выражена причастность Советской Россией к одобрению агрессии Турции против Армении осенью 1920 г. В частности, в этом учебнике сказано, что Советская Россия следовала политике «невмешательства»³⁷ и что она оттягивала время в своих переговорах с Арменией, ожидая ее полной капитуляции в войне с Турцией, что позволило бы осуществить мирную советизацию Армении.³⁸

Падение и последующая советизация Республики

Основные идеологические отличия интерпретаций этой темы в советских и постсоветских учебниках относятся к причинам и результатам советизации. В советских учебниках этот факт представлен в качестве обусловленного происходящими в стране неизбежными процессами, а согласно постсоветским учебникам он является результатом влияния внешних сил, а именно Турции Кемали и большевистской России. Советские учебники рассматривают советизацию Армении как начало новой эры «национальной независимости» и «государственности», в то время как постсоветские учебники акцентируют внимание на том факте, что государственность независимой Армении была утеряна. Однако в учебнике 2008 г. наблюдается небольшое смещение акцента в сторону более оптимистичной интерпретации советизации Армении.

Советский учебник представляет советизацию Армении как неизбежное событие, обусловленное новой волной революционных движений в Республике осенью 1920 года: экономический коллапс, продовольственный кризис и надвигающаяся опасность физического уничтожения, пробуждающие в среде рабочего класса ненависть по отношению к *Дашнакским* правителям и усиливающие веру в необходимость установления власти Советов в стране. Борьба под руководством Коммунистической партии Армении против *Дашнакского* правительства достигла кульминации в ноябре, когда «революционные

³⁵ Там же, стр. 270.

³⁶ В. Бархударян (ред.) (2008 г.). *Op. Cit.*, стр. 34.

³⁷ Там же, стр. 36.

³⁸ Там же, стр. 38.

демонстрации» получили широкое распространение среди рабочих, крестьян и солдат. 29 ноября Военно-революционный комитет Армении, в сопровождении нескольких отрядов Красной армии, вступил со стороны Азербайджана в Иджеван (поселение на северо-востоке Армении) и огласил декларацию, адресованную рабочим Армении, в которой было сказано, что *Дашнакское* правительство свергнуто и в Армении установлена власть Советов. 2 декабря 1920 г. *Дашнакское* правительство было вынуждено подписать в Ереване договор с Советской Россией, после чего оно было отстранено от власти.³⁹ Учебник завершает это описание следующими словами:

«Это был победный марш Октябрьской революции в Армении. Благодаря этому великому историческому событию Армения и армянский народ получили государственность и национальную независимость, мечты о которых они лелеяли в течение столетий. Армянский народ вступил на путь общественного и национального возрождения; началась история новой эры, эры коммунизма».⁴⁰

При интерпретации причин советизации Армении первый постсоветский учебник акцентирует внимание на внешних факторах. В частности, он отмечает, что вторжение Турции было наиболее подходящим моментом для вмешательства Советской России в дела Армении и осуществления своего проекта советизации. Учебник наводит на мысль о том, что действия Военно-революционного комитета Армении были необоснованными, поскольку в действительности не было никаких восстаний рабочих и крестьян, от имени которых (как было указано в Декларации от 29 ноября) Армения была провозглашена Советской Социалистической Республикой (ССР).⁴¹

В отличие от советского учебника, который подчеркивает дату 29 октября как начало новой советской эры и тем самым изображает большевиков в качестве основных агентов советизации, навязывающих свою волю *Дашнакскому* правительству, первый постсоветский учебник переносит дату советизации на 2 декабря – день, когда был подписан договор между *Дашнакским* правительством и Советской Россией, наводя на мысль о том, что советизация Армении была добровольным и сознательным решением *Дашнакского* правительства.⁴²

Интересно отметить, что в конце подраздела, посвященного падению Первой Республики, авторы учебника рефлексировали о возможности сохранения государственности. Признавая некоторые ошибки, совершенные правительством во внешней политике, авторы учебника приходят к оправдывающему это правительство выводу:

39 Х.А. Аветисян (ред.) (1987 г.). *Op. Cit.*, стр. 90-93.

40 Там же, стр. 94.

41 В.Б. Бархударян (ред.). (1994 г.). *Op. Cit.*, стр. 273.

42 Там же, стр. 273-74.

«Могут задать вопрос – существовала ли альтернатива потере государственности. На это можно недвусмысленно ответить: в условиях большевистско-кемалистского союза... будущее существование Республики Армения было невозможно... Советизация страны была неизбежной».⁴³

В учебнике 2008 г. история советизация Армении представлена аналогичным учебнику 1994 г. образом, однако при этом уделяется меньше внимания отсутствию широкой поддержки большевиков. В нем лишь указано, что после Декларации от 29 ноября «армянская армия не оказывала сопротивления российским войскам, и армянский народ принял Советскую власть молчаливым согласием».⁴⁴ В этом учебнике содержится более оптимистичный вывод относительно советизации Армении. Если в первом постсоветском учебнике советизация приравнивается к потере государственности, то учебник 2008 г. подчеркивает продолжение государственности: «Советская Армения стала правопреемником Первой Республики Армения».⁴⁵

Следует также отметить, что в разделе первого постсоветского учебника, посвященном советизации Армении, мимоходом затрагивается тема территориальных споров между Арменией и Азербайджаном:

«В связи с советизацией Армении правительство Советского Азербайджана 30 ноября приняло решение прекратить территориальные споры с Арменией. Оно заявило, что признает Нагорный Карабах, Зангезур и Нахичевань в качестве составных частей Армении. Однако впоследствии Азербайджан отступил от своего решения».⁴⁶

Можно предположить, что помимо предположения о ненадежности Азербайджана ввиду его отказа от ранее принятого решения, данный параграф подрывает советскую идею интернационализма и подчеркивает превалирование национальных интересов над идеологической солидарностью.

Образование СССР

Образование СССР и вхождение в его состав Армении – это еще одна тема, по поводу которой расходятся оценки в советских и постсоветских учебниках. Если в советском учебнике основное внимание уделено добровольному характеру вхождения в СССР, образование которого характеризуется в качестве важного условия реализации национальных устремлений армянского народа, наряду с другими народами социалистического интернационального союза, то постсоветские учебники рассматривают включение

43 Там же, стр. 275.

44 Х.А. Аветисян (ред.) (1987 г.). *Op. Cit.*, стр. 90-93.

45 Там же, стр. 39.

46 В.Б. Бархударян (ред.). (1994 г.). *Op. Cit.*, стр. 273.

Армении в состав СССР как еще один шаг на пути к потере своего государственного суверенитета. В противоположность идее интернационализма постсоветские учебники утверждают, что национальный вопрос в Советском Союзе был скорее подавлен, чем решен. Учебник 2008 г., как и в случае советизации Армении, содержит более позитивную оценку влияния вхождения Армении в состав СССР.

Согласно советскому учебнику, после установления советской власти в каждой из закавказских республик (Армения, Азербайджан и Грузия) Коммунистическая партия ощутила необходимость создания прочного политического и военного союза между ними с целью быстрого подъема национальных экономик, усиления дружбы между народами, а также противодействия внутренним и внешним врагам.⁴⁷ После серьезной подготовительной работы в среде рабочего класса каждой из республик и нейтрализации оппозиции (так называемых «национал-уклонистов»⁴⁸) в Грузии, 12 марта 1922 г. «на полностью добровольной основе был создан военно-политический и экономический союз трех республик».⁴⁹ Федеративный Союз Социалистических Советских Республик Закавказья (ФСССРЗ), который в декабре того же года был реорганизован в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР), открыл новую страницу в многовековой истории Закавказья.⁵⁰

Советский учебник представляет образование Советского Союза 30 декабря 1922 года в исключительно позитивном виде, называя его «новой и еще более блистательной победой ленинской национальной политики, проводимой Коммунистической партией». Он называет СССР «первым в мире многонациональным социалистическим государством под руководством великого лидера всех народов Владимира Ильича Ленина». По поводу важности вхождения Армении в состав СССР в учебнике сказано следующее: «Став частью Закавказской федерации и, с ее помощью, частью СССР, Советская Армения получила большие возможности для развития ее национальной экономики и духовной культуры».⁵¹

Отношение первого постсоветского учебника к созданию указанных выше политических образований не содержит восторженных высказываний советского учебника. В частности, в учебнике 1994 г. сказано, что образование Закавказской федерации и СССР существенным образом изменило статус Армянской ССР: до образования СССР Советская Армения была более-менее независимым государством; после этого суверенитет Армении стал *pro forma*.⁵²

47 Х.А. Аветисян (ред.) (1987 г.). *Op. Cit.*, стр. 109-10.

48 Термин, использовавшийся большевистской пропагандой для обозначения высших партийных лидеров советских республик, которые, вопреки намерениям Москвы, демонстрировали независимость в проведении национальной политики.

49 Там же, стр. 110.

50 Там же

51 Там же, стр. 111.

52 В.Б. Бархударян (ред.) (1994 г.). *Op. Cit.*, стр. 286.

Кроме того, в этом учебнике сказано, что Советский Союз не смог решить национальный вопрос: «СССР... превратился в монолитное централизованное государство с диктатурой элиты Коммунистической партии. Национальные разногласия и выражения недовольства людей были подавлены в этом деспотичном государстве». ⁵³ Согласно авторам учебника, именно по этой и ряду других причин СССР смог просуществовать лишь 70 лет. ⁵⁴

Учебник 2008 г. следует общей линии этого нарратива, однако придерживается более позитивной оценки вхождения Армении в состав СССР. В частности, несмотря на утверждение о том, что образование Советского Союза ослабило суверенитет Советской Армении и не внесло вклад в решение национального вопроса, здесь, в отличие от учебника 1984 г., при описании СССР и Коммунистической партии не используются негативные выражения типа «деспотичное государство» или «диктаторский режим». ⁵⁵ Авторы завершают подраздел, посвященный образованию Советского Союза, положительной оценкой: «Армения достигла огромных успехов в составе СССР и оборона Армении стала надежной». ⁵⁶

Для понимания причин этого сдвига второго постсоветского учебника в сторону менее негативных оценок Советского Союза и большевистской России (в деле ее союза с Турцией Кемалю), а также в сторону более позитивного взгляда на вхождение Армении в состав Советского Союза, можно предложить два предварительных соображения, требующих дальнейшего исследования. Во-первых, этот сдвиг, или «повторение» в новой традиции, может быть отнесен за счет постоянно растущего на протяжении последнего десятилетия политического и экономического влияния Российской Федерации в Армении. Во-вторых, этот сдвиг может быть обусловлен процессом переоценки и признания в публичном дискурсе и научных кругах (особенно перед лицом социально-экономической нестабильности) достижений Советской Армении. ⁵⁷

Территориальные проблемы между Советской Арменией и ее соседями

Если в советском учебнике тема территориальных споров Советской Армении с ее соседями почти полностью отсутствует, то отдельные главы учебников 1994 и 2008 гг.,

⁵³ Там же, стр. 286.

⁵⁴ Там же, стр. 286.

⁵⁵ В. Бархударян (ред.) (2008 г.). *Op. Cit.*, стр. 44-45.

⁵⁶ Там же, стр. 45.

⁵⁷ Явным примером публичной пропаганды достижений Советской Армении (по контрасту с ситуацией, в которой находилась и находится Армения до и после коммунистической эпохи) была риторика Коммунистической партии Армении во время предвыборной кампании 2007 г. в Парламент Армении. Другим примером может служить интервью с Левоном Тер-Петросяном, опубликованное в июне 2011 г. в газете *Московские новости*, в котором первый президент Армении, наряду с негативными аспектами Советского Союза, отметил важные достижения национального характера, достигнутые Советской Арменией. Он также говорил о потерях социального характера, от которых страдает страна после коллапса Советского Союза. (И. Сухов. «Бывшие президенты вообще не должны вмешиваться в политику», *Московские новости*, 23 июня 2011 г.) Документ доступен по адресу http://mn.ru/newspaper_zoom/20110623/302712754.html

озаглавленные «Вопрос о границах Советской Армении» и «Территориальные проблемы Советской Армении (1921 г.)» уделяют значительное внимание обсуждению территориальных конфликтов Армении с Турцией, Азербайджаном и Грузией.

Следует отметить, что общая деидеологизация или повторная идеологизация истории, в частности, учебников истории, происходили в рамках более широкого контекста Армяно-Азербайджанских и Армяно-Турецких отношений. Например, если первые учебники истории были написаны во время ожесточенного этапа Нагорно-Карабахского конфликта, то последующие создавались в атмосфере «ни войны, ни мира» между Арменией и Азербайджаном. Кроме того, после 1993 г. отношения с другим соседом, Турцией, становились все более напряженными, в основном из-за Нагорно-Карабахского конфликта и вопроса о признании геноцида армян в 1915 году. Эти реалии отложили свой отпечаток на новые учебники, которые были использованы для придания легитимности срочным национальным устремлениям, например, освобождению и самоопределению Нагорного Карабаха или международному признанию геноцида армян. Поэтому представляется естественным, что новые учебники вынуждены вводить разделы, связанные с территориальными вопросами, и особенно с международными договорами, которые привели к потерям территорий. Кроме того, само собой разумеется, что в ситуации реального конфликта советская идея интернационализма или ранее имевшее место позитивное представление азербайджанского народа не нашли отражения в новых учебниках. Например, в подразделе советского учебника, посвященном большевистскому восстанию в мае 1920 г., азербайджанцы характеризуются как «братский народ».⁵⁸ Новые учебники не содержат также эмоционально позитивных характеристик русских («братский русский народ»⁵⁹ или «великий русский народ»⁶⁰).

Как и следовало ожидать, оба постсоветских учебника представляют Московский договор (16 марта 1921 г.)⁶¹ и Карсский договор (13 октября 1921 г.)⁶² в негативном свете, отмечая, что если первый (между Советской Россией и Турцией Кемалья) уступил армянские территории без учета интересов армянского народа,⁶³ то второй (дублировавший Московский договор) между Турцией и Закавказскими республиками был навязан Советской Армении против ее воли.⁶⁴ Например, во втором постсоветском учебнике сказано, что «Россия передала армянские земли Турции и оправдывала это интересами мировой революции».⁶⁵ В другом

58 Х.А. Аветисян (ред.) (1987 г.). *Op. Cit.*, стр. 78.

59 Там же, стр. 90.

60 Там же, стр. 94.

61 Московский договор (также известный как Договор о братстве) был подписан между Турцией Кемалья (Великой национальной ассамблеей Турции) и большевистской Россией. В рамках этого договора два государства определили, помимо прочего, границы Турции с Арменией, Азербайджаном и Грузией.

62 Карсский договор был преемником Московского договора. Подписанный Великой национальной ассамблеей Турции с одной стороны и представителями Советских Социалистических Республик Армении, Азербайджана и Грузии с другой стороны, он установил современные границы южно-кавказских государств с Турцией.

63 В.Б. Бархударян (ред.) (1994 г.). *Op. Cit.*, стр. 291; В. Бархударян (ред.) (2008 г.). *Op. Cit.*, стр. 50.

64 В.Б. Бархударян (ред.) (1994 г.). *Op. Cit.*, стр. 290; В. Бархударян (ред.) (2008 г.). *Op. Cit.*, стр. 48-49.

65 В. Бархударян и др. (ред.) (2008 г.). *Op. Cit.*, стр. 49.

параграфе мы читаем: «В результате Карсского договора Армения была вынуждена принять и признать потерю своих собственных территорий».⁶⁶

В разделе, посвященном Нагорному Карабаху, авторы этого учебника утверждают, что передача Нагорного Карабаха Азербайджану, явившаяся результатом принятого 21 июля 1921 г. решения Кавказского бюро Центрального комитета Коммунистической партии России, была осуществлена вопреки логике национальных вопросов и привела к резкому недовольству местного армянского населения.

В обоих учебниках сказано, что 4 июля 1921 г. пленарное заседание Кавказского бюро приняло решение об объединении Нагорного Карабаха с Арменией. В первом постсоветском учебнике говорится: «Наконец было принято справедливое и законное решение по Нагорному Карабаху, 95% населения которого составляют армяне; это население хотело быть вместе с Арменией, со своими родными людьми».⁶⁷ Однако это решение привело к протесту со стороны правительства Азербайджана и в результате этого протеста и вмешательства Иосифа Сталина 5 июля было принято новое решение. В постсоветских учебниках отмечено: «Таким образом, решение Карабахского вопроса было обосновано только экономическими факторами при пренебрежении национальными факторами».⁶⁸

Оба учебника содержат заключительные замечания, которые обосновывают современные ожидания армян Карабаха в отношении исторической несправедливости, совершенной семь десятилетий тому назад. Например, в первом постсоветском учебнике мы читаем:

«... Население Карабаха продолжает свою борьбу за объединение с Арменией. Его протестующий голос не был заглушен даже в годы сталинских репрессий. Сегодня народ Карабаха вынужден взяться за оружие, чтобы защитить свои права против милитаристского притеснения со стороны Азербайджана».⁶⁹

Приходя к вполне аналогичному заключению, второй учебник добавляет, что «только после «решения» территориальных вопросов стало возможным четкое разграничение государственных границ. Были подписаны договоры только Армении с Грузией и Грузии с Азербайджаном».⁷⁰

В этих главах приведено также описание присоединения двух регионов, Лори и Зангезур (в северной и южной части Армении соответственно), к территории Советской Армении. Следует отметить, что в случае Зангезура постсоветские учебники, в отличие от советских, воздают должное за включение этого региона в состав Советской Армении не Красной

66 Там же, стр. 50.

67 В.Б. Бархударян (ред.) (1994 г.). *Op. Cit.*, стр. 295.

68 В.Б. Бархударян (ред.) (1994 г.). *Op. Cit.*, стр. 296; В. Бархударян (ред.) (2008 г.). *Op. Cit.*, стр. 53.

69 В.Б. Бархударян (ред.) (1994 г.). *Op. Cit.*, стр. 296.

70 В.Б. Бархударян (ред.) (2008 г.). *Op. Cit.*, стр. 53.

Армии, а организационным, военным и дипломатическим талантам генерала Гарегина Нжде, проявившимся при обороне этого региона.⁷¹

Заключение

Распад Советского Союза означал начало эпохи официального пересмотра советских учебников истории в Армении. Новый пересмотр исторических нарративов происходил одновременно с процессами деидеологизации и повторной идеологизации (национализации), преследуя цель придания легитимности устремлениям Армении к статусу независимого государства. Одним из важных факторов, который внес вклад в появление национально-центричной истории (где национальная государственность, национальная культура и национально-освободительная борьба определены в качестве стержней новой истории), являлась монополия государства на процесс издания и содержание учебников.

Сравнение темы советизации Армении по всем трем учебникам свидетельствует о том, что деидеологизация и повторная идеологизация истории происходит путем переосмысления причин и влияний ключевых исторических событий, переоценки действующих лиц исторического изменения и ввода конкретных тем национального характера. В частности, в новых учебниках появляются темы этнических границ, территориальных споров с соседями и международных договоров, которые несомненно отражают текущие натянутые отношения Армении с Азербайджаном и с Турцией.

Сравнение двух постсоветских учебников выявило их небольшое отличие в оценке политических преобразований. В частности, в учебнике 2008 года содержатся менее негативные и более оптимистичные оценки советизации Армении и ее вхождения в состав СССР, а история Армении до и после советизации представлена в более синкретичном виде. Этот сдвиг может быть объяснен в рамках более широких контекстуальных изменений общественно-политического характера, которые произошли в Армении после обретения независимости.

71 В.Б. Бархударян (ред.) (1994 г.). *Op. Cit.*, стр. 292-94; В. Бархударян (ред.) (2008 г.). *Op. Cit.*, стр. 51-52.

ГЛАВА 3

Десоветизация и национализация истории в постсоветской Грузии

Нино Чиковани

Введение

По широко известному замечанию Марка Ферро, наше представление о себе, о своем народе, а также образ других народов в значительной степени зависят от того, как нас в детстве учили истории. То, что удовлетворяло нашу первую любознательность, пробуждало наши первые эмоции, остается неизгладимым.¹ И не случайно школьный курс истории и учебники по этой дисциплине считаются одним из важнейших источников формирования исторического сознания и национальной идентичности.

Посредством учебников у учащихся формируется восприятие собственной нации, ее роли в истории, видение других, в первую очередь «соседей».² Учебники во многом отражают бытующие в обществе ценности и стереотипы. Их анализ позволяет реконструировать и лучше понять доминирующую в обществе идеологию. Наряду с масс-медиа и другими социальными институтами, учебники оказываются важными агентами ее распространения и легитимации.³ Практика подбора информации, которую вносят в учебники с целью передачи будущему поколению, имеет политическое измерение:⁴ учебники истории излагают «современное прошлое», которое связано с господствующими социальными и политическими потребностями,⁵ различные исторические факты используются политиками для легитимации современных целей и устремлений.

Учебники истории создают в рамках определенных мастер-нарративов, посредством которых общество придает смысл своему прошлому и идентичности.⁶ Будучи легитимированными и институционализированными формами национального

-
- 1 M. Ferro (М. Ферро) (1992 г.). *Comment on raconte l'histoire aux enfants [Как рассказывают историю детям]*. Высшая школа: Москва, стр. 8.
 - 2 D. Stojanovic (Д. Стоянович) (2001 г.). 'History textbooks and Creation of National Identity' (Учебники истории и создание национальной идентичности), в С. Koulouri (Х. Колори) (ред.) (2001 г.). *Teaching the History of Southeastern Europe* (Преподавание истории в Юго-Восточной Европе). Petros Th. Ballidis & Co.: Thessaloniki, стр. 28.
 - 3 С. Koulouri (Х. Колори) (ред.) (2002 г.). *Clio in the Balkans. The Politics of History Education* (Клио на Балканах. Политика преподавания истории). Petros Th. Ballidis & Co.: Thessaloniki, стр. 34.
 - 4 Н. Schlissler (Х. Шлисслер) (1987 г.). 'Perceptions of the Other and the Discovery of the Self. What Pupils are supposed to Learn About Each other's History' (Восприятие другого и открытие себя. Что должны были бы узнать ученики об истории друг друга), в V. R. Berghahn & Н. Schlissler (В.Р. Берган и Х. Шлисслер) (ред.) (1987 г.). *Perceptions of History. International Textbook Research on Britain, Germany and the United States* (Восприятие истории. Анализ учебников истории в Британии, Германии и США), Berg, стр. 27.
 - 5 D. A. Porat (Д.А. Порат) (2001 г.). 'Contemporary past: history textbooks as sites of national memory' (Современное прошлое: учебники истории в качестве источников национальной памяти) в А. Dickinson, P. Gordon & P. Lee (А. Диксон, П. Гордон и П. Ли) (ред.) (2001 г.). *International Review of History Teaching (Международный обзор преподавания истории)*. Том 3. *Raising Standards in History Education* (Повышение стандартов преподавания истории). Woburn Press, стр. 49.
 - 6 Под мастер-нарративом понимается «доминантный нарратив, отраженный в ключевых текстах, которые считаются наиболее совершенными, влиятельными и авторитетными... Они предоставляют самые яркие образцы восприятия и интерпретации прошлого, демонстрируя, кто являются центральными фигурами и акторами национальной истории, кто "мы" и кто "другие", кто воспринимаются как враги» (S. Berger (С. Бергер) (2009 г.). 'The Comparative History of National Historiographies in Europe: Some Methodological Reflections and Preliminary Results' (Сравнительная история национальной историографии в Европе: некоторые методологические размышления и предварительные результаты), в S. Carvalho & F. Gemenne (С. Карвало и Ф. Джеммен) (ред.) (2009 г.). *Nations and their Histories. Constructions and Representations* (Нации и их истории. Создание и представление). Palgrave Macmillan: New York, стр. 33).

историописания, мастер-нарративы определяют репертуар допущенных к тиражированию событий и интерпретаций, оформляют «общее прошлое» и являются одним из важнейших инструментов национальной мобилизации.

Грузинский исторический мастер-нарратив складывается к началу XX века (в период формирования грузинского национализма) как альтернатива российскому имперскому дискурсу. Как и в других имперских пространствах, особый акцент делался на различиях:⁷ грузинская нация определялась через противопоставление «внутренним» и «внешним» *другим*. Противопоставление внутренним *другим* должно было сделать очевидным отличие грузин от других этнических групп, населяющих Грузию. Противопоставление внешним *другим* было призвано способствовать политической консолидации грузинского общества. Как замечает С. Джонс: «[Г]рузины обращались к своей древней истории, чтобы доказать свое преимущество по сравнению с российскими колонизаторами».⁸

В трудах Ивана Джавахишвили – важнейшего представителя основоположников грузинской профессиональной историографии – была заложена основа исторического мастер-нарратива, который, пройдя через советский период и претерпев незначительные изменения (связанные с господством марксистско-ленинской методологии), сохранил легитимность по сей день.⁹

Советская традиция преподавания истории: основные принципы

В Советском Союзе история считалась одним из самых важных инструментов формирования общей советской идентичности и была предельно идеологизирована. Главным и единственно допущенным дискурсом в исследованиях и преподавании истории был марксизм-ленинизм, с характерным акцентом на классовую борьбу и закономерную смену общественно-экономических формаций.

Исторический нарратив, отраженный в школьных учебниках 1980-х гг., складывался с 1930-х годов. На протяжении десятилетий оттачивались общесоветские правила написания истории, неотъемлемым идеологическим сюжетом которой было «исторически неизбежное» сближение социалистических наций и стирание различий между ними. Общесоветские правила применялись как к описанию развития всего советского общества, так и к жизнеописанию каждого народа.

7 Там же, стр. 30.

8 S. Jones (С. Джонс) (1994 г.). 'Old Ghosts and New Chains. Ethnicity and memory in the Georgian Republic' (Старые призраки и новые цепи. Этничность и память в Республике Грузия), в R. S. Watson (Р.С. Ватсон) (ред.) (1994 г.). *Memory, History and Opposition under State Socialism* (Память, история и оппозиция при государственном социализме). School of American Research Press: Sante Fe, стр. 158.

9 И. Джавахишвили (1979-1998 гг.). *Сочинения в 12-ти томах*. ТГУ: Тбилиси.

Истории СССР в советской школе уделялось основное внимание. Школьные учебники по этой дисциплине создавались в Москве и переводились на языки титульных наций. Они сообщали об общем прошлом всех советских народов. История СССР начиналась «с древнейших времен», сближение народов достигало фазы «братской дружбы» после создания СССР и продолжалось до наших дней. При общих декларациях равенства всех народов, фокус внимания в Истории СССР был явно смещен в сторону России и русского народа. Информация об истории других республик и народов была минимальна. Как замечает С. Величенко, история Советского Союза представляла собой «[у]порядоченный, последовательный, иногда запутанный, не обязательно лживый рассказ о событиях [...] Она должна была воспитать и легитимировать супранациональную советскую идентичность, одновременно ограничивая коллективную память и идентичность каждой составной национальности этнографическим и географическим уровнем».¹⁰ Исследование и преподавание истории титульных наций союзных республик не запрещалось, а в отдельные периоды даже поощрялось.¹¹ Но изложение этой истории также должно было укладываться в общий формационный канон. Появление альтернативных версий было практически исключено.

В советское время история Грузии преподавалась по учебникам, утвержденным министерством образования СССР. Книга, которая использовалась по этой дисциплине в школах Грузии со второй половины 1960-х (объемом около 250 страниц), вмещала всю программу с 7-го по 10-й класс.¹² На историю Грузии отводилось незначительное количество часов, оставшихся от изучения истории СССР, значительно большей по объему изучаемого материала и уделяемому ей вниманию.

В советское время практика написания истории Грузии во многом подчинялась правилам, сложившимся еще в досоветское время, но теперь рассказ о «тяжелом и героическом прошлом» был помещен в марксистско-ленинские методологические рамки. История была разделена на периоды «до» и «после» победы Октябрьской социалистической революции. В советской версии тяготы и страдания народа заканчивались с установлением советской власти и созданием СССР. В соответствии с новым видением роли личности в истории и требованием переноса акцента на классовую борьбу, галерея национальных героев была

10 S. Velychenko (С. Величенко) (1994 г.). 'National History and the "History of USSR": the Persistence and Impact of Categories' (Национальная история и «История СССР»: постоянство и влияние категорий) , in D. Schwartz (Д. Шврц) (ред.) (1994 г.). *Nationalism and history. The politics of Nation Building in post-Soviet Armenia, Azerbaijan and Georgia* (Национализм и история. Политика национального строительства в постсоветских Армении, Азербайджане и Грузии) . University of Toronto, стр. 13.

11 Например, в конце 1930-х годов грузинским историкам С. Джанашиа и Н. Бердзенишвили было поручено подготовить учебник истории Грузии. Сначала были разработаны программа и конспект истории Грузии с древнейших времен до 13-го века (материалы опубликованы в виде проекта). Позднее была подготовлена «История Грузии с древнейших времен до конца 10-го века» (на русском языке), предназначенная для включения в капитальные издания «История народов СССР» и «История культуры народов СССР» (которые, впрочем, так и не были изданы). Учебник истории Грузии для средней школы впервые был издан в 1943 году (авторы Н. Бердзенишвили, Ив. Джавахишвили, С. Джанашиа). В 1946 году русскоязычный вариант этого учебника был отмечен Сталинской премией (АН Грузинской ССР (1949 г.). *Академик Симон Джанашиа. 1900-1947 гг.* Тбилиси, стр. 23-24).

12 В. Гуча и Ш. Мехиа (1968 г.). *История Грузии. Учебник для 7-10 классов.* Ганатлеба: Тбилиси.

обновлена и заполнена новыми персонажами. Если в досоветской истории таким героем был «защитник независимости родины, сражающийся против иноземных захватчиков», вне зависимости от его происхождения и классовой принадлежности, то в советской истории героем мог стать лишь «борец за счастье трудящихся».

Имена большинства исторических личностей (царей, правителей, выдающихся полководцев, деятелей культуры и др.) появляются во всех версиях учебников истории Грузии (досоветских, советских, постсоветских), но отношение к ним и к отдельным фактам и событиям, приводится в соответствие с идеологическими требованиями своего времени. Например, в советском учебнике 1968 года деятельность Ильи Чавчавадзе вписывалась в контекст революционно-демократического движения России. Подчеркивалось, что он (как и другие лидеры национально-освободительного движения 1860-х гг.) был воспитан на идеях В. Белинского, А. Герцена и Н. Чернышевского; его национально-освободительная программа была тесно связана с социальной программой, ориентированной на освобождение общества от социального гнета. Отмечались «неосуществимость и утопичность» идей Ильи Чавчавадзе и его соратников, ибо «вместо классовой борьбы и революции они придерживались идеи социального примирения».¹³ В постсоветских версиях акцент смещен именно на *национально-освободительный* характер вышеназванной программы, которая вовсе не считается утопичной. Особо подчеркнута значимость деятельности Ильи Чавчавадзе и его соратников «для будущего страны и грузинского народа».¹⁴

Можно обозначить несколько наиболее характерных черт грузинского исторического мастер-нарратива, выявленных при анализе учебников истории советского периода:

- Повествование об исторических процессах, событиях и личностях носит оценочный характер. Позитивной оценки удостоено все, что укладывается в установленную марксистско-ленинскую схему развития общественно-экономических формаций и классовой борьбы. Все, что этой схеме противоречит, объявлено «отклонением от нормального» («исторически неизбежного») пути развития и рассматривается как требующее преодоления. Например, в советский версии период существования независимой («буржуазной») Грузинской Демократической Республики (1918-1921 гг.) рассматривался как временное отклонение от «естественного» пути развития грузинского народа. Эта Республика изображена как препятствие, возведенное национальной буржуазией и меньшевиками на пути освобождения грузинского народа от гнета царизма и других эксплуататоров. Предполагается, что необходимым условием возобновления движения к цели, общей для всех народов бывшей Российской империи, является устранение этого препятствия и победа советской власти, что и происходит

¹³ Там же, стр. 206-207.

¹⁴ М. Вачнадзе и В. Гурули (2002 г.). *История Грузии. 11 класс*. Артануджи: Тбилиси; М. Вачнадзе, В. Гурули и М. Бахтадзе (1999 г.). *История Грузии. 10 класс*. Тбилиси; Г. Анчабадзе, Г. Гамкрелидзе, М. Сургуладзе и Д. Швелидзе (2008 г.). *История Грузии. 9 класс*. Логос пресс: Тбилиси; Н. Ахметели (2009 г.). *История Грузии. 9 класс*. Диогене: Тбилиси; Н. Ахметели и Д. Лорткипанидзе (2008 г.). *История Грузии. 9 класс*. Диогене: Тбилиси; З. Кикнадзе, Л. Патаридзе, М. Сургуладзе и Т. Узунашвили (2006 г.). *История. 10 класс*. Логос пресс: Тбилиси.

при содействии Красной армии, которая «помогла трудящимся Грузии» «освободиться от буржуазно-феодалного националистского правительства».¹⁵ В этом контексте легитимность действий правительства Советской России, пославшего в соседнее государство подразделения своей армии, не может быть поставлена под вопрос.

- Опора на бинарную оппозицию «хорошее/правильное» (соответствующее «истинным интересам народа») и «плохое/ложное» (этим интересам «враждебное»), что ведет к упрощению как видения исторической реальности, так и языка ее описания. Формируется набор клише, кочующих из учебника в учебник. Например, «Залп крейсера “Аврора” известил весь мир о наступлении новой эпохи»; «Октябрьская революция вывела страну на широкий путь социалистического строительства и нанесла смертельный удар капиталистическому миру»; «Дрожащие от страха контрреволюционеры скрывали от трудящихся масс истинное содержание революции»; «Пламя революции охватило все Закавказье», «Сформировался блок буржуазно-националистических партий и имущих классов, который вдохновляли и поддерживали западные империалисты», «Советы осуществляли жизненные потребности трудящихся» и др.¹⁶ Многократное повторение этих языковых штампов, лишенных конкретного содержания и блокирующих критическую рефлексию, формировало у учащихся упрощенное, авторитарное мышление, основанное на некритическом принятии предлагаемой точки зрения и отказе от вопросов об альтернативных интерпретациях.
- Наличие табуированных тем, сознательно исключаемых из исторического повествования. Различные, не укладывающиеся в советскую схему, аспекты становления и падения Грузинской Демократической Республики (1918-1921 гг.), история грузинской церкви, антисоветские выступления и репрессии советского периода и др. не находили отражения ни в учебниках, ни в других «местах памяти» (термин Пьера Нора¹⁷). Государственная политика памяти была направлена на их вычеркивание.

Советский исторический нарратив был столь же противоречив, как и советская национальная политика:¹⁸ следование марксистской логике и риторике историописания

15 Н. Бердзенишвили (ред.) (1962 г.). *История Грузии. Т.2. Учебное пособие*. Сабчота Сакартвело: Тбилиси, стр. 358.

16 Там же, стр. 358.

17 P. Nora (П. Нора) (1989 г.). 'Between Memory and History: Les lieux de mémoire' (Между памятью и историей: Места памяти), в *Representations* (Репрезентации), 26, Spring, стр. 7-24.

18 Основное противоречие советской национальной политики, по мнению Алексея Миллера, состояло в том, что она опиралась на два взаимоисключающих принципа: с одной стороны, внедрялся русский язык и общесоветская культура, с другой – активно поддерживались различные формы фиксации национальной принадлежности индивида (A. Miller (А. Миллер) (2008 г.). *The Romanov Empire and Nationalism. Essays in the Methodology of Historical Research* (Империя Романовых и национализм. Очерки по методологии исторических исследований). CEU Press: Budapest, New York, стр. 61). Все советские народы объявлялись «равноправными», но на практике они были разделены на иерархически соотнесенные категории («нация», «национальность», «народ», «народность»). В зависимости от того, к какой из этих категорий была отнесена конкретная группа, она обретала тот или иной административно-территориальный статус и соответствующий этому статусу ассортимент прав и обязанностей. «Нация» получала право на образование «своей» союзной республики и становилась в ней титульной нацией; «национальность» получала право на образование «своей» автономной республики или области в составе союзной республики; «народы» могли образовать «свои» автономные округа – еще более мелкую административную единицу. При этом не существовало ни четких критериев отнесения группы к той или другой категории, ни внятных критериев проведения территориальных границ внутри СССР.

комбинировалось с пропагандой национальных особенностей.¹⁹ В частности, советский учебник истории Грузии (как и аналогичные учебники в других союзных республиках), продвигая идею существования универсальных законов истории (запечатленных в формационном подходе), иллюстрировал их действие примерами из жизни титульной нации и оказывался, преимущественно, учебником истории грузин.

В советских версиях национальных историй воспроизводилась (в уменьшенном масштабе) модель истории СССР. Если общесоветская история сводилась, в основном, к истории России (упоминания фактов истории союзных республик были немногочисленны и были призваны, скорее, иллюстрировать общие тезисы), то в историях республик внимание фокусировалось на истории титульного народа, фрагментарно упоминались (или вовсе не упоминались) имена национальных автономий в составе республики и/или народов, проживавших на их территориях.

Так же, как в истории СССР, сообщения о событиях в отдельных республиках были призваны проиллюстрировать размах революционной борьбы, масштабы социалистического строительства и т.п. Упоминания автономий в составе Грузии возникают в текстах к урокам, посвященным революционной борьбе трудящихся Грузии, отдельным вопросам социальной и экономической истории и культуры: «В марте 1918 года пламя восстания охватило Южную Осетию»,²⁰ «4 марта (1921 года) советская власть победила в Абхазии, 5 марта – в Южной Осетии»²¹ и т.п.

В условиях государственной монополии на производство *истины* и на контроль публичного языка санкционированный государством официальный исторический нарратив (в его общесоветской и республиканских версиях) распространялся беспрепятственно. Его воспроизводству служили различные «места памяти» – государственные музеи, мемориалы, праздники, символика и др. Но, по замечанию Стивена Джонса, советское государство само же способствовало усилению контр-нарративов, поддерживая средства их пропаганды – национальную литературу, фольклорные группы, этнографические музеи.²² Советская политика косвенно стимулировала рост национального самосознания и естественного интереса нации к историческим корням.²³

19 S. Berger (С. Бергер) (2009 г.). *Указ. соч.*, стр. 31.

20 В. Гучуа и Ш. Мехиа (1968 г.). *Указ. соч.*, стр. 247.

21 Там же, стр. 254.

22 S. Jones (С. Джонс) (1994 г.). *Указ. соч.*, стр. 149-150.

23 S. Jones (С. Джонс) (1992 г.). 'Georgia: the Long Battle for Independence' (Грузия: длительная борьба за независимость) в М. Rezun (М. Резун) (ред.) (1992 г.). *Nationalism and the Breakup of an Empire: Russia and its Periphery* (Национализм и распад империи: Россия и ее периферия). Praeger Press: Westport, стр. 73.

Когда «новое будущее требует другого прошлого» – постсоветский период

Известно, что в авторитарных обществах групповая солидарность, опирающаяся на этническую/национальную идентичность, оказавшись под угрозой, получает новый импульс возрождения. «Эмоциональный потенциал национальной истории в этих обществах остается сравнительно высоким».²⁴ Процессы дезинтеграции СССР актуализировали этот потенциал. Возрождение национального самосознания в период «перестройки» сопровождалось ростом интереса к неизвестным (замалчиваемым прежде) фактам отечественной истории. По словам Бернарда Льюиса, новое будущее требовало другого прошлого.

Переосмысление истории характерно для всех транзитных обществ, которые, в поиске ответов на вызовы современности, обращаются к опыту прошлого. После распада Советского Союза в Грузии, как и на всем постсоветском пространстве, началась деконструкция и реконструкция истории, в ходе которых предполагалось заполнить «белые пятна» и восстановить «истинную историю». В этом контексте главной задачей грузинской историографии являлась ее деидеологизация. Речь шла, прежде всего, о снятии методологических запретов и становлении методологического плюрализма. Однако на этом пути возникло множество препятствий. Традиционный монометодологический подход облегчал историку задачу, вооружая его «единственно возможным» и универсальным подходом к интерпретации фактов и событий. Отказывались от такого «удобства» неохотно. В результате, как отмечают исследователи, вместо деидеологизации, произошла замена советской идеологии менее квалифицированным или парапатриотическим нарративом.²⁵ Одна «правильная» история, в которой все рассматривалось с позиций классовой борьбы, была заменена другой «истинной» историей, события которой описывались исключительно с «грузинских позиций».²⁶ В соответствии с привычной логикой, «историческая истина» была воплощена в «единственно верной» позитивистской версии, где роль главного субъекта истории от «многонационального рабочего класса» перешла к «грузинскому народу».

24 S. Velychenko (С. Величенко) (1994 г.). Указ. соч., стр. 17.

25 O. Reisner (О. Рейснер) (1998 г.). 'What Can and Should We Learn from Georgian History? Observations of Someone who was Trained in the Western Tradition of Science' (Что можно и следует усвоить из истории Грузии? Наблюдения за тем, кто обучен в западных научных традициях), в *Internationale Schulbuchforschung (Международный анализ школьных учебников)*, № 20, стр. 414.

26 I. Gundare (И. Гундар) (2007 г.). 'The Teaching of History in Georgia. With Special Focus on the Armenian and Azeri Minorities and Their Representation in Georgian History Textbooks' (Преподавание истории в Грузии. С концентрацией внимания на армянских и азербайджанских меньшинствах и их представлении в грузинских учебниках истории), в Cimeria (2007 г.). *History Teaching in Georgia: Representation of Minorities in Georgian History Textbooks* (Преподавание истории в Грузии: представление меньшинств в грузинских учебниках истории). Cimeria: Geneva, стр. 24.

При сравнении большинства историографических текстов 1990-х годов²⁷ с восьмитомным изданием «Очерков истории Грузии», выпущенным в 1970-е годы,²⁸ можно обнаружить несколько изменений: (i) исчезли цитаты классиков марксизма-ленинизма, обязательные для исторических исследований советского времени; (ii) существенно изменились разделы, в которых изложена история XIX и XX веков; (iii) табуированные ранее темы (антисоветские выступления 1920-х гг., репрессии 1930-х и др.) актуализированы и представлены внушительным объемом документального материала; (iv) произошла смена акцентов. В «Очерках» акцент был сделан на исторически враждебном политическом окружении и постоянной угрозе физического уничтожения грузинского народа. Россия рассматривалась как надежный единоверный союзник, добровольное присоединение к которому позволило избежать худшего развития событий. Аналогичным образом оценивалось и вступление в «семью советских народов». В 1990-х гг. фокус внимания смещается на опасность потери национальной идентичности. Россия и ее преемник – советское государство – превращаются в колонизатора, чье присутствие представляет серьезную опасность для Грузинского народа и его культуры.

Новая история Грузии рождалась не только в академических кабинетах, но также в публичных выступлениях лидеров национального движения, в статьях журналистов, писавших о «белых пятнах истории», в художественных произведениях, описывающих события прошлого, и т.п. Например, имя одного из лидеров антисоветского восстания 1924 года Каихосро Чолокашвили стало активно звучать на митингах конца 1980-х годов, его портреты появлялись рядом с государственным флагом Грузинской Демократической Республики. Тогда это имя мало кому было известно, но популярность Чолокашвили росла изо дня в день. Вскоре он занял место в пантеоне национальных героев, представленных в школьных учебниках истории.

С середины 1980-х годов история Грузии была выделена в программах общеобразовательных школ и вузов Грузии в самостоятельную дисциплину, с четко определенным содержанием, местом в учебной программе и часами на ее изучение. Но до 1991 года ее продолжали преподавать параллельно с Историей СССР и советской версией мировой истории. После обретения Грузией независимости было создано несколько новых учебников, выдержанных в духе позитивистской историографии, наполненных фактами и героической риторикой. Авторы – университетские профессора истории – создали сложные, переполненные именами/фактами и непривлекательные для учащихся тексты.²⁹ Это касается, в первую очередь, истории XIX–XX веков. Увлечение фактами можно объяснить несколькими причинами: с одной стороны, традицией позитивистской (в т.ч. советской) историографии и сложностью, а в ряде случаев и нежеланием овладеть

27 См. например, А. Бендианишвили (1999 г.). *История Грузии, 1801-1921*. Ганатлеба: Тбилиси; И. Антелава (ред.) (1996 г.). *История Грузии с древнейших времен до наших дней*. Тбилиси; Л. Саникидзе (1994 г.). *История Грузии: белый взгляд*. Самшобло: Тбилиси Р. Грдзелидзе (1995 г.). *История политических партий Грузии*. ТГУ: Тбилиси.

28 Г. Меликишвили (1970-1980 гг.). *Очерки истории Грузии*, в 8-ми томах. Сабчота сакартвело: Тбилиси.

29 I. Gundare (И. Гундар) (2007 г.). *Указ. соч.*, стр. 31.

новыми теориями и методологическими подходами; с другой – стремлением рассказать обо всех забытых героях и ранее замалчиваемых фактах, детально восстановить «историческую правду». Так в текстах появляются названия политических партий и имена лидеров начала XX века, детальное изложение истории первой независимой Республики, рассказ об антисоветских выступлениях 1920-х и репрессиях 1930-х годов, другие факты и имена. Часть этих имен «вернулась» в учебники,³⁰ другие появились в них впервые.³¹

Процесс переосмысления прошлого и поиск новых подходов к изложению истории происходил на фоне кровавых конфликтов, вспыхнувших в Грузии сразу после распада Советского Союза. Как известно, конфликтные ситуации часто создаются, поддерживаются и усугубляются в спорах вокруг интерпретации и оценок тех или иных исторических фактов. «Война историков» зачастую сопутствует, а иногда и предшествует вооруженным конфликтам. Стороны предлагают радикально различающиеся оценки событий, мотивов, устремлений и действий друг друга. Претендуя на обладание «исторической истиной», они обвиняют оппонента в подтасовках и искажении фактов, опираются при этом зачастую на мифы, стереотипы и предрассудки. Из памяти извлекаются старые обиды и недоразумения, актуализируется дискуссия о том, какой из народов, проживающих на той или иной территории, «более древний», «автохтонный» и «государствообразующий». Новые образы прошлого, направленные на «вспоминание» вражды и недоверия, включаются различными политическими деятелями в арсенал средств мобилизации масс. Конфликтная память берет верх над памятью об опыте мирного сосуществования.

Можно предположить, что в начале 1990-х годов этноцентризм и этнонационализм стали определенной стратегией адаптации к новой реальности. Многие титульные нации (в том числе в Грузии) сделали этот идеологический выбор.³² В учебниках истории Грузии появилась реинтерпретация отношений с абхазами и осетинами в 1918-1921 годах.³³ Если в учебниках советского периода все народы боролись против «буржуазно-националистского правительства», жестоко подавлявшего их законное стремление к свободе,³⁴ то в первом и

30 Например, имена Ноя Жордания и членов Учредительного Собрания и правительства Грузинской Демократической Республики, или имена руководителей большевистской партии (Буду Мдивани, Михаила Кахиани, Мамаи Орахелашвили и др.), осужденных как «национал-уклонисты», и др.

31 Например, Каихосро Чолокашвили и его соратники, генерал Георгий Мазниашвили, католикос-патриарх Амвросий Хелаиа и др.

32 R. G. Suny (Р.Дж. Сани) (2000 г.). 'Provisional Stabilities: The Politics of Identities in Post-Soviet Eurasia' (Временная стабильность: политика идентификации в постсоветской Евразии) , в *International Security* (Международная безопасность), XXIV, 3, стр. 159.

33 При изложении событий более раннего периода категории, обозначающие этнические меньшинства, проживающие в Грузии, редко упоминаются.

34 «Господство меньшевиков довело до катастрофы промышленность, сельское хозяйство и культуру страны. Тем временем советская Россия победоносно завершила гражданскую войну. 29 ноября советская власть была установлена в Армении. Большевистская Грузия оказалась окруженной советскими республиками. Это обстоятельство облегчило борьбу без трудящихся Грузии за установление советской власти. Революция созрела... Центральный комитет КП (б) Грузии принял постановление о вооруженном восстании. Восстание началось ночью 11 февраля 1921 года [...] 16 февраля был создан Революционный комитет. Он обратился за помощью к советской России, которая без замедления отправила части Красной армии в помощь трудящимся Грузии. 25 февраля восставшие и части Красной армии вступили в Тбилиси. Советская власть победила... 4 марта советская власть победила в Абхазии, 5 марта – в Южной Осетии, а 18 марта – в Аджарии» (В. Бучуа и Ш. Месхиа (1968 г.). *Указ. соч.*, стр. 253-254).

втором поколении постсоветских учебников абхазы и осетины восставали против законной власти Грузии, тем самым открывая путь Красной армии, установлению советской власти и оккупации Грузии.³⁵

В ходе борьбы за независимость идея особых прав «автохтонного населения» легла в основу различных политических манипуляций. Часть политических партий стала рассуждать о «не грузинах» как о «гостях на нашей земле». Представители национальных меньшинств были не менее радикальны, выдвигая претензии на «свои исторические земли» на территории Грузии. Версия истории, созданная титульной нацией – грузинами, противостояла версиям, созданным другими этническими группами, проживающими в Грузии. Появились взаимные обвинения в искажении «исторической правды».

Исторические нарративы и учебники первого постсоветского поколения, созданные в Грузии, обладают многими чертами, характерными для нарративов транзитных обществ:³⁶

- *Эссенциалистское видение национальной идентичности*, согласно которому она может быть объективно установлена по соответствию четким, стабильным, аутентичным маркерам.³⁷ В качестве таких маркеров грузинской идентичности принято выделять: территорию – «отчизну», представление о физических границах и об истории заселения которой питает идею автохтонности; религию (православие); грузинский язык. Эссенциалистски трактуемая «толерантность» также рассматривается как неизменная национальная черта грузин, всегда обеспечивавшая безопасное и спокойное проживание на территории Грузии разных этнических групп. В этом контексте национальные меньшинства, которые в ходе постсоветских конфликтов начали предъявлять претензии к грузинам, стали оценивать как «неблагодарные».
- *Этноцентристская версия национальной истории, принцип этнической и исторической территории и приоритета прав «автохтонного» населения*. После развала СССР разные

35 Главы, посвященные истории Грузинской Демократической Республики, содержат параграфы под названием «Борьба за территориальную целостность Грузии» (Ломашвили 1992 г.; М. Вачнадзе и В. Гурули (2000 г.). История Грузии (19-20-й века). 9-й класс. Артануджи: Тбилиси). В них рассказано о поддержке «абхазских и осетинских сепаратистов» Россией и Турцией. В частности, «[А]бхазские сепаратисты воспользовались тяжелым положением страны и усилили борьбу за отделение от Грузии... В октябре 1918 года, при поддержке добровольческой армии России, в Абхазии имела место попытка переворота, целью которой было отделение Абхазии от Грузии» (*Там же*, стр. 67). «Движение осетинских сепаратистов особенно активизировалось в 1920 году, когда российская Красная армия подступила к границам Кавказа. Россия начала осуществлять свои гегемонистские планы на Кавказе. В январе 1920 года Кавказский Комитет Компартии России призвал трудящихся региона к восстанию с целью установления советской власти... 6 мая ревком Южной Осетии, по указанию Кавказского Комитета, объявил о присоединении Южной Осетии к России, что представляло собой грубое нарушение территориальной целостности Грузии. Этот шаг был согласован с политическим руководством советской России» (*Там же*, стр. 68).

36 Различные варианты таких нарративов описаны в работах S. Koren (С. Корен) (2002 г.). 'Yugoslavia: a Look in the Broken Mirror. Who is the 'Other'?' (Югославия: взгляд в разбитое зеркало. Кто является «другим?»), в С. Koulouri (Х. Колори) (ред.) (2002 г.). *Указ. соч.*, стр. 193-202; С. Koulouri (Х. Колори) (2001 г.). *Introduction. The Tyranny of History. Teaching the History of Southeastern Europe* (Введение. Тирания истории. Преподавание истории Юго-Восточной Европы). В С. Koulouri (Х. Колори) (ред.). *Указ. соч.*, стр. 15-25; С. Koulouri (Х. Колори) (ред.) (2002 г.). *Указ. соч.*; D. Stojanovic (Д. Стоянович) (2001г.). *Указ. соч.*; К. Woodward (К. Вудворд) (ред.) (1997 г.). *Identity and Difference* (Сходство и различие). Sage Publications: New York.

37 K. Woodward (К. Вудворд) (ред.) (1997 г.). *Identity and Difference* (Сходство и различие). Sage Publications: New York, стр.11.

народы вступили в своеобразное «соревнование» за древность. В поиске более глубоких (чем у остальных) «(национальных) корней» они стали обнаруживать их в исторических периодах, когда ни «наций», ни «этносов» (в современном понимании) не существовало. Территориальная локализация «корней» приводила к спорам об «исконности» прав на определенные территории, интерпретации географических названий и этнонимов. В этом контексте ставились вопросы, ответ на которые могли быть увязаны с политическими и административными решениями, ущемляющими интересы оппонента. Являются *абазги* и *апишлы* предками грузин или абхазов? Абхазы – это этнические грузины, издревле населяющие территорию западной Грузии, или потомки «спускавшихся с гор племен» – *ансуа*? Если второе, то их претензии на «наши (грузинские) земли» безосновательны.

- *Эксклюзивный исторический нарратив*, в котором не оставалось места для «других»,³⁸ затруднял идентификацию роли этнических меньшинств в национальной истории, способствуя их маргинализации. Это стало серьезной проблемой для такой полиэтнической, многоконфессиональной страны как Грузия. Понадобилось время для осознания того факта, что не следует догматически придерживаться созданного в начале XX века мастер-нарратива, авторы которого решали совершенно иные задачи. Тогда Грузия не была независимым государством, а входила в состав Российской империи и стремилась обосновать свое право на независимость. Доказательство древности и самобытности грузинской истории предполагало отказ от позитивной (или нейтральной) оценки присутствия на территории Грузии российских колонизаторов, а также различных этнических групп. В то время этот нарратив был призван способствовать национальной консолидации как в горизонтальном (все части восточной и западной Грузии), так и вертикальном (все слои грузинского общества) измерениях. Но в конце XX столетия такой подход создал (наряду с другими факторами) серьезное препятствие на пути формирования демократического полиэтнического единого государства.
- *Ярко выраженная политическая ангажированность нарратива*. Пример тому – грузинская и абхазская версии истории, в которых находят отражение современные проблемы этих обществ. В случае Абхазии история становится основой для легитимации идеи самостоятельного, независимого от Грузии государства. В случае Грузии она призвана служить легитимации идеи единого, многонационального грузинского государства. Грузинская версия подчеркивает, что «Грузия – единственная родина абхазов», признает культурное и этническое своеобразие абхазского народа и его органическую включенность в общегрузинский исторический процесс. Абхазская версия утверждает, что грузины и их предки появились на территории Западной Грузии позже, чем предки абхазов, следовательно, у грузин нет никакого права считать территорию современной Абхазии «своей». На базе этих конфликтующих позиций создаются взаимоисключающие интерпретации одних и тех же событий и явлений.³⁹

38 С. Koulouri (Х. Колори) (ред.) (2001 г.). *Указ. соч.*, стр. 22.

39 К. Какителашвили (2010 г.). 'Реконструкция прошлого в абхазских и грузинских школьных учебниках по истории', в *Многоликая Клио: бои за историю на постсоветском пространстве*, Брауншвейг, стр. 75-98.

Опыт конфликтов 1990-х годов постепенно привел к осмыслению того, как следует преподавать историю Грузии и представлять место различных этнических групп в этой истории. С конца 1990-х годов в стране начинаются реформы в сфере образования. В 1997 году принят первый после провозглашения независимости Грузии Закон об образовании. На основе этого закона был разработан Национальный образовательный стандарт по истории Грузии и мировой истории, определивший принципы и цели преподавания этих дисциплин.

Авторы стандарта отмечали сильное влияние государственной идеологии на преподавание истории в прошлом, когда история использовалась как средство легитимации советского режима,⁴⁰ и пытались предложить новый подход, соответствующий политической ориентации постсоветской Грузии. Стандарт декларировал создание модели исторического образования, соответствующей полной демократизации страны и воспитанию у учащихся политической, культурной и религиозной толерантности.⁴¹ Ориентация на международные стандарты предполагала внедрение невозможного в советское время «плюралистско-альтернативного преподавания истории». Авторы обращали внимание на то, что изучение истории должно быть связано не только с приобретением знаний об исторических фактах, но и с развитием навыков самостоятельной работы с историческими источниками и критического мышления, умения ориентироваться в различных интерпретациях исторических фактов и событий.⁴²

Однако часть декларируемых во введении стандарта принципов не нашла отражения в его содержании. Он оставался ориентированным на освоение учащимися огромного массива фактического материала, изложенного в позитивистской традиции. В качестве единственной цели введения в образовательный процесс альтернативных точек зрения на события виделось утверждение *исторической истины*: «Могут существовать различные взгляды на один и тот же исторический факт, но лишь один из них представляет собой истину».⁴³ Такой подход не мог способствовать развитию самостоятельного и критического мышления. Форма представления фактов способствовала формированию восприятия национальной истории как «судьбы» и как легендарного рассказа о прошлом, которым следует гордиться. Как следствие, введение Стандарта 1997 года не привело к каким-либо заметным изменениям в форме преподавания истории или в содержании учебников. Учебники создавались теми же авторами, что и до 1997 года. Место формационного подхода заняла эклектичная смесь исторического материализма, теории локальных цивилизаций, элементов подхода школы Анналов и других мало осмысленных авторами теорий. В целом, первое и второе поколение постсоветских учебников истории можно различить лишь условно.

40 Министерство образования и науки Республики Грузия (1997 г.). *Национальный образовательный стандарт по истории Грузии*. Тбилиси, стр. 5.

41 Там же, стр. 5.

42 Там же, стр. 5.

43 Там же, стр. 31.

В 2004 году в Грузии были разработаны и приняты «Национальные цели общего образования», объявлявшие целью общего образования создание благоприятных условий для формирования свободной личности – носителя национальных и общечеловеческих ценностей, воспитание гражданского сознания, основанного на либеральных и демократических принципах. Большое внимание уделялось также развитию навыков взаимоуважения, взаимопонимания и взаимопознания. «Школа должна выработать у подростка уважение прав и достоинств человека, которым он воспользуется для защиты собственной и чужой самобытности».⁴⁴

В апреле 2005 года был принят новый закон об образовании, определивший цели государственной политики в этой сфере: обеспечение условий для формирования ученика как свободной личности с общечеловеческими ценностями, воспитание гражданского самосознания, уважения культурных различий.⁴⁵ Наряду с другими вопросами, закон предусматривал унификацию преподавания грузинского языка, истории и географии Грузии, а также и других социальных наук по всей стране.⁴⁶ Все эти дисциплины объединялись общей логикой и содержанием, а преподаванию государственного грузинского языка уделялось особое внимание. Были разработаны новые программы и созданы новые учебники по этим предметам.⁴⁷

Начиная с 2005 года созданные в соответствии с национальным стандартом учебники направляются в Центр национальных программ⁴⁸ для утверждения. Допускается грифование нескольких учебников для одного класса. Один из учебников, получивших одобрение, переводится на другие (названные в законе) языки преподавания: азербайджанский, армянский, русский. Школа имеет право выбрать учебник из списка одобренных Центром.

В 2010-2011 учебном году разработан новый учебный план по истории на 2011-2016 гг. и приняты новые критерии оценки учебников. Учителю дано право использовать в качестве дополнительного или вспомогательного материала учебники, не прошедшие процедуру грифования, если он/она считает, что учебник помогает достичь целей, изложенных в

44 Министерство образования и науки Республики Грузия (2004 г.). Национальные цели общего образования. Тбилиси.

45 Республика Грузия (2005 г.). Закон Грузии об общем образовании. Тбилиси.

46 До этого в регионах компактного проживания национальных меньшинств (Квемо Картли и Самцхе-Джавахети) история и география изучались по учебникам, созданным на этнической родине (в Азербайджане и Армении), а грузинский язык не преподавался.

47 В течение нескольких последующих лет были предприняты попытки интегрировать историю, географию и гражданское образование в единую дисциплину, преподаваемую в 7 и 8 классах, а историю Грузии – в мировую историю. Как показал опыт, такое объединение оказалось искусственным, механическим и непродуктивным, и Министерство образования и науки отказалось от этой идеи. Сегодня эти предметы преподаются раздельно.

48 С 2011 года он называется «Национальный центр развития качества образования».

Национальном учебном плане.⁴⁹ Основные принципы методики преподавания истории ориентируют на то, что «материал должен быть представлен со многих точек зрения. Это способствует формированию критического мышления, что необходимо для преодоления авто- и гетеростереотипов. Школа непременно должна способствовать разнообразию в учебных заведениях не только с учетом интересов учащихся, но и путем воспитания уважения религиозных, языковых, этнических различий».⁵⁰

От этнического к гражданскому национализму: достижения и проблемы

Можно выделить несколько заметных изменений, внесенных в содержание школьных учебников после 2005 года. В них представлена картина многонациональной и многоконфессиональной Грузии, сформировавшейся на протяжении веков усилиями всех населяющих ее народов. В отличие от дореформенных учебников, уделяющих основное внимание этнической идентичности, в новых учебниках акцент перенесен на формирование гражданского сознания. История в них представлена не как раз и навсегда установившееся повествование о прошлом, а как наука, связанная с интерпретацией. Изложенный в учебниках документальный материал позволяет ученику самостоятельно сопоставлять различные точки зрения, что способствует формированию сравнительного видения истории. Гораздо больше внимания уделяется контексту тех или иных событий – как региональному, так и мировому. Авторы стремятся к нейтральному описанию истории Грузии.

В учебниках уделяется немало внимания национальным меньшинствам современной Грузии. В учебнике для 8-го класса⁵¹ есть отдельный раздел «Национальные меньшинства в Грузии», в котором, кроме этнографических описаний различных групп, приведена карта под названием «Национальный состав населения Грузии»⁵² и упомянута статья 129 первой Конституции Грузии о гарантии обеспечения прав национальных меньшинств. Чуть ниже в тексте раздела указано, что аналогичные гарантии защиты прав всех граждан Грузии предоставляет Конституция 2005 г.⁵³ В учебнике для 9 класса помещена статья из Акта Независимости от 26 мая 1918 года, в которой упоминается «народ Грузии» (а не

49 Цели преподавания общественных наук определены следующим образом: а) Выработать у учащихся знание истории и географии; наряду с овладением информацией, это подразумевает развитие общих и специфических навыков, а также высоких нравственных ценностей; б) Помочь учащимся в восприятии мира в целом и определении места Грузии в мировых процессах; в) Способствовать воспитанию патриота и гражданина с высоким чувством ответственности (Министерство образования и науки Республики Грузия (2008 г.). *Национальный учебный план для общеобразовательных школ. 2008-2009 учебный год.* Тбилиси, стр. 21).

50 Там же, стр. 35.

51 Н. Элизбарашвили и др. (2007 г.). *История и география Грузии и мира. Гражданское образование. 8 класс.* Сакартвелос маце: Тбилиси.

52 Там же, стр. 149.

53 Там же, стр. 150.

«грузинский народ»⁵⁴). Все это отражает перемещение акцента с этнического на гражданский национализм, обозначившееся в политическом дискурсе концептом «многоэтнической грузинской нации».

В учебнике для 12 класса статья 129 первой Конституции приведена более подробно, в ней говорится, что «не допускается ущемление свободного социально-экономического и культурного развития какого-либо национального меньшинства Грузии»⁵⁵. Кроме этого, в учебнике процитирован фрагмент из обращения Верховного Совета Грузии к народам мира (1991 г.): «Мы не собираемся соперничать с каким-либо государством или же с национальной группой, проживающей в Грузии... Защита прав человека, гражданина, национальных меньшинств будет гарантирована в Грузии»⁵⁶.

Общеизвестно, что для формирования чувства единства и принадлежности к одному государству (гражданский/государственный национализм) важную роль играет общее прошлое. Как уже отмечалось выше, в дореформенных учебниках этнические меньшинства упоминались изредка, разве что в перечне, подтверждающем многонациональность страны и толерантность титульной нации к «гостям». В пореформенных учебниках сделан определенный шаг вперед: гораздо больше места отведено текстам, отражающим факт этнического, религиозного и культурного разнообразия Грузии и Кавказа в целом. Хотя изложение материала, представляющего общую судьбу и вклад отдельных народов, населяющих территорию Грузии, в ее историю, оставляет желать лучшего.

В учебниках третьего поколения (изданных после 2005 года) содержатся сообщения об участии представителей различных этнических групп в важных событиях истории страны, например, об участии борчалойских мусульман – муллы Замана, Вали-Али-Эмин оглы и Кадыма – в заговоре против российского режима в 1832 году; рассказ о героизме азербайджанца Хутия из Борчало в Аспиндзской битве в 1770 году⁵⁷. Но упоминание этих фактов не меняет общую картину. Предложенный учащимся материал представляет картину *проживания* этнических групп на территории Грузии, а не их *участия* в истории страны. Можно сказать, что национальные меньшинства в учебниках не представлены как интегрированная часть общества. Знакомство с предлагаемым материалом не создает у учеников, принадлежащих к этническим меньшинствам, чувства соучастия/включенности в историю грузинского государства. Некоторые исследователи отмечают, что появление в учебниках лишь отдельных, фрагментарных фактов, событий и имен, имеющих значение для конкретной этнической группы, может дать новый толчок маргинализации этой

54 Н. Ахметели (2009 г.). *Указ. соч.*, стр. 116.

55 Н. Ахметели и Н. Мургулиа (2008 г.). *История Грузии и мира. 12 класс*. Диогене: Тбилиси, стр. 90.

56 Там же, стр. 90.

57 Мотив гордости героизмом предков, боровшихся с иноземными захватчиками бок о бок с грузинами, звучал в интервью, которые мы брали у представителей меньшинств (в нашем случае – азербайджанцев) в ходе реализации проекта «Города – центры интеркультурного диалога на Южном Кавказе» (Проект осуществлен при поддержке ЮНЕСКО кафедрой межкультурного диалога Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили в 2008 году).

группы.⁵⁸ Поэтому процедура включения меньшинств в исторический нарратив должна быть хорошо продумана. Учебник должен отражать историю, созданную не «хозяевами» и «гостями», а согражданами, которых объединяет общее прошлое, общие ценности и общее будущее.

Если говорить о попытках преодоления последствий конфликтной памяти, то они кажутся более продуманными по отношению к «соседям»,⁵⁹ нежели к (воспринимаемым как часть Грузии) Абхазии и Южной Осетии. Объяснением тому может быть недавний горький опыт конфликтов. В изложении вопросов истории взаимоотношений грузин с абхазами и осетинами виден четкий отпечаток как конфликтной памяти и «войны историков», так и перенесенной оппонентами коллективной травмы.⁶⁰

Осетины представлены в современных учебниках истории Грузии как национальное меньшинство, группа, переселившаяся с Северного Кавказа столетия назад и гостеприимно встреченная грузинским обществом: «В X-XIII веках у них были тесные отношения с грузинским царством. В XIII-XIV веках осетины, теснимые монголами на Северном Кавказе, перемещаются в Грузию. В массовом порядке осетины расселяются в Грузии в XVII-XVIII веках и укрываются в грузинских селах. Грузинские феодалы приглашали их на работу в своих владениях как дешевую рабочую силу... [В XX веке] осетинам, как и всем национальностям, проживающим в Грузии, была предоставлена широкая возможность развития культурной жизни, собственного языка посредством национального театра, университета, школ».⁶¹

В отличие от осетин, абхазы не обозначаются как «национальное меньшинство». В одном из разделов учебника для 8 класса, озаглавленном «Многонациональный Кавказ», сказано: «Абхазы проживают на Южном Кавказе, в северо-западной части Грузии. Кроме грузин, Грузия считается родиной и абхазов. Абхазы называют себя “апсуа”, а страну – “Апсны”. В Грузии проживает около 94 тысячи абхазов. Малая часть проживает в Турции, куда они были переселены во второй половине XIX века по приказу российского императора».⁶² Другой учебник уточняет: «На территории Западной Грузии проживают абхазы, которые в

58 R. Stradling (Р. Стрэдлиг) (2003 г.). *Multiperspectivity in history teaching: a guide for teachers* (Мультиперспективность в преподавании истории: пособие для учителей). Council of Europe, стр. 10.

59 Исключение составляет Россия, на трансформацию образа которой большое влияние оказали напряженные грузино-российские отношения в постсоветский период, а после августовской войны 2008 года образ России – врага Грузии был поддержан различными местами памяти.

60 Известно, что коллективная травма поддерживает единство группы общим опытом, вместе с тем она делает настоящее чрезмерно зависимым от прошлого, образы которого постоянно оживают в памяти. Признание же травмы и ее разрушительных последствий является необходимым условием ее преодоления (P. Sztompka (П. Стомпка) (2004 г.). *The Trauma of Social Change: A case of Post Communist Societies* (Травма социальных изменений: пример посткоммунистических обществ). University of California Press: Berkley; N. J. Smelser (Смелзер) (2004 г.). *Psychological Trauma and Cultural Trauma* (Психологическая травма и культурная травма). University of California Press: Berkley; J. C. Alexander (Дж. С. Александр) (2004 г.). *Toward a Theory of Cultural Trauma* (К теории культурной травмы). University of California Press: Berkley).

61 Н. Элизбарашвили и др. (2007 г.). *Указ. соч.*, стр. 151.

62 Там же, стр. 122.

древнейшее время были расселены лишь в крайней северо-западной части (до Анакофии). Их язык – северо-западно кавказского (абазско-адыгейского) происхождения. Современные абхазы сформировались в результате слияния народов северо-западного Кавказа – черкесов, абазов, адыгейцев – с грузинским населением. В религиозном отношении абхазы – язычники, хотя абхазы Бзыпского ущелья испытывали влияние ислама, а Абжуйского – христианства. На протяжении веков абхазы вносили свой вклад в формирование грузинской культуры».⁶³

Для того, чтобы продемонстрировать различие в подходах к конструированию отношений между грузинами и абхазами в грузинских и абхазских учебниках, приведем примеры: «Абхазия (по абх. «Апсны»), страна, коренное население которой абхазы»,⁶⁴ – говорится во вступительном предложении абхазского учебника. «Что касается древнекартвельских племен, ... еще до начала I тыс. до н.э. [они] проживали в северо-восточных областях Малой Азии и лишь потом эти племена продвинулись ... в колхидскую экологическую нишу».⁶⁵ [В начале н.э.] «этнополитическая граница между древнеабхазскими и древнекартвельскими племенами (лазами) проходила примерно по р. Ингур. Такою она была и в VII-начале VIII вв., до образования Абхазского царства».⁶⁶

Как мы видим из приведенных цитат, грузинский нарратив, с одной стороны, отмечает различие между грузинами и абхазами, с другой стороны – подчеркивает включенность абхазов в общегрузинские процессы. По абхазскому учебнику, грузины являются главным «другим», в противопоставлении с которым формируется абхазская идентичность.

Можно сказать, что современные учебники истории, созданные учеными Грузии и Абхазии, являются наглядным примером контристорий, конфронтационных интерпретаций одних и тех же фактов и событий.⁶⁷ Рассмотрим примеры конфликтного изложения нескольких исторических сюжетов: создание и упадок единого грузинского государства (по грузинской версии)/царства абхазов и картлийцев (по абхазской) в X-XI веках; установление колониальной власти России; период существования Грузинской Демократической Республики в 1918-1921 гг.

Грузинские и абхазские учебники демонстрируют разное отношение к вопросу создания единого государства в X-XI вв. Это различие выражается в самом его наименовании: Грузинское государство (История Грузии) vs Царство абхазов и картлийцев (История Абхазии). В грузинских учебниках период существования этого государства рассматривается как время процветания и его история излагается подробно. В абхазском

63 В. Неидзе и др. (2007 г.). *История/География Грузии и мира. 8 класс*. Логос пресс: Тбилиси, стр. 47.

64 О. Бажба и С. Лакоба (2006 г.). *История Абхазии с древнейших времен до наших дней*. 10-11 классы. Министерство образования РА: Сухум, стр. 3.

65 Там же, стр. 6-7.

66 Там же, стр. 8.

67 Подробно о результатах сравнительного анализа изложения ключевых периодов и событий в учебниках истории Грузии и истории Абхазии см. в работе К.Какителашвили (Какителашвили (2010 г.). *Указ.соч.*).

учебнике тому же периоду отведено мало места и придается небольшое значение. В грузинской версии центральную роль в процессе объединения играет грузинский феодал Давид Курапалат (Багратиони).⁶⁸ В абхазской версии создание царства абхазов и картлийцев рассматривается как результат абхазской экспансии на Восток. Главная роль в этом приписывается дочери абхазского царя Гурандухт, которая была матерью первого царя единого государства Баграта: «Активная восточная политика Абхазского царства вела к присоединению большей части Западного и центрального Закавказья. Этот процесс завершился созданием царства абхазов и картлийцев [...] Гурандухт, дочь выдающего абхазского царя Георгия II, [...] умная и волевая женщина, по инициативе абхазского двора и верных ему феодалов впервые становится правительницей Картли. Затем она сыграла важную роль в становлении царства абхазов и картлийцев».⁶⁹

По грузинскому учебнику, с распадом единого грузинского государства в XV веке начинается период упадка. В абхазском учебнике тот же период оценивается как период сравнительно независимого существования абхазского княжества.⁷⁰

Согласно «Истории Абхазии», грузины сыграли решающую роль в установлении российской колониальной власти в Абхазии. Инициатором упразднения Абхазского княжества выступает мегрельская княгиня, «энергичная и властолюбивая» Нино Дадияни:⁷¹ «Нино Дадияни, поддерживая царскую власть, преследовала не столько российские, сколько свои личные интересы, хорошо понимая стратегическое и торговое значение Абхазии [...] “Просительные пункты” Сефербея о принятии Абхазии в подданство России [...] были составлены на грузинском языке в Мегрелии под диктовку Нино Дадияни и ее духовника протоиерея Иоселиани».⁷² Согласно этой версии истории, грузины больше всех воспользовались результатами царской политики «Абхазия без абхазов»: «Грузино-мегрелы, сыгравшие тогда роль казачества, оказались в привилегированном положении благодаря своему участию на стороне царской России в войне против народов Кавказа, в том числе и абхазов [...] Без всякого сомнения можно сказать, что плодами русской военной победы в Абхазии [...] в полной мере воспользовалась зависимая Грузия».⁷³ У читающего учебник создается впечатление, что в период российского господства абхазы страдали больше от грузин, чем от российских колонизаторов: «В конце 60-х – начале 70-х гг. видные представители [грузинской] интеллигенции призывают свой народ осваивать опустевшие в результате махаджирства абхазские земли [...] В этот период в Грузии начинает формироваться имперское сознание, а народу внушают мысль о его исключительности и особенной роли на Кавказе [...] Грузинское духовенство навязывало абхазскому населению

68 «Когда в Абхазском царстве возросла междоусобица, Давид Курапалат ... провозгласил царевича Баграта правителем Картли. В 978 г., также с согласия и поддержки Давида, абхазские феодалы короновали Баграта в Кутаиси» (Г. Анчабадзе, Г. Гамкрелидзе, М. Сургуладзе и Д. Швелидзе (2008 г.). *Указ. соч.*, стр. 158).

69 О. Бгажба и С. Лакоба (2006 г.). *Указ. соч.*, стр. 157.

70 Там же, стр. 175.

71 На самом деле княгиню звали Екатериной, в учебнике ее имя названо неправильно.

72 Там же, стр. 217.

73 Там же, стр. 263.

непонятное грузинское богослужение⁷⁴ и грузинский язык, а многие абхазские фамилии мегрельскими священниками записывались на грузинский лад».⁷⁵ Создается впечатление, что Грузия проводила совершенно независимую от России (антиабхазскую) политику.

Авторы грузинского учебника указывают на то, что произведенное царским правительством упразднение Абхазского княжества не было частью какого-то специального, направленного именно против Абхазии, плана: «Абхазия разделила участь остальных грузинских царств и княжеств».⁷⁶ Абхазия представлена как часть общегрузинского пространства, пережившая те же притеснения со стороны общего противника (Российской империи), что и другие части Грузии. Если в абхазской версии истории главным (враждебно настроенным) «другим» видится Грузия, то в грузинской версии в этой роли выступает Россия/СССР.

Период 1917-1921 гг. в учебниках обеих сторон оценивается как период восстановления и утраты собственной независимой государственности. В абхазском учебнике Грузия выступает как главный противник, оккупант независимой Абхазии. Одна из глав этого учебника озаглавлена «Абхазия – не Грузия», в ней подробно описана «оккупация Абхазии войсками грузинского правительства».⁷⁷ В грузинском учебнике речь идет о борьбе за территориальную целостность Грузии, против большевистской России и генерала Деникина. Этот период рассмотрен сквозь призму грузино-российского конфликта, а не грузино-абхазских отношений.⁷⁸ При этом установление советской власти рассматривается как продолжение российской колониальной политики.

Абхазский учебник оценивает политику грузинского правительства в 1918-1921 гг. как «шовинистскую».⁷⁹ Грузинские авторы делают упор на гарантиях, предоставленных правительством Грузинской Демократической Республики этническим/национальным меньшинствам, проживавшим на ее территории: «Правительство Грузии особое внимание уделяло защите прав этнических меньшинств».⁸⁰

В грузинском учебнике установление советской власти связано с потерей Грузией независимости. В абхазском тот же факт ассоциируется с «освобождением от грузинской оккупации и восстановлением независимости Абхазии». Но отмечается, что за коротким периодом реальной независимости снова следует грузинская оккупация; если прежде Грузия пользовалась режимом колониального господства России для того, чтобы угнетать абхазов, то теперь с той же целью она использует советскую власть.

74 Следует отметить, что в 1811 году Российская империя упразднила автокефалию грузинской церкви, и с тех пор до восстановления автокефалии в 1917 году богослужение велось на русском языке.

75 Там же, стр. 264.

76 Г. Анчабадзе, Г. Гамакредидзе, М. Сургуладзе и Д. Швелидзе (2008 г.). Указ. соч., стр. 305.

77 О. Бгажба и С. Лакоба (2006 г.). Указ. соч., стр. 307-317.

78 Г. Анчабадзе, Г. Гамакредидзе, М. Сургуладзе и Д. Швелидзе (2008 г.). Указ. соч., стр. 383.

79 О. Бгажба и С. Лакоба (2006 г.). Указ. соч., стр. 336.

80 Г. Анчабадзе, Г. Гамакредидзе, М. Сургуладзе и Д. Швелидзе (2008 г.). Указ. соч., стр. 386.

И абхазский, и грузинский учебники считают, что абхазско-грузинские противоречия в советский период не носили этнического характера, и в ухудшении ситуации оба обвиняют правительство, но в абхазской версии это «грузинское правительство», а в грузинской – носящий этнического признака «коммунистический режим».⁸¹

Заключение

После распада Советского Союза в Грузии, как и на всем постсоциалистическом пространстве, начался процесс переосмысления прошлого, что нашло отражение как в мастер-нарративе, так и в созданных на его основе учебниках истории. В процессе становления новых подходов к написанию истории Грузии можно выделить несколько этапов. В контексте борьбы за независимость и этнонационализма начала 1990-х годов история приобрела ярко этноцентрический характер. В ней отразились конфликты начала 1990-х, которые готовились и сопровождалась «войнами памяти и историй». Тот же опыт конфликтов заставил историков, политиков и педагогов задуматься о необходимости выработки новых подходов к преподаванию истории в многонациональной, поликультурной и многоконфессиональной стране. Однако в содержании учебников второго поколения (изданных после принятия Закона об образовании и Национального образовательного стандарта 1997 года) задача смены парадигм преподавания решена не была. Значительный шаг вперед по пути к преодолению конфликтной памяти, утверждению мультиперспективного подхода и отражению участия различных этнических групп в истории страны сделан в учебниках, созданных на основе нового Закона об общем образовании (2005 г.). В них акцент перенесен на формирование гражданского сознания; история представлена как наука, связанная с интерпретацией; форма подачи материала способствует формированию сравнительного видения истории.

С текущего учебного года в 7-12 классы общеобразовательных школ поступили новые учебники истории, грифованные в 2012 году. Опыт, накопленный за прошедшие годы, дает основание предполагать, что четвертое поколение постсоветских учебников будет способствовать формированию гражданской идентичности и мирному развитию многонационального государства.

81 О. Бгажба и С. Лакоба (2006 г.). *Указ. соч.*, стр. 356-358; Г. Анчабадзе, Г. Гамкрелидзе, М. Сургуладзе и Д. Швелидзе (2008 г.). *Указ. соч.*, стр. 447.

ГЛАВА 4

Проблемы преподавания истории Южной Осетии XX века в школе

Мадина Бетева и Оксана Карпенко

Введение

Исторический дискурс играет заметную роль в процессах нациестроительства и в современных конфликтах на Южном Кавказе. Стремление найти «исторические корни», опереться на примеры «героической борьбы» для выработки «национальной идеи» и самоутверждения в рамках мирового сообщества зачастую рассматривается как «естественное и закономерное стремление» национальных государств.¹ Для нас представляет интерес, каким образом эти стремления реализуются в организации школьного исторического образования, в частности, в школьных учебниках истории.

Школьному учебнику (как советскому, так и постсоветскому), как правило, предъявляется нормативное требование быть инструментом трансляции «объективного и достоверного знания».² В 1980-х годах авторы «Истории Грузии» в качестве эпиграфа к введению выбирают слова известного грузинского историка И.А. Джавахишвили: «Необходимо, чтобы народ знал историю своей прошлой общественной жизни... Он, конечно, должен знать достоверную, правдивую историю, без всяких преувеличений и фальши!...».³ В 2008 году Президент РЮО Эдуард Кокойты, говоря о необходимости подготовки учебника по истории Южной Осетии на грузинском языке, поясняет, что заботится о «[Г]рузинском населении Южной Осетии», которое должно «иметь возможность объективного изучения истории».⁴ Как сообщает «Кавказский узел», по мнению Э. Кокойты сегодня «детям, живущим на принадлежавшей ранее Грузии территории, предлагают историю, по которой “Россия – оккупант”, а это неправильно».⁵ Преподавание истории в школах рассматривается как инструмент формирования «правильного образа» как России, так и Грузии. Что, в свою очередь, связано с претензией на «объективный» подход к осмыслению того, что происходило и происходит в современной Южной Осетии.

1 Д. А.Алимова (2009 г.). 'Состояние исторической науки и учебников истории в Узбекистане: противостояние идей или болезни роста?'. Сайт по адресу http://www.amudarya.net/fileadmin/_amudarya/bs/da.pdf

2 В сообществе исследователей эта точка зрения основательно пересмотрена за последние 10-15 лет. См.: С. Kolourí (ed) (С. Колори) (2002 г.). *Clio in the Balkans. The Politics of History Education*. (Клио на Балканах. Политика исторического образования). Center for Democracy and Reconciliation in Southeast Europe. Petros Th. Ballidis & Co.:Thessaloniki; С. Kolourí (ed) (С. Колори) (2001 г.) *Teaching the History of Southeastern Europe*. (Преподавание истории в Юго-Восточной Европе), Petros Th. Ballidis & Co.: Thessaloniki; H. Schissler (1987 г.). 'Perceptions of the Other and Discovery of the Self. What Pupils are Supposed to Learn about Each Other's Past' (Восприятие другого и открытие себя. Что, как предполагается, должны узнать ученики о прошлом друг друга) , in V.R. Verhahn & H. Schissler (eds) (В работе В.Р. Берхан и Х. Шисслер) (1988 г.) *Perceptions of History. International Textbook Research on Britain, Germany and the United States*. (Восприятие истории. Анализ учебников Британии, Германии и США), Berg Pub Ltd, pp. 26-37; D. Porat (Д. Порат) (2001 г.). 'A Contemporary Past: History Textbooks as Sites of National Memory' (Современное прошлое: учебники истории как хранилища национальной памяти), in A. Dickinson, P. Gordon & P. Lee (В работе А. Дикинсона, П. Гордона и П. Ли) (eds) (2001 г.). *International Review of History Teaching. Vol. 3. Raising Standards in History Education*. (Международный обзор преподавания истории. Том 3. Повышение стандартов преподавания истории), Woburn Press.

3 В. Луча и Ш. Мехиа (1987 г.). *История Грузии. Учебник для 7 -10 классов*. Тбилиси: «Ганатлеба», стр. 3.

4 'В РЮО разработают учебник по истории на грузинском языке', *Информационное агентство Рес*, 28 ноября 2011 г. Сайт по адресу <http://cominf.org/node/1166478777>

5 'Президент Южной Осетии просит Россию помочь издать учебник истории на грузинском языке', *Кавказский узел*, 21 июня 2009 г. Сайт по адресу <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/155676>

Для нас, как исследователей, очевидно, что не только в различные исторические периоды, но и параллельно могут существовать несколько (претендующих на объективность) версий одного и того же события, оценок мотивов и действий того или иного исторического лица и т.п. Признание государством одной из версий «правильной» и «достоверной» является результатом символической борьбы, важную роль в которой играют политики, ученые и авторы учебников.

Государственная общеобразовательная школа – важный институт социализации. Школьные дисциплины и обслуживающие их учебники предлагают набор знаний, тиражирование которых важно в контексте формирования индивидуального и коллективного мировоззрения жителей страны. Вместе с тем необходимо помнить, что утвержденный государством ассортимент таких знаний всегда зависит от разного рода политических, идеологических, административных и иных соображений. В данной работе рассматриваются некоторые аспекты формирования двух канонов исторического нарратива: советского и постсоветского (или современного). С нашей точки зрения, сравнительный анализ этих канонов позволит лучше понять, какого рода соображения управляют содержанием школьного исторического образования.

В ходе анализа мы сфокусировали внимание на освещении в советских и современных учебниках истории процессов советизации и образования осетинских автономий в составе союзных республик (Юго-Осетинской автономной области в составе Грузинской ССР и Северо-Осетинской автономной социалистической республики в составе РСФСР). Как отдельный сюжет в статье рассмотрен период существования Грузинской Демократической Республики (1918-1921 гг.). В ходе анализа мы задавались вопросами: Каким образом объясняется необходимость и легитимность создания осетинских автономий в 1920-х годах в советских и современных учебниках? Каким образом изложены отношения между союзной республикой и автономией в ее составе? Каким образом и в какой степени в текстах учебников по истории Осетии отражен переход от советского дискурса «дружбы народов» к преимущественному описанию конфликтов и противостояния между народами?

Интерпретация процесса формирования осетинских автономий, их взаимоотношений с Россией и/или Грузией во многом определяет оценку современного грузино-осетинского конфликта. Грузинская и осетинская стороны придерживаются принципиально различных оценок периода советизации, создания Юго-Осетинской автономии, роли и значения Грузинской Демократической Республики и т.п. Чтобы пояснить значимость анализа этих сюжетов для понимания грузино-осетинского конфликта, в следующем разделе мы приводим общее описание политического контекста.

От Юго-Осетинской автономной области к Республике Южная Осетия

Республика Южная Осетия к моменту распада СССР имела статус автономной области (ЮОАО) в составе Грузинской ССР⁶ и соседствовала с Северо-Осетинской автономной советской социалистической республикой (СОАССР) в составе РСФСР⁷ 10 ноября 1989 г. Совет народных депутатов ЮОАО в ходе чрезвычайной сессии принял решение о повышении статуса области до автономной республики и обратился в Верховный Совет ГССР с просьбой его утвердить.⁸ Необходимость смены статуса объяснялась обеспокоенностью депутатов возможными последствиями процессов национального строительства в Грузии и планами выхода этой республики из состава СССР. По их мнению, прежний административный статус в этом контексте не обеспечивал ЮОАО должной правовой защиты.⁹

Президиум Верховного Совета Грузинской ССР на соответствующую просьбу ответил отказом, а в июне 1990 г. были признаны незаконными все правовые акты ГССР и договоры, заключенные после февраля 1921 г.¹⁰ Это коснулось и решения об учреждении ЮОАО в 1922 году. Теперь это событие рассматривалось грузинской стороной как акт, совершенный «против воли коренного грузинского населения и в ущерб интересам Грузии».¹¹ По мнению депутатов Верховного Совета ГССР, «осетинский народ имеет собственную государственность на территории СССР» и «во второй на территории Грузии не нуждается».¹² Кроме того было указано, что «на территории Южной Осетии проживает только малая часть проживающих в Грузии осетин».¹³

В ответ на упразднение ЮОАО в Цхинвале в сентябре 1990 г. объявляют о преобразовании ее (ЮОАО) в Юго-Осетинскую Советскую Демократическую Республику,¹⁴ а затем (в

6 Юго-Осетинская автономная область (ЮОАО) образована декретом Всегрузинского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Советом Народных Комиссаров ССР Грузии 22 апреля 1922 г.

7 Северо-Осетинская автономная область была образована 7 июля 1924 года из Осетинского национального округа упраздненной Горской АССР.

8 Решение чрезвычайной XII сессии Совета народных депутатов Юго-Осетинской автономной области двадцатого созыва о повышении статуса Юго-Осетинской автономной области //Южная Осетия – навеки с Россией! (В. С. Чижевский (ред.) (2004 г.). *Историко-правовое обоснование вхождения Республики Южная Осетия в состав России. Сборник документов и материалов.* Москва: Институт национальной стратегии реформ, стр. 24.)

9 Ф. Маргиева (ред.) (1989 г.). *Меморандум к переговорам с Республикой Грузия, принятый на Президиуме Верховного Совета Республики Южная Осетия.* Отдел рукописного фонда Северо-Осетинского института социальных и гуманитарных исследований: А. Г. Оп. 1, д. 26, стр. 263.

10 Постановление Верховного Совета ГССР о внесении дополнений в Постановление Верховного Совета ГССР от 9 марта 1990 г. о гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии (М.А. Волхонский, В.А. Захаров и Н.Ю. Силаев (ред.) (2008 г.). *Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989 – 2004 гг.* Москва, стр. 26-27).

11 Закон Республики Грузия об упразднении Юго-Осетинской автономной области// Южная Осетия – навеки с Россией! (В.С. Чижевский (ред.) (2004 г.). *Указ. соч.*, стр. 51-52).

12 Там же.стр. 3.

13 Там же. стр. 4

14 *Советская Осетия*, 22 сентября 1990 г., № 180.

декабре 1991 г.) провозглашают независимую Республику Южная Осетия. 29 мая 1992 г. сессия Верховного Совета принимает «Акт о независимости Республики Южная Осетия».¹⁵ В этом акте предлагается рассматривать объявление независимости как вынужденное, принятое в ситуации «смертельной опасности, нависшей над Республикой Южная Осетия, в связи со злодеяниями, поставившими на грань вымирания ее народ и культуру, геноцидом осетин, с жестокостью и вероломством, осуществляемым Республикой Грузия в процессе распада СССР в 1989-1992 гг.»¹⁶ Совет народных депутатов ЮОАО рассматривает нежелание Грузии признать новый статус Южной Осетии как попытку правительства Грузии «изгнать [осетин] за пределы Грузии».¹⁷ Грузинская сторона восприняла объявление независимости как акт «сепаратизма и узурпации государственной власти».¹⁸ В настоящее время споры о легитимности объявления независимости Южной Осетии продолжаются, в том числе в форме вооруженного противостояния. На сегодня Республика Южная Осетия признана шестью государствами.¹⁹

Обе стороны грузино-осетинского конфликта, началом которого принято считать 1989 год, для доказательства своей правоты приводят различные исторические аргументы и переосмысливают опыт пребывания в составе СССР. Одни авторы обвиняют в возникшем конфликте «грузинских интеллектуалов и политиков», которые «воспринимают осетин как “гостей” на грузинской земле», а в югоосетинской автономии видят угрозу целостности Грузии.²⁰ Другие отстаивали тезис об «исконности прав осетин на занимаемые земли» и упрекали руководство ГССР «в недостаточном внимании к социально-экономическому развитию ЮОАО».²¹ Их оппоненты, в свою очередь, утверждали, что территория Южной Осетии – «исконные грузинские земли».²² В следующем разделе мы рассмотрим, как в этом контексте осмысливается роль и содержание школьных учебников.

От «Истории Грузии» к «Истории (Южной) Осетии»

До 1990 года во всех без исключения школах Юго-Осетинской Автономной области преподавалась история Грузии и использовался учебник «История Грузии» В. Гучуа

15 Акт провозглашения независимости Республики Южная Осетия (М.А. Волхонский, В.А. Захаров и Н.Ю. Силаев (ред.) (2008 г.). Указ. соч., стр. 210).

16 Там же. стр. 1.

17 Декларация о независимости Республики Южная Осетия (М.А. Волхонский, В.А. Захаров и Н.Ю. Силаев (ред.) (2008 г.). Указ. соч., стр. 203).

18 «... сепаратистские силы в Юго-Осетинской автономной области пытаются узурпировать государственную власть, [...] отторгнуть от Грузии ее историческую, неотъемлемую часть вопреки желаниям проживающего в этом регионе коренного грузинского населения и в ущерб интересам всей Грузии» (В.С. Чижевский (ред.) (2004 г.). Указ. соч., стр. 51-52).

19 В их числе: Российская Федерация, Никарагуа, Венесуэла, Науру, Вануату, Тувалу.

20 В.А. Захаров и А. Г. Арешев (2008 г.). *Признание независимости Южной Осетии и Абхазии*. Москва, стр. 84.

21 З.Н. Ванеев, В.Д. Цховребов, П.В. Догузов, Ю.С. Гаглойти, Л.А. Чибиров и др.

22 М. Лордкипанидзе, Д. Гвасалия, М. Гаприндашвили и др.

и Ш. Месхиа.²³ История Южной Осетии как самостоятельная учебная дисциплина не существовала, хотя, как указывает Л.А. Чибиров, с начала 1980-х годов Областной отдел народного образования Юго-Осетинской автономной области планировал ввести такой курс и издать учебник.²⁴ Создание учебника было поручено группе историков во главе с Ю.С. Гаглойты, его издание несколько лет подряд включалось в планы осетинского издательства «Ирыстон»,²⁵ но учебник так и не появился на свет.²⁶

Во второй половине 1980-х годов за создание учебника «История южных осетин» взялся коллектив авторов, состоявший из докторов исторических наук Л.А. Чибирова и Г.Д. Тогошвили, а также кандидатов исторических наук М.К. Джиоева и К.П. Пухаева. К 1989 году учебник был подписан к печати, в 1990-м году издан тиражом 15000 экз., и лишь в 1992 году появился в школах Южной Осетии.

Можно предположить, что само обсуждение идеи создания учебника «История южных осетин» в 1980-1990-х годах стало возможно на новой волне краеведческого движения, целью которого было возрождение живого интереса к истории «родного края».²⁷ В этом контексте усвоение знаний об истории «своего края и народа» рассматривается как необходимый компонент советского патриотического воспитания. Например, авторы учебника «История южных осетин» определяют «патриотизм», связывая знание «истории своего народа» с пониманием «истории всей нашей страны»:

«Невозможно быть патриотом, не зная истории своего народа. Знание истории родного края помогает глубже понять и осмыслить историю всей нашей страны, ведь хорошо известно, что любовь к Родине воспитывается отношением к своему краю. Вот почему с таким воодушевлением было встречено введение истории Осетии как специального предмета для учащихся общеобразовательных школ автономной области.»²⁸

Как мы покажем ниже, учебник 1990 года остался вполне советским, все «острые углы», которые, по словам одного из авторов учебника, присутствовали в варианте учебника, поданном на согласование, были сглажены по мере прохождения текста по инстанциям Министерства образования ГССР. В частности, по словам Л.А. Чибирова, в окончательный вариант учебника не попали новые материалы по Грузинской Демократической Республике 1918 г. и образованию осетинских автономий в 1920-х годах XX века.²⁹

23 В. Гуча и Ш. Месхиа (1987 г.). Указ. соч. Учебник был утвержден Министерством Просвещения ГССР. Тираж издания – 30 тыс. экз. Перевод на русский язык осуществлен И. Лолуа и К. Ломашвили.

24 Л.А. Чибиров (2004 г.). О времени, о людях, о себе. Владикавказ, стр. 46.

25 *Южная Осетия*, 4 июня 1992 г., № 44.

26 По словам Ю.С. Гаглойты это произошло «в связи с нехваткой времени» на него. Можно предположить, что существовали и другие причины задержки (административного или идеологического плана).

27 Б. Гладарев, О.Карпенко, Ж. Цинман и Е. Чикадзе (2004 г.). *Краеведение и гражданское общество: социологические наблюдения*. Звезда: СПб, стр. 9-104.

28 Л.А. Чибиров, Г.Д. Тогошвили, М.К. Джиоев и К.П. Пухаев (1990 г.). *История южных осетин*. Цхинвал, стр. 3.

29 Интервью с Л.А. Чибировым. Владикавказ, 19 ноября 2012 г.

Вокруг учебника «История южных осетин» развернулась общественная дискуссия. Ряд параграфов («Происхождение осетинского народа», «Скифы и сарматы», «Алания в X-XII вв.») был опубликован для широкого обсуждения на страницах газеты «Вестник Южной Осетии».³⁰ Многие школьники и их родители в начале 1990-х с удивлением обнаружили, что народ, к которому они принадлежат, имеет свою историю «с глубоко уходящими в древность корнями».

Учебник был в целом одобрен широким кругом ученых Южной и Северной Осетии,³¹ а также школьными учителями.³² Вместе с тем, по словам одного из авторов (Л.А. Чибирова), учебнику было предъявлено множество претензий, как с грузинской, так и с осетинской стороны. Сторонники набравшего силу грузинского национализма, требующего для Грузии независимости (от СССР) и нуждавшегося в продвижении идеи общности «грузинского народа», полагали, что такой учебник не нужен³³ и опасен, ибо «способствует сепаратизму». Авторы соответствующих рецензий указывали, что «не существует никакого южноосетинского народа, есть только осетины Грузии»³⁴; «малочисленность осетин не позволяет называть их народом»;³⁵ на территории Грузии в XIX веке никакой Южной Осетии не было³⁶ и никто «не пользовался понятиями «южные осетины» до XVII-XIX веков включительно, а понятием «Южная Осетия» – до образования автономии в 1922 году»³⁷ и т.п. Исходя из этого, предъявляют массу замечаний топонимического характера,³⁸ а в таких выражениях как «совместное выступление грузинского и осетинского народов» усматривают «оскорбление национального достоинства грузин».³⁹ Л.А. Чибиров так резюмирует претензии «грузинской стороны»:

«[Р]ецензенты все проанализированные предположения делают в угоду основному посылу – нет Южной Осетии, нет южной ветви осетинского народа; есть всего лишь осетинские переселенцы на грузинской земле. Отрицание исторического прошлого и национального самосознания осетин, снисходительно-пренебрежительное отношение к осетинам – такова основная мысль рецензий грузинской стороны.»⁴⁰

30 *Вестник Южной Осетии*, 1991 г., № 43, 45; 1992 г., № 17, 19.

31 Ф. Гутнов (1992 г.). История южных осетин. Растдзинад, №5; Р. Кулумбегов (1992 г.). *История южных осетин*. Вестник Южной Осетии, №7; Г. Тедеты (1992 г.). *Доны каефаей аермы каесаг хуыздаер у* (Лучше мелкая рыбка в руках, чем осетр – в мечтах). Хурзаерин, №28.

32 Л.И. Джиоева, Т.С. Плиев и У.М. Нартикоев (1992 г.). Спасибо за учебник. Вестник Южной Осетии, №15.

33 Например, проф. М. Гаприндашвили в своей рецензии на рукопись учебника восклицает: «... кому, вообще, пришло в голову писать учебник по истории южных осетин и зачем он нужен?» (Рецензия хранится в личном архиве Л.А. Чибирова).

34 Там же.

35 Там же.

36 Рецензия проф. В. Ониани на рукопись учебника «История Южных осетин».1988 г. (Из личного архива Л.А. Чибирова).

37 Рецензия проф. Дж. Гвасалия на рукопись учебника «История Южных осетин».1989 г. (Из личного архива Л.А. Чибирова).

38 Там же.

39 Там же.

40 Л.А. Чибиров (2004 г.). *Указ. соч.*, стр. 46.

С другой (осетинской) стороны на авторский коллектив сыпались упреки в том, что те лишь вскользь, необстоятельно описали «продолжавшуюся три года борьбу с Демократической Республикой Грузия»,⁴¹ не очень подробно осветили вопрос этногенеза южных осетин,⁴² не включили в учебник параграф о диалектах осетинского языка⁴³ и т.д. Автор одной из таких рецензий связывает недостатки учебника с «угодническим стремлением части авторов вписаться в контекст современной грузинской историографии».⁴⁴ По мнению другого критика учебника (Ю. Дзицойты), «вместо объективной картины осетино-грузинских политических и военных взаимоотношений в учебнике находим упоминания “о совместной борьбе грузинского и осетинского народов с иноземными поработителями”. Получилось так, что часть наших историков оказала неоценимую помощь грузинской пропаганде».⁴⁵ В период утверждения «южных осетин» в качестве народа, обладающего собственными правами и интересами, отличными от «грузинских», в любом указании на общность интересов и действий двух народов в прошлом видится идеологическая диверсия. Критики как с «грузинской», так и с «осетинской» стороны рассматривали упоминание совместных («осетино-грузинских») действий как оскорбление и/или служение интересам противника.⁴⁶ В ходе анализа учебника «История южных осетин» мы вернемся к этой дискуссии.

В настоящее время обучение во всех школах Республики Южная Осетия ведется на русском языке,⁴⁷ срок обучения составляет 11 лет. За основу взят федеральный перечень учебников Российской Федерации.⁴⁸ В ходе обсуждения этого перечня методистами Республиканского института повышения квалификации работников образования (ИПКРО) формируется список учебников, рекомендуемых школам Южной Осетии. Ориентация на выдачу в общеобразовательных школах Республики документов российского образца предполагает,

41 Х-М Дзущати (1992 г.). *«Не ясно» или «не совсем ясно»*, Южная Осетия, №42.

42 Там же.

43 Там же.

44 Ю. Дзицойты (1992 г.). *Об учебнике по истории южных осетин*, Южная Осетия, №43.

45 Там же.

46 Подробнее о перипетиях издания учебника в книге: Л.А. Чибиров (2004 г.). *Указ. соч.*; Л. Чибиров, М. Джиоев и К. Пухаев (1992 г.). *Рецензия или приговор?* Южная Осетия, №44.

47 Осетинский язык изучается как предмет в школе, на нем ведут занятия и по предмету «Осетинская литература». По данным, полученным в неформальном разговоре со специалистом Управления образования РЮО, в настоящее время идет разработка учебных и методических пособий на осетинском языке.

48 В настоящее время основой правовой базы в Республике является Конституция Республики Южная Осетия, принятая на референдуме 8 апреля 2001 года. Однако до сих пор республика во многом продолжает жить по российским (некоторые из которых сохранились со времен СССР) законам, руководствуясь российским законодательством и действуя по аналогии (Постановление Верховного Совета Республики Южная Осетия от 29 января 1992 года «О применении аналогии законов России на территории Республики Южная Осетия»). Эта ситуация касается как всей образовательной сферы РЮО, так и исторического образования в частности. По неофициальным данным, полученным от одного из специалистов Управления образования РЮО, несмотря на возникающие проблемы, по сегодняшний день РЮО негласно получает (и выдает выпускникам) аттестаты и дипломы о среднем, средне-специальном и высшем образовании российского образца. Как сообщает информант, «в этих документах требуется указать оценки по обязательным общеобразовательным предметам российского стандарта. Соответственно, возникла необходимость введения в курс средних, средне-специальных и высших учреждений предметов, которые изучаются в российских школах. Благодаря этим документам наши дети имеют возможность поступать в ВУЗы РФ.» (Интервью со специалистом Управления образования РЮО. Цхинвал, 2012 г.)

что наряду с «Историей Осетии» преподается и «История России». Школьники РЮО изучают Историю России с 6 по 11 классы (по концентрической системе и российским учебникам),⁴⁹ Историю Осетии – три года в государственных школах (с 9-го по 11-й класс) и один год (9 класс) в частных школах.⁵⁰

Проведенный летом 2011 года поиск нормативных документов, определяющих актуальные цели, задачи и стандарты преподавания истории Осетии, не увенчался успехом. Чиновники Управления образования РЮО утверждают, что нет ни собственных учебников, ни государственных образовательных стандартов и законодательных актов Республики, призванных регулировать содержание этого школьного курса.⁵¹ В ходе интервью учителя школ объясняли, что вынуждены самостоятельно решать, что и как преподавать.⁵² По словам учителей, на уроках по «Истории Осетии с древности до конца XIX века» они зачастую пользуются учебником «История Осетии: с древнейших времен до XX века» (2000, 2005 гг.),⁵³ написанным для школ Республики Северная Осетия-Алания. Для работы с историей Южной Осетии XX века учителя до сих пор обращаются к учебнику «История южных осетин» (1990 г.).⁵⁴ Некоторые учителя, опрошенные в новом 2011-2012 учебном году, говорили о том, что привлекли для освещения событий истории Южной Осетии XX в. недавно вышедший в Республике Северная Осетия-Алания учебник В.Д. Кучиева «История Осетии. XX век».⁵⁵ В этом учебнике, адресованном учащимся старших классов общеобразовательных школ, автор расположил главы и параграфы книги таким образом, что материалы по Северной Осетии перемежаются с материалами по Южной Осетии. В этом учебнике в заглавиях отсутствует разделение на «северную и южную ветвь осетинского народа», хотя в самом тексте и ведется разговор о различиях в экономическом и культурном развитии двух регионов.

49 Предпочтение отдается учебникам авторских коллективов: А.А. Данилов и Л.Г. Косулина (2009 г.). *История России. С древнейших времен до конца XVI века, 6 класс. 9-е изд.* Москва; А.А. Данилов и Л.Г. Косулина (2009 г.). *История России. XVII – XVIII века, 7 класс. 9-е изд.* Москва; А.А. Данилов и Л.Г. Косулина (2009 г.). *История России XIX век. 8 класс. 10-е изд.* Москва; А.А. Данилов, Л.Г. Косулина и А.В. Пыжиков (2003 г.). *История России XX – начало XXI века, 9 класс.* Москва; А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, М.Ю. Брандт (2007 г.). *Россия и мир. 10-й класс.* Москва; О.В. Волобуев, В.А. Клоков и М.В. Пономарев (2006 г.). *Россия и мир. 10-й класс.* Москва.

50 Формой итоговой аттестации служит устный экзамен в 11-м классе, но в рамках экзамена по дисциплине «Россия и мир».

51 Интервью с главным специалистом Управления общего образования республики Южная Осетия Б.Г. Гаглоевой. Цхинвал, 2012 г.

52 В последнее время власти РЮО демонстрируют озабоченность сложившейся ситуацией. Ведущий научный сотрудник Юго-Осетинского научно-исследовательского института им З.Н. Ванеева, профессор кафедры истории ЮОГУ Ю.С. Гаглойти в интервью сообщил, что ему поступило предложение от Президента и Правительства РЮО возглавить работу по написанию такого учебника на осетинском и русском языках. Но работа только начата и говорить о каких-то результатах и методических рекомендациях пока рано. Интервью с профессором кафедры истории ЮОГУ Ю.С. Гаглойти. Цхинвал, 2012 г.

53 М.М. Блиев, Р.С. Бзаров 2000 г. (первое издание); 2005 г. (второе издание)). *История Осетии: с древнейших времен до конца XIX в.* Владикавказ, стр. 351.

54 Л.А. Чибиров, Г.Д. Тогошвили, М.К. Джиев и К.П. Пухаев (1990 г.). *Указ. соч.*

55 В.Д. Кучиев (2011 г.). *История Осетии. XX век.* Владикавказ, стр. 255.

Связь интернационального и национального в советских учебниках

В данном разделе мы приведем сравнение двух учебников, написанных по советским канонам: «История Грузии» (1987 г.)⁵⁶ и «История южных осетин» (1990 г.)⁵⁷. Оба учебника предлагают историю «народов» («грузинского» и «южной ветви осетинского») от «первобытно-общинного строя» до, соответственно, 1979 и 1990 гг.⁵⁸ Как мы узнаем из введения к осетинскому учебнику 1990 года, он написан с расчетом на использование параллельно с учебником «История Грузии».⁵⁹ Во введении авторы заявляют, что «отказались от привычного изложения истории, от замалчивания многих фактов», по-новому «осветили многие явления из истории Советской Южной Осетии».⁶⁰ Это делает сравнение двух учебников особенно увлекательным. Что же «нового» и «непривычного» (по сравнению с «Историей Грузии») предлагает учебник? Предлагает ли он принципиально новый взгляд на «исторические факты» или лишь меняет/дополняет их список? Какие возможности смены масштаба описания предлагает советский исторический нарратив? Что сохраняется и что меняется в правилах написания советской истории при переходе с уровня социалистической республики (и «грузинского народа») на уровень автономной области (и «южных осетин») в ее составе? Какие содержательные изменения при такой смене происходят? Какие процедуры локализации истории оказываются уместными?

Одной из норм написания советской истории является указание на интернациональный характер советского общества. При этом этническая категоризация наделяется гораздо меньшей ценностью, чем классовая и идеологическая. Этнические категории, обозначающие «других», в обоих учебниках появляются крайне редко. Упоминания «своего народа» («грузинского» в «Истории Грузии», «осетинского» в «Истории южных осетин») явно доминируют. При этом оба учебника предлагают нам различные варианты описания многонационального состава населения и «дружбы народов». Во введении к «Истории Грузии» сказано:

«Грузия – многонациональная республика. Вместе с грузинами здесь живут и трудятся, строясь к лучшему будущему, абхазы, осетины, русские, азербайджанцы, армяне.

56 В. Лучуа и Ш. Месхиа (1987 г.). Указ. соч.

57 Л.А. Чибиров, Г.Д. Тогошвили, М.К. Джиеов и К.П. Пухаев (1990 г.). Указ. соч.

58 Объем учебников: 328 стр. (История Грузии) и 239 стр. (История Южных Осетин). Второй учебник уделяет почти вдвое больше внимания (страниц) интересующему нас периоду (17 процентов в Истории Южных Осетин по сравнению с 9 процентами в Истории Грузии). В них используются различные варианты периодизации советской истории. В Истории Грузии выделены в отдельную главу периоды 1917-1921 гг. (10 стр.) и 1921-1937 гг. (20 стр.). История Южных Осетин предлагает выделение периодов 1917-1921 гг. (16 стр.) и 1921-1941 гг. (22 стр.)

59 «[В] школах Южной Осетии в полном объеме изучается курс истории Грузии» и в нем «не предусмотрено подробное освещение вопросов социально-экономического и культурного развития Карталинии (т. е. собственно, Грузии), во взаимосвязи с которой сформировалась южная ветвь осетинского народа». (Там же, стр. 3.)

60 Там же, стр. 4.

[...] В труде и в бою сообща закладывался фундамент к их сближению, что в период Советской власти переросло в подлинную дружбу.»⁶¹

«Осетины» (как и другие «не грузины») в этом учебнике появляются в списке «народов, живущих вместе с грузинами» в «многонациональной республике Грузия» и пребывающих в отношениях «подлинной дружбы». «Грузинский народ» в этом контексте оказывается выразителем «интересов всех народов, населяющих Грузию», потребность в артикуляции специфики положения других («живущих [с ним] вместе») отпадает. В учебнике нет ни отдельной главы, ни параграфа, ни даже абзаца о «южных осетинах», как, впрочем, и о других народах, проживавших в республике. В частности, слово с корнем «осетин» встречается лишь однажды до 250-й страницы учебника,⁶² а дальше упоминается лишь в контексте перечисления очагов крестьянских восстаний или мест разного рода событий, связанных с революцией и т.п.⁶³ При описании событий периода Грузинской Демократической республики «Южная Осетия» (как и другие регионы Грузии) упоминается в «Истории Грузии» лишь в перечнях мест «наиболее крупных выступлений» против «меньшевиков и [английских] оккупантов».⁶⁴ В параграфе «Борьба против меньшевистского правительства и иностранных оккупантов. Победа Советской власти в Грузии»⁶⁵ «Южная Осетия» упоминается как одно из мест на территории Грузии, где была установлена Советская власть.⁶⁶ Цхинвальский, Знаурский, Джавский районы упоминаются как территории, на которых происходили «восстания крестьян в Грузии 1917 – 1920 гг.»⁶⁷ и т.п. Авторы исходят из допущения, что «рабочие разных национальностей» преследовали общие цели (свержение эксплуататоров, строительство социализма и т.п.) и выбирали одинаковые способы их достижения (митинги, забастовки, восстания и т.п.). В этом контексте постоянное перечисление этнических категорий оказывается излишним.

В осетинском учебнике (1990 г.) отсутствует прямое указание на то, что «Южная Осетия – многонациональная автономная область». Но тема «дружбы и единения грузинского и осетинского народов» проходит красной нитью через центральные для нас сюжеты

61 В. Гучуа и Ш. Мехиа (1987 г.). Указ. соч., стр. 3

62 «Вскоре Тамар вышла замуж за осетинского царевича, потомка Багратионов – Давида Сослана...» (Там же, стр. 76.)

63 В позднее советское и постсоветское время отсутствие «осетин» в учебниках оценивается как «замалчивание истории осетинского народа» и становится одним из аргументов в борьбе за независимость после разрушения СССР.

64 «Наиболее крупные выступления имели место в Горийском, Душетском, Синахском, Озургетском, Зугдидском, Сенакском уездах, в Южной Осетии и Абхазии». (Там же, стр. 208.)

65 В. Гучуа, Ш. Мехиа. История Грузии. (Учебник для 7-9 классов) Тбилиси, 1979 г. стр. 249-256.

66 «Восставшие и части Красной Армии 25 февраля 1921 года вступили в Тбилиси. Победила Советская Власть. [...] В марте пламя восстания охватило и Южную Осетию. Захватив город Цхинвали, восставшие установили там Советскую власть. [...] 4 марта Советская власть победила в Абхазии, 5 марта – в Южной Осетии, 18 марта – в Аджарии.» (Там же, стр. 209-210.) Но в заключении параграфа, в качестве даты установления Советской власти в Грузии названо 25 февраля 1921 года («Таким образом, 25 февраля 1921 года трудящиеся Грузии под руководством Коммунистической партии при помощи Советской России свергли господство помещиков и капиталистов и установили Советскую власть» (Там же, стр. 255.)), то есть дата победы восстания в будущей столице ГССР.

67 В учебнике приведена карта «восстания крестьян в Грузии 1917 – 1920 гг. и победа Советской власти», на которой, помимо прочих, указаны и очаги восстаний на территории Южной Осетии (Там же, стр. 251).

советизации. Повествуя об образовании Юго-Осетинской автономной области в составе СССР, авторы предлагают вниманию учеников текст постановления общего собрания жителей Цхинвали от 1 января 1922 г., в котором этот факт оценивается как шаг на пути «изживания национального антагонизма, который насадили [...] князья и меньшевики», и «тесного единения трудящихся Грузии и Юго-Осетии».⁶⁸ Учебник повествует о том, что в восстаниях против «грузинских меньшевиков» «рука об руку с грузинскими крестьянами воевали и крестьяне осетинских сел Теделет, Джалабет, Хахет, Синагур».⁶⁹ При этом поведение восставших объясняется не их национальностью, а объединяющей («вне зависимости от национальности») готовностью «умереть с честью за идею, за рабоче-крестьянское дело».⁷⁰ По версии учебника даже враги советской власти признавали интернациональный характер крестьянских восстаний 1917-1918 гг., в которых «в одном лагере были революционные повстанцы без различия национальностей, в другом – отряды народной гвардии».⁷¹

Однако между учебниками «Истории Грузии» и «Истории осетинского народа» существуют различия. Наиболее явно их можно проследить по разделам, посвященным культурному развитию народов. В фокусе внимания авторов осетинского учебника оказываются «вопросы социально-экономического и культурного развития южной ветви осетинского народа», который рассматривается как обладатель самостоятельной «культурно-исторической судьбы», отличной от «судьбы соседнего [грузинского] народа». Как пишут авторы во введении:

«[В] школах Южной Осетии в полном объеме изучается курс истории Грузии и в книге не предусмотрено подробное освещение вопросов социально-экономического и культурного развития Карталинии (т. е. собственно Грузии), во взаимосвязи с которой сформировалась южная ветвь осетинского народа. Однако в соответствующих

68 «Приветствовать постановление Центральной Советской Власти и ЦК КП Грузии о предоставлении Юго-Осетии прав автономной области с центром Цхинвали. Мы, граждане Цхинвали, уверены, что подобные решения центра дают возможность трудовым элементам истерзанной Осетии восстановить свое разрушенное меньшевиками хозяйство. К тому же, объединяясь в одну общую семью вокруг Цхинвали, мы, трудящиеся Цхинвали и Юго-Осетии, скорее изживем тот национальный антагонизм, который насадили здесь князья и меньшевики. Братская солидарность будет залогом укрепления Советской Власти. Да здравствует тесное единение трудящихся Грузии и Юго-Осетии!» (Л.А. Чибиров, Г.Д. Тогошвили, М.К. Джиоев и К.П. Пухаев (1990 г.). Указ. соч., стр. 166-167.)

69 Там же, стр. 148.

70 «На требование правительства сдать оружие, лошадей, сено и фураж для воинских частей, а молодежь отправить в меньшевистскую гвардию, крестьяне ответили отказом, заявив, что предпочитают умереть в неравном бою» (Там же, стр. 148). Из приведенного в учебнике воззвания «Союза революционных крестьян» Южной Осетии к меньшевистским гвардейцам, 16 марта 1918 г.: «Гвардейцы! Мы на гвардию смотрим как на наших братьев, ибо большинство – вышедшие из рабоче-крестьянской среды. Но вы встали в ряды наших заядлых врагов-князей, дворян, и отродий их – меньшевиков... Мы знаем, что от ваших вероломных пуль умрем и будем гореть наши дома, но зато мы знаем, что умрем с честью за идею, за рабоче-крестьянское дело. Помните, что это письмо есть – вопль двухсот тысяч душ крестьян-грузин и осетин» (Там же, стр. 150-151).

71 «В крестьянских восстаниях 1917 – 1918 гг. ярко проявилась братская солидарность между крестьянами-грузинами и осетинами. По признанию лидера меньшевистской партии Н. Жордания, гражданская война в Южной Осетии проходила «между гвардией, с одной стороны, и осетинами и грузинами – с другой». Во всех этих выступлениях в одном лагере были революционные повстанцы без различия национальностей, в другом – отряды народной гвардии (Там же, стр. 148).

разделах пособия нашло свое отражение своеобразие и взаимосвязь культурно-исторических судеб двух соседних народов.»⁷²

В отличие от грузинского учебника, осетинский предполагает деление на «Карталинию (т. е. собственно Грузию)» и другие ее территории. «Собственно Грузия» рассматривается как место жительства «грузинского народа», в то время как Южная Осетия – место, где «сформировалась южная ветвь осетинского народа». Метафора соседства в данном случае призвана указать на существование территориальной границы между «народами», их «домами» и их «судьбами». В грузинских учебниках тема территориальной границы, разделяющей «народы», тоже присутствует, но в нем актуальным оказывается не выделение «осетинского», «абхазского» и других «народов Грузии», а отделение «грузинского народа» от (сравнимых по статусу) «армянского», «азербайджанского» и т.п.

Вместе с тем оба учебника могут быть названы «советскими» в том смысле, что в них национальная история вписывалась в контекст общесоветской истории «победоносной борьбы трудящихся за освобождение». Целью учебника, по словам авторов, является стремление «ознакомить подрастающее поколение с историей трудовой деятельности и многовековой борьбы грузинского народа за лучшее будущее...».⁷³ В зависимости от того, история какого народа излагается, меняется и номинация субъекта «многовековой борьбы». В учебнике истории Грузии им оказывается «грузинский народ», а в учебнике истории Южной Осетии – «осетинский народ». Оценивая значимость преобразований во всех сферах в Южной Осетии, авторы осетинского учебника делают вывод, что «братская помощь трудящихся Российской Федерации, Грузии и других советских республик позволили Южной Осетии создать промышленную базу, осуществить коллективизацию, добиться ощутимых успехов в культурном строительстве».⁷⁴

Врагом (в ходе советизации) в обоих учебниках выступают политические оппоненты – «меньшевики». При артикуляции врага этнические категории могут быть использованы, но не несут большой смысловой нагрузки. В словосочетании «грузинские меньшевики» основная смысловая нагрузка падает на «меньшевики», определение «грузинские», как представляется, указывает не на какую-то (этно)культурную специфику этой категории лиц, а, скорее на ее пространственную локализацию. Это – меньшевики, действующие в Грузии.⁷⁵

72 Там же, стр. 3.

73 В. Гуча и Ш. Месхиа (1979 г.). Указ. соч., стр. 4.

74 Там же, стр. 182.

75 Сегодня это словосочетание может быть прочитано совершенно иначе. Использование категории «грузинский» может рассматриваться как указание на «прогрузинский» (этноцентричный) характер «меньшевистского правительства» и как основание для оценки ущерба, нанесенного этим правительством «осетинскому» [или любому другому] народу.

Грузинская Демократическая Республика

В учебнике «История Грузии» образование Закавказского правительства (14 ноября 1917г.,⁷⁶ преобразованного 10(23) февраля 1918 г. в Закавказский Сейм⁷⁷), а позже (в мае 1918 г.) – Грузинской Демократической республики рассматриваются как «временная победа контрреволюции».⁷⁸ «Контрреволюционными» правительство и республику делают ведущая роль в них «(грузинских) меньшевиков». Если при описании событий до октября 1917 года главное обвинение в адрес меньшевиков состоит в том, что они действуют в союзе с буржуазией и тормозят дальнейшее развитие революции,⁷⁹ то после главным обвинением становится их кооперация со всякого рода «оккупантами», разоряющими и угнетающими «народ».

«22 апреля 1918 года, по наущению немецких и турецких оккупантов, Сейм объявил «независимость» Закавказья от России. 26 мая 1918 года Сейм распался. Меньшевики объявили Грузию “независимой демократической республикой”. 4 июня 1918 года меньшевистская Грузия заключила с Турцией мирный договор, по которому к Турции перешли Аджария, Ахалкалакский уезд и часть Ахалцихского уезда. Вскоре по приглашению меньшевиков в Грузию были введены немецкие войска. Следовательно, объявление меньшевиками «независимой демократической республики» оказалось явным обманом. На деле это была оккупация. Это был “союз немецких штыков с меньшевистским правительством против большевистских рабочих и крестьян” (В.И. Ленин).»⁸⁰

Авторы не признают образование Грузинской демократической республики легитимным актом, отвечающим потребностям «народа» («большевистских рабочих и крестьян»). Предполагается, что «меньшевистское правительство» с момента образования ведет «антинародную политику»,⁸¹ отдаёт население под власть «немецких оккупантов», провоцирует, а потом, летом 1918 года, «силами своей гвардии и при помощи немецких

76 «После победы Октябрьской революции грузинские меньшевики решили составить из представителей всех местных партий самостоятельное правительство и тем самым оторвать Грузию и Закавказье от Советской России. 14 ноября 1917 года было образовано Закавказское правительство, принявшее название Закавказского Комиссариата. Во главе правительства стояли грузинские меньшевики. [...] По указке представителя американского империализма Комиссариат установил связь с контрреволюционными генералами, действовавшими против Советской России на Северном Кавказе» (В. Гучуа и Ш. Месхиа (1987 г.). Указ. соч., стр. 202-203).

77 «Закавказский контрреволюционный блок, стремясь придать своему правительству, хотя бы внешне, вид выборного органа, решил создать Закавказский Сейм. День открытия Сейма 10(23) февраля 1918 года грузинские меньшевики отметили расстрелом многонационального митинга тифлиских рабочих в Александровском саду» (Там же, стр. 203).

78 Там же, стр. 203.

79 «После победы Октябрьской революции грузинские меньшевики решили составить из представителей всех «Меньшевики, господствовавшие в Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, действовали в полном согласии с буржуазией и всячески тормозили дальнейшее развитие революции» (Там же, стр. 239).

80 Там же, стр. 205.

81 Там же, стр. 206..

войск» подавляет подъем революционного движения.⁸² Как явствует из учебника, после поражения в первой мировой войне «немцы были вынуждены оставить Грузию»,⁸³ и «грузинские меньшевики» приглашают новых «оккупантов»:

«Грузинские меньшевики, потерявшие опору после ухода немцев, обратись к Англии с просьбой ввести в Грузию войска в целях “охраны от большевизма”. Следовательно, “независимость” Грузии на этот раз меньшевики продали английским империалистам.»⁸⁴

Указание на постоянную потребность «меньшевиков» в «опорах» призвано сообщить о слабости и нелегитимности их правительства. Торговля родиной оказывается главным грехом «грузинских меньшевиков» и основным аргументом при доказательстве «антинародного» характера их политики.

Помощники «меньшевиков» не характеризуются иначе чем «оккупационные войска» (немецкие, английские и др.), которые «хозяйничают в городах и селах Грузии. Их произвол и грубое насилие вызывали отвращение и ненависть среди населения».⁸⁵ Но до начала 1920 года все выступления против «меньшевиков и оккупантов» «жестoko подавляются».⁸⁶ «Победа советской власти» становится возможной лишь после заключения «меньшевиками и Советской Россией мирного договора» на фоне «свирепствующего [весной 1920 года в Грузии] экономического кризиса» («[М]еньшевицкое господство привело к катастрофе промышленность, сельское хозяйство, культуру Грузии»⁸⁷). Катастрофичность ситуации в Грузии оттеняется рассказами о победах Советской России.⁸⁸

Единственное упоминаемое в учебнике действие «Коммунистической партии Грузии» (кроме решения начать вооруженное восстание и создания Революционного комитета для руководства им), полностью решившее исход дела – «обращение [Ревкома] за помощью к правительству Советской России, которое немедленно прислало на помощь восставшим Красную Армию. Восставшие и части Красной Армии 25 февраля 1921 года вступили в Тбилиси. Победила Советская власть».⁸⁹ Аналогичный подход мы наблюдаем в других советских учебниках. Необходимым элементом описания «победы Советской власти в Закавказье» является указание на факт обращения ревкомов к Советской России за

82 «Приглашенные меньшевиками немецкие оккупанты рассматривали Грузию как собственную колонию. Немецкие войска грабили и притесняли население, собирали налоги, отбирали скот и продовольствие. Все больше ухудшалось положение рабочего класса. [...] начался новый подъем революционного движения» (Там же, стр. 207).

83 Там же, стр. 207.

84 Там же, стр. 207.

85 Там же, стр. 207-208.

86 Там же, стр. 208-209.

87 Там же, стр. 209

88 «К этому времени Советская Россия победоносно завершила гражданскую войну. 29 ноября Советская власть победила в Армении» (Там же, стр. 209). Несколькоими абзацами выше авторы сообщали о том, что «28 апреля Советская власть победила в Азербайджане» (Там же, стр. 209).

89 Там же, стр. 209

военной помощью и ее (положительный) ответ на это обращение вводом 11 Красной армии. Сомнений в легитимности таких действий со стороны России не возникает. Упоминание о наличии (на момент ввода Красной армии) между двумя государствами (меньшевистской Грузией и Советской Россией) мирного договора никак на эту оценку не влияет. Легитимация ввода войск Советской России на территорию Грузии происходит через указание на то, что именно «меньшевистское правительство [систематически] нарушало условия договора, заключенного с Советской Россией».⁹⁰ Как следствие, нарушение (не расторжение) его со стороны России воспринимается как вполне естественное и легитимное действие.

В главе шестой учебника «История южных осетин» («Борьба трудящихся Южной Осетии за Советскую власть») мы сталкиваемся с той же самой установкой на делегитимацию власти «меньшевистского правительства», что и в грузинском учебнике⁹¹. «Меньшевистское правительство» рассматривается как главный источник проблем и объект негодования «народов Южной Осетии». Как и в грузинском учебнике, противостоящие стороны обозначаются как «беднота», «революционное крестьянство» и т.п. с одной стороны, и «меньшевики» и «угнетатели» – с другой. В отличие от грузинского учебника, в осетинском гораздо чаще используется категория «гвардейцы» для обозначения «противников революции» и «угнетателей населения Южной Осетии», дается более подробное описание географии действий «гвардейцев» (в частности, такие действия привязаны к различным регионам Южной Осетии), освещаются аспекты организованного отпора им со стороны «осетинских трудящихся».

Как и в грузинских учебниках, в осетинских «беднота», «крестьяне», «трудящиеся» иногда маркируются этнически, но и тут мы не усматриваем в этом действии иного смысла, чем стремление представить революционное движение массовым и охватившим «все народы» и все территории. Использование словосочетаний типа «южноосетинская беднота» или «южноосетинская революционная масса» в приведенной в учебнике цитате из телеграммы Ревкома Южной Осетии В. И. Ленину в феврале 1921 г.⁹² указывает, скорее, на местоположение отправителя («угнетенных и бесправных»), а не на какие-то его особенные (этнокультурные) характеристики. Между приводимыми в учебниках телеграммами (разными другими документами, написанными «южноосетинской [и любой другой] беднотой/трудящимися») не обнаруживается значимых различий. Сегодня

90 Там же, стр. 209

91 В разделе «Документы и материалы» приводится отрывок [И]з воззвания партии «Чермен» (начало июня 1920 г.): «Южные осетины, притесняемые, голодные и раздетые, восстали. Они ищут правды, человеческого права. Меньшевистское правительство уже три года держит их в невыносимых тисках. Оно не дало им ни земли, ни человеческих прав. Нет больше сил терпения. Восстали руки и ванельцы. Наш великий долг помочь им, встать рядом с ними в трудную для них минуту...» (Л.А. Чибиров, Г.Д. Тогошвили, М.К. Джиоев и К.П. Пухаев (1990 г.). Указ. соч., стр. 158).

92 «Югоосетинская беднота приветствует Вас, великого вождя, защитника угнетенных и бесправных. Южноосетинская революционная масса вела трехлетнюю войну с меньшевиками... Южная Осетия была разгромлена, сожжена дотла, революционное крестьянство вынуждено было уйти на Терек... В настоящее время, когда Грузия охвачена заревом красного пожара, южноосетинская беднота снова поднимает знамя восстания против угнетателей и глубоко верит, что никто не помешает ей устроить свою жизнь по собственному разумению, а не по чужой указке» (Там же, стр. 160).

некоторые осетинские и российские историки, политологи, политики оценивают события периода 1920-1921 гг. как «первый геноцид осетинского народа»,⁹³ но учебник «Истории осетинского народа» 1990 года издания не рассматривает противостояние сторонников и противников Советской власти в этнических категориях.⁹⁴ При увеличении масштаба исторического повествования (в нашем случае при переходе с уровня союзной республики на уровень автономной области) появляются детали, которые в «Истории Грузии» прежде отсутствовали, но эти изменения не носят принципиального характера. «Югоосетинским трудящимся» (как и трудящимся других национальностей) приписывается (классовая) мотивация поведения и определенные (большевистские) идеологические предпочтения.

О предпочтении советскими учебниками классовой интерпретации исторических фактов говорит и отсутствие акцента на «родстве» Южной и Северной Осетии. В советских учебниках эти два региона рассматриваются как сопредельные территории, на которых в 1918-1920 гг. существовали разные политические режимы: «Северная Осетия» – часть «Советской России», «Южная Осетия» – часть «меньшевистской Грузии». В учебнике «История южных осетин» Северная Осетия – более безопасное место, куда из Южной Осетии переходят люди, спасаясь от преследований «гвардейцев»;⁹⁵ это место мобилизации сил для дальнейшего сопротивления,⁹⁶ наличие которого, в конечном счете, определило исход и привело к «окончательному установлению Советской власти в Южной Осетии 5 марта 1921 г.»⁹⁷

Можно допустить, что ныне популярные разговоры об объединении Южной и Северной Осетии в контексте советского исторического нарратива вестись не могли. Смысл мог быть усмотрен в присоединении Южной Осетии к Советской России (именно так первая могла стать «советской»), но не в формировании единой Осетии. В «Истории Осетии», изданной в 2011 году⁹⁸, подход к данному вопросу принципиально меняется. «Независимость осетинского народа» ассоциируется с объединением Южной и Северной Осетии.

93 М.М. Блиев (2006 г.). *Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений*. Москва; В.А. Захаров и А.Г. Арешев (2008 г.). *Признание независимости Южной Осетии и Абхазии*. Москва; В.Д. Дзидзоев и К.Г. Дзугаев (2007 г.). *Южная Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений*. Цхинвал; Р.С. Бзаров (2009 г.). *Геноцид осетин: 1920 год*. Цхинвал; В.И. Маргиев и С.М. Кесаев (2009 г.). *Государственность Южной Осетии: прошлое, настоящее, будущее*. Владикавказ.

94 «Провозглашение Советской власти вызвало ярость у противников революции. Меньшевистская печать не стеснялась в средствах, чтобы очернить действия революционных борцов Южной Осетии. Ввиду явного превосходства сил противника, повстанцы с боями отступили в горы. Гвардейцы сжигали селения, грабили и убивали жителей... Более 20 тыс. человек, в том числе женщины, дети, спасаясь от преследования, перешли в Северную Осетию... Во время отступления было убито и погребено свыше 5 тыс. человек, сожжено 25 крупных селений, угнано 23600 голов крупного и мелкого скота» (Л. А. Чибиров, Г.Д. Тогошвили, М.К. Джигоев и К.П. Пухаев (1990 г.). *Указ. соч.*, стр. 155).

95 «...более 20 тысяч человек, в том числе женщины, дети, спасаясь от преследования, перешли в Северную Осетию» (*Там же*, стр. 155).

96 «...из юго-осетинских беженцев в Северной Осетии был создан сводный повстанческий отряд под командованием Сергея Гаглоева. Совершив труднейший переход через снежные перевалы Центрального Кавказа, повстанцы развернули наступление на юг, завершившееся окончательным установлением Советской власти в Южной Осетии 5 марта 1921 г.» (*Там же*, стр. 157).

97 *Там же*, стр. 157.

98 В.Д. Кучиев (2011 г.). *Указ. соч.*

Юго-Осетинская автономная область

Процесс образования Юго-Осетинской автономной области в грузинском учебнике не нашел отражения. О разногласиях в Компартии Грузии по вопросу национального строительства и предоставления автономии различным территориям республики мы узнаем лишь из предложения:

«Группа национал-уклонистов в Компартии Грузии образовалась в 1921 г. Эта группа была против создания Закавказской федерации и стояла на позициях национализма. Она отрицала право на автономию за Аджарией, Абхазией и Юго-Осетией и тем самым фактически скатывались к великодержавному шовинизму...»⁹⁹

Можно предположить, что в советской версии истории приоритетом является артикуляция внешних и внутренних «врагов», в частности тех, кто «скатывается к шовинизму». История формирования республик и автономий фактически не имеет значения.

Противоположную картину касательно автономных образований наблюдаем в учебнике «История южных осетин» (1990 г.), где этот процесс описан весьма обстоятельно со ссылкой на известный тезис о «праве наций на самоопределение». Авторы акцентируют внимание на том, что уже в первом своем воззвании Ревком Грузии наделил «братские народы Аджарии, Абхазии и Осетии» правом «самим определять свою судьбу».¹⁰⁰ Соответствующая политика ассоциируется с «ленинской национальной политикой».¹⁰¹ В то же время, читая учебник, ученик может сделать и другой вывод: Южная Осетия получила автономию в знак благодарности за поддержку в борьбе с врагами революции. Выдержка из газеты «Правда Грузии», приведенная в учебнике, сообщает: «Декрет об образовании Юго-Осетинской автономной области является единственной и лучшей гарантией хозяйственного восстановления и политического развития героического юго-осетинского народа, который является самым верным защитником Советской власти».¹⁰² Образование автономии становится точкой отсчета «новой жизни», при этом многократно подчеркивается, что все блага «трудящиеся Южной Осетии»¹⁰³ обретут благодаря Советской власти, которая впервые в истории предоставила им право на создание своей автономии.

99 Л.А. Чибиров, Г.Д. Тогошвили, М.К. Джидиев и К.П. Пухавев (1990 г.). Указ. соч., стр. 157.

100 Там же, стр. 163.

101 Там же.

102 Там же, стр. 164.

103 Там же.

Современный учебник: от «солидарности трудящихся» к «братству осетинского народа»

Изданный в 2011 году в Республике Северная Осетия-Алания учебник «История Осетии. XX век»¹⁰⁴ предлагает иной (по сравнению с советскими учебниками) исторический нарратив. В нем происходит переход от логики, центрированной на классовых различиях/солидарностях, к логике, делающей акцент на «(этно)национальной специфике» интересов и поведения людей. В частности, в новом учебнике среди «партийных и советских работников Грузии» обнаруживаются «националисты», отдающие предпочтение защите интересов «грузинского народа» и ведущие с союзными властями торг, ставкой в котором оказываются «исконные осетинские территории»:

«Трудные препятствия пришлось преодолевать Южной Осетии на пути к своей автономии. Дело в том, что группа националистически настроенных партийных и советских работников во главе с Б. Мдивани выступила против предоставления Южной Осетии автономии. Однако помешать образованию осетинской автономии в условиях советского строя они, конечно же, не могли. Поэтому грузинские власти за свое вынужденное согласие “на осетинскую автономию” потребовали передачи Грузии части исконно осетинских территорий (в 1922 г. Кобийское и Гудское ущелья были переданы под юрисдикцию грузинских властей). Так Южная Осетия заплатила за предоставленную ей автономию частью своей территории. Впервые в своей истории после гибели средневекового аланского государства осетинский народ обрел свою государственность в форме автономной республики (Северная Осетия) и автономной области (Южная Осетия)...»¹⁰⁵

Если в советском учебнике предоставление автономии Южной Осетии трактуется как жест благодарности Советской власти за проявленную осетинским народом верность и лояльность, то в современном – как *естественный* результат становления «советского строя» (который, как предполагается, обеспечил всем нациям право на самоопределение). Тот факт, что не все «исконно осетинские земли» вошли в состав автономии, автор объясняет противодействием реализации права осетинского народа на самоопределение со стороны «националистически [прогрузински] настроенных партийных и советских работников». Тезис о допущенной (под давлением «грузинских властей») несправедливости в отношении «исконных осетинских территорий» активно используется сегодня, в частности, в предвыборных речах и программах некоторых кандидатов в президенты РЮО.

Конструирование образа единого и древнего осетинского народа, «вековой мечты» о воссоединении «южной и северной ветви» нашло отражение в учебнике в следующем пассаже: «Северо-Осетинская автономная республика по желанию ее народа вошла в состав

104 В.Д. Кучиев (2011 г.). Указ. соч., стр. 255.

105 Там же, стр. 141.

РСФСР, Южная Осетия, вопреки желанию народа, вновь оказалась в составе Грузии»¹⁰⁶ (курсив В.Д. Кучиева). «Осетинский народ» оказывается един в своем стремлении войти в состав России. На «грузинских националистов» и «(советское) грузинское руководство» возлагается ответственность за его «разобщение». Предполагается, что «грузинские власти» вели сознательную политику в этом направлении. Именно они вынудили южных осетин перейти на грузинский алфавит, чем лишили их общего (с северными осетинами) языка:

«... сложилась крайне несуразная ситуация: в Северной Осетии перешли на латинскую графику, а в Южной Осетии – на грузинскую. Два алфавита для одного языка! Между Севером и Югом Осетии был вбит клин: северные осетины уже не могли прочитать ни одной строчки из того, что издавали за хребтом их братья, поскольку северяне не знали грузинский язык.»¹⁰⁷

Общность знаковой системы рассматривается как залог единства народа. Предположение, что власти Грузии в своих действиях могли руководствоваться аналогичными соображениями (все жители Грузии должны быть объединены единой (грузинской) графикой) не рассматривается. Отсутствующий в советских учебниках акцент на культурной (в т.ч. языковой) общности политически разделенного (живущего в разных государствах) осетинского народа позволяет поместить тему (разрушенного в советское время, но прежде общего) осетинского языка в центр идеологии движений за независимость и национальное возрождение.

Сегодня в публичных дискуссиях высказывается мысль, что целью подобных действий была полная ассимиляция осетин: на юге – с грузинами, на севере – с русскими, что призвано было способствовать большей подконтрольности региона как союзным, так и республиканским властям. Сегодня участники дискуссий вспоминают о событиях времен правления И.В. Сталина, когда такая политика в области языка встретила резкое неприятие со стороны населения. Тогда участники выступлений (Л. Ванеев, С. Джюев, С. Бекоев, Х. Габуев и др.) были обвинены в «осетинском национализме», преданы суду и приговорены к 25 годам лишения свободы.¹⁰⁸

¹⁰⁶ Там же, стр. 141. Вопрос об объединении возникает в различных контекстах. Описывая работу XI съезда осетинского народа, проходившего в конце 1919 – начале 1920 гг., автор учебника перечисляет обсуждавшиеся вопросы: о выделении осетинских приходов в Северной и Южной Осетии, о создании самостоятельной осетинской епархии, об объединении Северной и Южной Осетии (Там же, стр. 131-132).

¹⁰⁷ Там же, стр. 185.

¹⁰⁸ Осинформ (2010 г.). 'Владимир Ванеев «КОГДА Я ВЕРНУСЬ»... (О культурном геноциде) Часть 1'. Сайт по адресу <http://osinform.ru/18908-vladimir-vaneev-kogda-ya-vernus-o-kulturnom.html>; М. Dedyakov (2012 г.). "'Растдзинад', Хрущев и вопрос объединения Осетии'. Сайт по адресу <http://magas-dedyakov.livejournal.com/82672.html>; Wikipedia (2012). 'Ванеев, Владимир'. Сайт по адресу <http://bit.ly/VfomEm>.

Грузинская Демократическая Республика

Автор «Истории Осетии. XX век» (2011 г.) выделил мартовское восстание 1918 г. в Южной Осетии как одно из важных событий национальной истории. По его версии революционное движение в Южной Осетии носило уже не только «социально-классовый, но и национально-освободительный характер»,¹⁰⁹ при этом главным субъектом национального гнета (после победы в России советской власти) становятся «грузинские князья» и «меньшевистская Грузия», а главным защитником и центром притяжения для «осетинского народа» оказывается РСФСР:

«... движение развивалось под флагом освобождения от господства грузинских князей и присоединения Южной Осетии к Российской Федеративной Советской Республике. Южная Осетия пришла к победе Советской власти через пять вооруженных восстаний, жестоко подавленных войсками меньшевистской Грузии.»¹¹⁰

В центр повествования о национально-освободительном движении помещен конфликт между «(осетинским) народом» и «представителями меньшевистского правительства Грузии», которое

«в марте 1918 г. направило в Южную Осетию войска, которым было приказано разоружить вооруженные отряды юго-осетинских повстанцев. Каратели жестоко расправлялись с крестьянами. Заняв селение Корнис, они потребовали назвать и выдать активных участников, в противном случае грозили расстрелять 40 жителей – заложников. На помощь повстанцам поспешили вооруженные крестьяне соседних селений. Они окружили карательный отряд и потребовали освободить заложников и убраться из села. После отказа выполнить эти требования повстанцы разгромили грузинских “гвардейцев”.»¹¹¹

«Грузинские “гвардейцы”» противостоят не «трудящимся Южной Осетии» (как это было в советском учебнике), а «юго-осетинским повстанцам», защищавшим свое право объединиться с «северными осетинами» в составе РСФСР.

Использование словосочетания «карательные отряды» призвано указать на жестокость действий «грузинских властей». Косвенным подтверждением фактов жестокости во время «кровопролитных событий 1920 г.» становятся цитируемые в учебнике слова одного из руководителей грузинских большевиков Ф. Махарадзе: «озверевшие народогвардейцы по директивам правительства Н. Жордания и Н. Рамишвили творили такие ужасы, каких история знает очень мало»¹¹². В то же время власти РСФСР изображаются как защитники

¹⁰⁹ В.Д. Кучиев (2011 г.). *Указ. соч.*, стр. 90.

¹¹⁰ Там же, стр. 90-91.

¹¹¹ Там же, стр. 90.

¹¹² Там же, стр. 136.

интересов и населения Южной Осетии. Учебник подробно описывает события 1920 г., приводя выдержку из официальной ноты за подписью наркома иностранных дел РСФСР и СССР Г.В. Чичерина:

«Мы с тревогой узнали, что в Южную Осетию, где провозглашена советская республика, направлены для уничтожения таковой грузинские войска. Мы настаиваем, если это верно, отозвать свои войска из Осетии, но считаем, что Осетия должна иметь у себя ту власть, которую она хочет. Вмешательство Грузии в дела Осетии было бы ничем не оправданным вмешательством в чужие дела.»¹¹³

В современном (2011 г.) учебнике, описывающем события XX века, сделан акцент на фактах и событиях грузино-осетинского противостояния. Территориальный конфликт этнизируется. По новой версии он существовал на протяжении всего XX века. «Осетины» рассматриваются как народ, разделенный между двумя государствами: дружественной Россией («северные осетины») и настроенной на подавление его интересов Грузией («южные осетины»). Тема «объединения осетин» («общей исторической судьбы») оказывается основным мотивом исторического повествования. Важным мотивом становится артикуляция единства осетинского народа, обсуждаются различные теории его происхождения и общей истории его северной и южной «ветвей». Тот же вопрос является одним из центральных в предвыборных программах кандидатов на пост президента Южной Осетии.¹¹⁴ Можно говорить о том, что в современном южноосетинском обществе наблюдается консенсус по вопросу о необходимости объединения двух Осетий. Спорным остается лишь форма воссоединения: в составе ли России,¹¹⁵ либо же в рамках независимого осетинского государства. Ни один из вариантов, по нашему мнению, не может быть вписан ни в один из сценариев реального разрешения грузино-осетинского конфликта.

Заключение

В основе грузино-осетинского конфликта лежит спор о том, кто из народов («грузинский» или «осетинский») обладает легитимным правом на территорию бывшей Юго-Осетинской автономной области. Стороны приводят взаимоисключающие «исторические свидетельства», призванные доказать правомочность собственных претензий и ничтожность претензий оппонента. Данный спор представляет собой игру

113 Там же, стр. 136.

114 Выборы Президента Республики Южная Осетия, состоявшиеся 13 ноября 2011 г., и результаты второго тура (27 ноября 2011 г.), аннулированы решением Верховного суда республики. Новые выборы были проведены 25 марта 2012 г.

115 После распада СССР в декабре 1991 г. руководство Южной Осетии в январе 1992 г. провело референдум о выходе из состава Грузии и присоединении к России. Важную роль в этом решении сыграла идея объединения осетинского народа, территории проживания которого, вследствие распада СССР, оказались в составе разных государств. В ходе референдума подавляющее большинство его участников поддержали выход из состава Грузии и присоединение к России.

с нулевой суммой,¹¹⁶ выигрыш одной из сторон означает проигрыш другой. Вопросы профессионализма суждений об истории отступают на второй план. Любое публичное высказывание оценивается по шкале лояльности «интересам своего [осетинского или грузинского] народа». Собственная (независимая) государственность рассматривается как один из важнейших атрибутов (современной) «нации», ее защита – как важнейший «национальный интерес». Поэтому не случайно, что одним из ключевых в дискуссии оказывается вопрос о легитимности учреждения в 1922 году Южно-Осетинской автономной области в качестве самостоятельной административной единицы.

На примере сравнительного анализа советских учебников («История Грузии» (1987 г.) и «История южных осетин» (1990 г.)), мы показали, как работал советский исторический нарратив при смене масштаба повествования. Как и другие советские учебники, осетинский (1992 г.) воспроизводит модель истории «национальной по форме, социалистической по содержанию». Использование этнических категорий, этнически маркированных названий и т.п. не указывает на особые «этнические интересы»,¹¹⁷ а призвано сообщить о роли определенного советского народа (в нашем случае – южных осетин) в строительстве социалистического общества. Не предлагая теоретических и методологических новаций, авторы заявляют о южных осетинах, как о самостоятельном субъекте политического процесса. «Осетинский народ» изображается как более слабый, чем другие игрок («соратник и помощник русских и грузинских революционеров»), но в процессе публичной артикуляции утверждается его историческая субъектность (наличие собственного опыта борьбы, (локальные) победы, пантеон героев и т.п.).

Особенность современной ситуации состоит в том, что в Южной Осетии не издаются собственные учебники национальной истории, в школах используют российские. При описании истории формирования двух осетинских автономий (в составе ГССР и РСФСР) акцент переносится с общего (с «грузинским народом») классового интереса (в освобождении от эксплуататоров и создании социалистического государства) на формирование государственности осетинского народа. В современном учебнике сделан акцент на фактах и событиях грузино-осетинского противостояния. Территориальный конфликт этнизируется, по новой версии он существовал на протяжении всего XX века. Субъекты политического процесса (в частности, руководители Грузинской ССР) рассматриваются как представители определенной («грузинской») нации, защищающие ее интересы и стремящиеся ослабить оппонентов. Современное противостояние укореняется в советском прошлом, действия современных южно-осетинских властей обретают большую легитимность.

116 Эта метафора обозначает ситуацию, когда игроки играют между собой (не с казино) и выигравший забирает ставки других игроков. В нашем случае ставка в споре – легитимное право на формирование государственности на определенной территории.

117 Предполагается, что все советские народы являются носителями классовых интересов, сфокусированных на борьбе с разного рода «эксплуататорами».

ГЛАВА 5

Десоветизация и национализация истории: сравнительный анализ учебников по истории Абхазии

Инар Гицба

Введение

Распад Советского Союза и, как следствие, образование на постсоветском пространстве новых независимых государств, создали новые политико-социальные реалии. Моноцентричная система управления и принятия решений, основанная на коммунистической идеологии, перестала существовать. Процесс отделения шел на фоне борьбы между центром и националистически ориентированными элитами республик.¹ Перед вновь образованными государствами встала задача создания собственных моделей государственного управления, которые могли бы регулировать все сферы жизнедеятельности обществ, опираясь на местные культурно-идеологические ценности.

Распад Советского Союза сопровождался множеством вооруженных конфликтов, одним из которых стал грузино-абхазский. Впрочем, как замечает Акаба Нателла: «Стало привычным рассматривать грузино-абхазский конфликт в контексте распада СССР. Хотя, данное эпохальное событие, несомненно, явилось мощнейшим катализатором эскалации этого конфликта и его перехода в вооруженную стадию, нельзя игнорировать тот факт, что серьезные абхазо-грузинские противоречия и межэтнические трения существовали еще тогда, когда СССР казался несокрушимой твердьей».²

В своих научных (и псевдонаучных) историографических исследованиях этнополитических процессов в Абхазии и грузино-абхазских взаимоотношений в XX веке историки Абхазии и Грузии еще в советское время предлагали кардинально различающиеся трактовки отдельных событий. В 1977 году представители абхазской творческой интеллигенции послали высшему партийному руководству СССР несколько писем, в которых обращали внимание, помимо прочего, на «процесс огрузинивания истории Абхазии» грузинскими учеными.³ Авторы известного письма «Ста тридцати» обращают внимание высшего партийного руководства СССР на различные уловки, которые используют грузинские ученые, «искусственно подменяющие факты»,⁴ неудобные для грузинской историографии, и прикрывающие свои действия «формальными реверансами в адрес марксистско-ленинской теории».⁵ По мнению авторов письма, грузинские оппоненты манипулируют идеей дружбы народов:

-
- 1 Как полагает Виктор Шнирельман, «политизация этничности, осуществленная большевиками в 1920-е гг., и создание ими иерархического этнополитического административного устройства сделали этнонационализм постоянным фактором внутренней политики на всех ее уровнях» (В. А. Шнирельман, (2003 г.). *Войны памяти. Мифы, идентичность и политика на Кавказе*. ИКЦ «Академкнига», Москва, стр. 11).
 - 2 Н. Акаба и И. Хинтба (2011 г.). *Трансформация грузино-абхазского конфликта: переосмысление парадигмы*. Сухум, стр. 6.
 - 3 Абхазское письмо 1977 года. Письмо «Ста тридцати». Президиуму восьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР тов. Л. И. Брежневу, Членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета РСФСР тов. М. А. Яснову (И. Г. Марыхуба (1994 г.). *Абхазия в советскую эпоху. Абхазские письма (1947 – 1989 гг.)*. Сб. документов. Т. 1. *Эль-фа*: Акуа (Сухум), стр. 167).
 - 4 Там же, стр. 167.
 - 5 Там же, стр. 167.

«...если под “абхазами” в источниках понимать собственно “грузин”, то это якобы помогает дружбе между абхазским и грузинским народами (?!). Но если под “абхазами” понимать самих абхазов, то это, видите ли, мешает дружбе между двумя этими народами».⁶

Не меньшую тревогу у авторов упомянутого выше письма вызывает «фактическое состояние учебных курсов по истории Грузии как для средних школ, так и для вузов».⁷ Из письма следует, что: «Все они без исключения составлены (да иначе не могло и быть) в духе той грузинской историографии, для которой историческая Абхазия в лучшем случае представляет собой этнографический уголок Грузии».⁸ В другом письме группа научных сотрудников Абхазского государственного музея сообщает в Отдел науки ЦК КПСС о «проявлении национализма, разложении идеологического воспитания, разжигании шовинистических настроений среди грузинского населения по отношению к другим народам, непризнании роли и заслуг других народов Грузинской ССР в исторических судьбах страны, прямой фальсификации истории».⁹ Авторы письма указывают ЦК, что «учащаяся молодежь, студенты и школьники воспитывались в течение десятилетий по учебникам, в которых бесконечно превозносится роль грузин в истории, имеются сплошь и рядом факты национального самолюбования и т.д.».¹⁰

Реакцией советского руководства на эти письма стали Постановление ЦК КП Грузии от 25 апреля 1978 года¹¹ и Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 июня 1978 года.¹² В Постановлении ЦК КП Грузии признаются «серьезные ошибки в публикациях материалов, связанных с историографией и проблемами патриотического и интернационального воспитания»¹³. Вина за эти ошибки возлагается на обком партии и отделы ЦК КП Грузии, чей контроль за печатью и издательствами признавался недостаточным.¹⁴ Соответственно, исправление ошибок бюро ЦК КП Грузии поручало своим отделам пропаганды и агитации, науки и учебных заведений, которые должны «усилить контроль за публикациями, связанными с историей Грузии и Абхазии».¹⁵

6 Там же, стр. 168.

7 Там же, стр. 169.

8 Там же, стр. 169.

9 Запреты абхазоведческой науке. «Вопросы этнокультурной истории абхазов». В отдел науки ЦК КПСС, Первому секретарю ЦК КП Грузии тов. Шеварднадзе Э.А., Первому секретарю Абхазского обкома КП Грузии тов. Хинтба В.М (И.Г. Марыхуба (1994 г.). Указ. соч., стр. 191).

10 Там же, стр. 191.

11 Шеварнадзевские партийные опусы. Постановление ЦК КП Грузии. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры Абхазской АССР, усилению организаторской и идейно-воспитательной работы среди трудящихся автономной республики» (И.Г. Марыхуба (1994 г.). Указ. соч., стр. 279).

12 «От кнута к прянику» Москвы-Абхазии. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии экономики и культуры Абхазской АССР» № 424 (И.Г. Марыхуба (1994 г.). Указ. соч., стр. 275).

13 Шеварнадзевские партийные опусы. Постановление ЦК КП Грузии. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры Абхазской АССР, усилению организаторской и идейно-воспитательной работы среди трудящихся автономной республики» (И.Г. Марыхуба (1994 г.). Указ. соч., стр. 281).

14 Там же, стр. 281-282.

15 Там же, стр. 284.

Целью данной работы является выявление различий как в подходах к преподаванию истории в советской и современной школе, так и в содержании учебников по истории Абхазии разных периодов. В фокусе исследования оказались репрезентации в школьных учебниках процессов образования СССР, советизации Абхазии, ее территориального оформления и изменения статуса. Большинство выводов, предлагаемых в статье, сделано на основании анализа трех учебников по истории Абхазии: последнего советского,¹⁶ первого постсоветского¹⁷ и современного.¹⁸ Для анализа были выбраны фрагменты текстов, относящиеся к событиям 1917- 1938 гг. Кроме того, в рамках проекта было проведено несколько интервью с авторами учебников и экспертами в области образования, имевшими непосредственное отношение к составлению и редактированию учебников по истории Абхазии. В ходе интервью нас интересовали ответы на ряд вопросов. Как происходил переход от советской к постсоветской версии истории? Кто и когда инициировал эти процессы? Какие претензии предъявлялись к советской версии истории Абхазии? На чем базируются, по мнению экспертов, версии, предлагаемые ученикам сегодня? Ниже будут представлены некоторые результаты анализа этих данных.

Контекст перехода от советского к современному учебнику по истории Абхазии

В конце 1988 – начале 1989 годов в Абхазии ощущалась напряженность, связанная, в частности, с разделением Абхазского государственного университета «по этническому признаку» (на грузинский и негрузинский секторы) и созданием филиала Тбилисского государственного университета в Сухуме на базе грузинского сектора. Это вызвало широкий протест и резко обострило грузино-абхазские взаимоотношения в автономной республике. Стало очевидно, что у абхазской общественности накопилась масса претензий к политике, проводимой республиканскими властями. В числе требований, выдвигаемых в адрес последних, было сохранение абхазской культуры и абхазских топонимов, предоставление доступа к высоким политическим должностям, право преимущественного пользования местными экономическими ресурсами, возможность получать образование на родном (абхазском) языке и т.д. Возникшая в абхазской научной среде озабоченность тем, как преподносилась история Абхазии и абхазского народа их грузинскими коллегами, переросла в откровенную академическую войну.

Одним из катализаторов обострения полемики в среде историков стало продвижение грузинскими учеными теорий, которые, по мнению абхазских коллег, не имели под собой никакой фактологической и научной базы. В частности, теории, связывавшие появление абхазов на территории Абхазии лишь с XVII веком (теория грузинского феодализма

16 В. Гучуа и Ш. Мехиа (1987 г.). *История Грузии. Учебник для VII – X классов*. Ганатлеба, Тбилиси.

17 С.З. Лакоба (ред.) (1993 г.). *История Абхазии. Учебное пособие*. Алашара, Гудаута.

18 И. Куакуаскир (2010 г.). *История Абхазии (с древних времен до наших дней). Учебное пособие для 5-9 классов*. Министерство образования, Сухум.

Г.А. Меликишвили, «иберийско-кавказские исследования», теории П. Ингороквы и М. Лордкипанидзе).¹⁹ Часть грузинской интеллигенции придерживалась концепции «двойной аборигенности», предполагающей существование в Колхиде двух этнических массивов: предков грузин (картвелов) и предков абхазо-адыгов. При этом последние, как предполагалось, появились в Колхиде в первых веках н.э., а ранее там обитали только картвелы.²⁰ Абхазские историки, указывая на необоснованность приведенных выше теорий, приводили данные исследований, свидетельствовавших о том, что абхазы являются коренным населением страны.

Еще одним поводом для конфронтации стало фактическое отсутствие возможности издать абхазский учебник по истории Абхазии и жесткая цензура, которой подвергались учебники. В советское время история Абхазии не преподавалась как отдельная дисциплина, а была частью курса истории Грузии.

Как рассказал в интервью один из экспертов,

«в советское время вопрос о преподавании родной истории вообще не стоял. Грузинский политический режим и вся система образования, в общем, были против этого. Постановка вопроса о преподавании истории [Абхазии] в ВУЗах стала возможна только после событий 1977-1978 годов.²¹ Тогда начали писать первые вузовские учебники, которые, естественно, должны были проходить серьезную цензуру. То, что писалось, отсылалось в Тбилиси для одобрения. В школах мы не учили историю Абхазии. Даже историю Грузии начали преподавать после вот тех событий конца 70-ых. Мыслилось, что в этом курсе истории Грузии будет часть, посвященная истории Абхазии, но я, честно говоря, не помню, чтобы мы ее проходили. И только после войны [1992-1993 гг.], даже во время войны, в Гудауте была создана рабочая группа, которая создала программу преподавания истории Абхазии в школах. Сейчас она преподается во всех школах».²²

В ходе работы с интервью абхазских экспертов стало очевидно, что разногласий по поводу необходимости создания собственного учебника по истории Абхазии между ними не было. Все они негативно оценивали действия грузинского советского политического руководства, всячески блокировавшего и подвергавшего жесткой цензуре научные работы, авторы

19 И.Г. Марыхуба (1993 г.). *Об абхазах и Абхазии: историческая справка*. Сухум; И.Г. Марыхуба (1994 г.). Указ. соч., стр. 40-53.

20 Г.А. Меликишвили и О.Д. Лордкипанидзе (1989 г.). *Очерки истории Грузии*. Мецниереба: Тбилиси, стр.188-335.

21 Здесь имеются в виду письма от абхазской творческой интеллигенции, направленные высшему партийному руководству СССР, и ответные Постановления советского руководства, в которых, в частности, говорится о принятии Центральным Комитетом КПСС и Советом Министров СССР предложения ЦК КП Грузии и Абхазского обкома партии об организации в Сухуми Государственного университета, о поставленной перед Президиумом Верховного Совета Грузинской ССР и Президиумом Верховного Совета Абхазской АССР задаче решить все спорные вопросы по топонимике Абхазской АССР, а также о поэтапном решении вопроса организации телепередач на абхазском и других языках.

22 Интервью с И. Куакуаскир, Сухум, 24. 10. 2011 г.

которых утверждали, что абхазы – коренной народ, заселивший территорию Абхазии в древние времена и исконно на ней проживающий. Практически все информанты оценивали продвижение теорий, отрицавших этот факт, как важный фактор, способствующий дальнейшему разжиганию конфликта.

«Ученные постоянно полемизировали. Грузинские ученые писали, что абхазы – это пришлые элементы на территории Абхазии, а грузины являются аборигенами на этой земле. Естественно, абхазские ученые приводили свои аргументы и предоставляли свою документальную базу и аргументацию. После войны, когда встал вопрос о создании учебника, выясняется, что у нас сама историческая наука не современна. Потому что в самой советской исторической школе были издержки советской идеологии, также были издержки грузинской исторической науки. В итоге вся наша историография, все наши книги, материалы, в том числе и библиографические – это все материал 50-х, 70-х, 80-х годов издания. Вся история строилась на основе “монизма в истории”, классовый подход, марксистско-ленинский подход, исторические события рассматривались исходя из классовых противоречий и марксистско-ленинской теории...естественно наши учебники [постсоветские] будут выступать в противовес грузинским учебникам, так как у нас диаметрально противоположные интерпретации исторических событий. Принцип наших учебников состоит в том, что мы только показываем, к сожалению, пока развитие исторического процесса как бы с политических аспектов истории».²³

Это мнение разделяет и другой информант:

«Естественно, что история очень идеологизирована. Мы от этого не можем отойти из-за психологических моментов. Причины в том, что долгое время отечественная история запрещалась, в том, что оспаривалась, в том, что грузинские ученые нам говорили, что у вас нет истории, а мы им доказывали обратное».²⁴

Как следует из интервью, понимание необходимости создания учебника по истории Абхазии и абхазского народа зрело давно. Развивавшийся с конца 1988 года конфликт между грузинскими и абхазскими историками вылился в острые дискуссии на съездах народов Кавказа, при учреждении Конфедерации горских народов и при издании абхазской газеты «Аидгылара». Тогда же было опубликовано (провокационное) открытое письмо З. Гамсахурдия «к грузинам Северо-Западной Грузии» (проживавшим на территории Абхазии), в котором автор давал инструкции по поведению в отношении абхазов и призывал своих сторонников «всеми силами бороться с апсуйскими сепаратистами».²⁵ Возникшее противостояние нашло отражение в дискуссиях вокруг содержания учебников по истории Абхазии и способствовало активизации работы по их созданию.

23 Интервью с И. Куакуаскир, Сухум, 24. 10. 2011 г.

24 Интервью с И. Куакуаскир, Сухум, 24. 10. 2011 г.

25 В. Шнирельман (2003 г.). *Указ. соч.* стр. 399-403.

Первой попыткой издания отдельного учебного пособия по истории Абхазии стала книга под редакцией Анчабадзе З.В., Дзидзария Г.А. и Куправа А.Э., выпущенная в 1986 году.²⁶ По словам одного из информантов, профессора, кандидата исторических наук С.З. Лакоба: «...пожалуй, единственным плюсом издания данного учебника можно считать то, что он назывался *История Абхазии*. При подготовке этого пособия авторов неоднократно вызывали в ЦК КП Грузии для согласования с партийными чиновниками содержания пособия».²⁷ Как следует из слов моего собеседника, концептуально содержание учебника носило грузиноцентристский характер, и было во многом компромиссным. В главах, посвященных наиболее острым вопросам, связанным с освещением событий периода раннего средневековья, предлагалась версия, основанная на умолчаниях и упрощениях.

Как рассказал один из авторов первого послевоенного учебного пособия «История Абхазии»:²⁸

«Практически в военных условиях (15-16 июля 1989 года пролилась первая кровь) мы начали работу над первым абхазским учебным пособием по истории Абхазии. Работа велась в рамках АБНИИ [Абхазский научно-исследовательский институт], директором которого в то время был Владислав Ардзинба.²⁹ Была создана историографическая база с подборкой документов и исследований, свидетельствующих об абхазах как о едином народе, сформировавшемся в раннем средневековье на территории Абхазии. В эту базу также вошли некоторые материалы из грузинской периодической печати 90-х годов XIX века. Писать учебника начали еще при СССР в декабре 1990 года. В это время уже не было политико-научной цензуры со стороны Грузии. В написании учебника принимали участие В. Г. Ардзинба, Ю. Н. Воронов, С. З. Лакоба, О. Х. Бгажба, В. А. Чирикба, Р. Н. Кацья и другие абхазские ученые. В основу учебника легли новые материалы, представляющие другую [опровергающую теории грузинских историков] трактовку Абхазского царства, христианизации Абхазии, описывающие церковно-византийскую архитектуру [Абхазии]. Были [введены в оборот] документы о грузинской колонизации Абхазии в XIX веке, о снятии виновности³⁰ с абхазов»³¹

26 З.В. Анчабадзе, Г.А. Дзидзария и А.Э. Куправа (1986 г.). *История Абхазии*. Алашара: Абхазский государственный университет.

27 Интервью со С. Лакоба, Сухум, 28. 10. 2011 г.

28 С.З. Лакоба (ред.) (1993 г.). *Указ. соч.*

29 В. Ардзинба – 1992 г. – председатель абхазского Государственного комитета обороны, возглавивший национально-освободительную борьбу народа Абхазии. С 1994 по 2004 гг. – Президент Республики Абхазия. Авторский коллектив состоял из историков, археологов, этнографов, фольклористов, литературоведов, искусствоведов, работавших над созданием отдельных разделов, охватывавших историю и культуру Абхазии.

30 «Усиление национально-колониального гнета привело в 1877 г. к новому возмущению в Абхазии. Эти движения оказались тесно связанным с событиями русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Выступление абхазского населения на стороне Турции повлекло за собой более сильные, чем в 1866 году, политические репрессии. За участие в этом восстании почти все абхазское население Гудаутского и Кодорского участков было объявлено «виновным». Абхазам, за исключением некоторых представителей высших сословий, запрещалось селиться вблизи побережья, проживать в Сухуме и в опустевших «местечках» Гудаута, Очамчире». (Там же, стр. 201-202)... «В декабре 1906 года предложение о снятии «виновности» с абхазского народа поддержал Председатель Совета Министров царской России, министр внутренних дел П.А. Столыпин, а 27 апреля 1907 г. Николай II отменил царское повеление от 31 мая 1880 г. Спустя месяц генерал Павлов и Вейденбаум после торжественного молебна в Лыхненской церкви огласили воззвание о снятии «виновности» с абхазского населения». (Там же, стр. 227)

31 Интервью с С. Лакоба, Сухум, 28. 10. 2011 г.

Авторы предложили свою версию процессов советизации и коллективизации, которые были представлены как достаточно мирные процессы. На основе новых документов был описан процесс присоединения Абхазии к России. Данное учебное пособие, предназначенное для использования в школах и вузах Абхазии, было напечатано (на русском языке) перед началом грузино-абхазской войны, однако во время войны основной тираж был утерян или уничтожен в оккупированном Сухуме. (Небольшое количество экземпляров оказалось в архивах и библиотеках). В 1993 году было принято решение переиздать учебник, и в том же году, в Гудауте, был отпечатан новый тираж.

После грузино-абхазской войны 1992-1993 годов система образования в Абхазии претерпела значительные изменения. Главным нововведением стало создание абхазской национальной школы и введение обязательного изучения абхазского языка. В качестве существенных признаков «подлинно национальной школы» рассматривались абхазский язык обучения и абхазская национально-культурная основа образования. Предполагалось, что такая школа будет способствовать становлению новых поколений носителей этнокультурных традиций народа на основе полноценного владения родным языком.

Тот факт, что в новой школе изучению абхазского языка отводится ключевая роль, отражен и в «Концепции национального образования Республики Абхазия», утвержденной Министерством образования в 1996 году. В Концепции неоднократно подчеркивается, что «Изучение абхазского языка как государственного должно стать обязательным во всех учебных заведениях независимо от языка обучения, ведомственной подчиненности и организационно-правовых форм»³²...«На нынешнем этапе развития образования необходимо осуществить переход на абхазский язык обучения по всем образовательно-профессиональным программам».³³ Особый акцент на необходимости изучения национального языка, а также изучения на нем школьных предметов можно объяснить, прежде всего, дискриминацией абхазского языка во времена существования Абхазской автономной республики в составе Грузинской ССР. Тогда абхазский язык в системе школьного образования находился «под запретом».

Учебник «История Грузии»

Четвертое издание советского учебника по истории Грузии, которое мы рассматриваем в рамках данной статьи, было утверждено Министерством просвещения ГССР и вышло в 1987 году (на русском языке).³⁴ Интерпретации исторических событий и процессов исходят из признания значимости марксистско-ленинских принципов строительства социализма и подходов к изучению истории.

32 Министерство образования РА (1996 г.). Концепция национального образования Республики Абхазия, Сухум.

33 Там же.

34 В. Гуча и Ш. Месхиа (1987 г.). Указ. соч.

Учебник начинается описанием первобытнообщинного строя в Грузии и рассматривает историческое развитие грузинского народа, связывая его с территорией советской Грузии. Ритуальные фразы о «многонациональности» населения Грузии и о «подлинной дружбе» населяющих ее народов³⁵ соседствуют с редким использованием этнических категорий, призванных обозначить присутствие этих народов в истории Грузии. Учебник сообщает о следах проживания человека дородовой эпохи и эпохи неолита во многих уголках страны, особенно отмечая, помимо прочих, села «Кведа Иаштхва (близ г. Сухуми) и Кистрики (окрестности г. Гудаута)»³⁶ – территории современной Абхазии. В учебнике не приведена (или приведена крайне скудная) информация о том, какие племена (кроме «грузинских») заселяли в это время соответствующие районы:

«Грузинские племена и племенные союзы имели оживленную связь с культурными народами Древнего Востока. Непосредственными соседями грузинских племен на юге были хетты, митанийцы и урарты, которые на Древнем Востоке образовали сильные государства. После падения государства Урарту на юге соседями грузинских племен стали армяне, а на севере – различные кавказские племена».³⁷

Единственное упоминание о древних абхазах мы встречаем в описании последствий распада Древнеколхского царства:

«В I–II вв. на развалинах Древнеколхского царства образовались: Лазское, Аписильское, Абазгское и другие княжества, среди которых особенно усилилось Лазское».³⁸

Изданные позже абхазские учебные пособия утверждают, что именно абхазские племена (аписилы, абагты, саниги, мисимиане и др.) были соседями грузинских племен с севера.

Содержание «Истории Грузии» (1987 г.) в части, посвященной периоду советизации, состоит из описания подготовки и проведения Великой Октябрьской Социалистической Революции, борьбы Советской власти против «меньшевистского правительства в Грузии» и «иностранных оккупантов», победы и упрочения советской власти в Грузии, восстановления ее народного хозяйства и др. Мы обнаруживаем указания на особую роль грузин в процессе установления и укрепления советской власти, остальные народы перечисляются в списке их «помощников». «Вместе с грузинами здесь живут и трудятся, стремясь к лучшему будущему, абхазы, осетины, русские, азербайджанцы, армяне»,³⁹ – говорится в предисловии к учебнику.

35 «Грузия – многонациональная республика. Вместе с грузинами здесь живут и трудятся, стремясь к лучшему будущему, абхазы, осетины, русские, азербайджанцы, армяне. В труде и в бою сообща закладывался фундамент к их сближению, что в период Советской власти переросло в подлинную дружбу» (*Там же*, стр. 3).

36 *Там же*, стр. 6.

37 *Там же*, стр. 10.

38 *Там же*, стр. 25.

39 *Там же*, стр. 3.

Указания на «дружбу народов», якобы ставшую возможной вследствие эффективной реализации ленинских принципов национальной политики, сочетаются с замалчиванием фактов межэтнических конфликтов и трений между народами, населявшими СССР и, в частности, Грузию, недовольства политикой строительства единой однородной грузинской нации. К учебнику могут быть предъявлены те же претензии, которые авторы письма «Ста тридцати» предъявляли грузинскому правительству в конце 1970-х: «грузиноцентризм», непризнание за другими народами, населяющими Грузию, самостоятельной исторической субъектности и т.п.

Первый учебник «История Абхазии»

Древняя история

В учебнике «История Абхазии», изданном в 1993 году,⁴⁰ знакомство учащихся с историей этой страны начинается с описания «этногенеза древнеабхазских племен», отнесенного к каменному веку, абхазского языка и его близкородственных связей с языками Западного Кавказа, а также первобытнообщинного строя и раннеклассовых образований на территории Абхазии.

В предисловии этого коллективного труда отмечается, что он «охватывает значительные хронологические рамки и содержит ряд принципиально новых оценок исторического прошлого, основанных на документальном материале. История абхазского народа – коренного населения Абхазии – рассматривается не изолированно, а в тесном взаимодействии с другими народами и политико-культурными центрами древнего и средневекового мира. Необходимое внимание в учебном пособии уделено трагическим этапам истории XIX и XX столетий».⁴¹ На смену разговорам о «подлинной дружбе» приходит указание на «многие острые проблемы политических событий в Абхазии на разных этапах ее богатой истории».⁴² Авторы пособия описывают советское время как «период сложнейшего, трагического и полного противоречий советского общественного эксперимента».⁴³ Например, согласно тексту учебника, «опыт национально-государственного строительства в СССР показал, что такие акции, как ликвидация договорной федерации Абхазии с Грузией и др., нанесли огромный ущерб укреплению дружбы между большими и малочисленными народами».⁴⁴

Повествуя о происхождении абхазского народа, авторы ссылаются на древнегреческие, а затем и древнеримские письменные источники, сообщающие о «населявших Абхазию

40 С.З. Лакоба (ред.) (1993 г.). *Указ. соч.*

41 *Там же*, стр. 3.

42 *Там же*, стр. 3.

43 *Там же*, стр. 3.

44 *Там же*, стр. 339.

древнеабхазских племенах – апсилах, абасгах, санигах, мисимианах и др.».⁴⁵ Ссылаясь на академика Н.Я. Марра, они пишут, что «видоизменение древних названий “абасг”, “Абасгия” в “абхаз”, “Абхазия” произошло на западнокартвельской (мегрельской) языковой почве. Именно в таком виде указанные термины проникли в грузинский язык, а через него – и в другие языки мира».⁴⁶

Доказательством древности абхазского народа и его укорененности на территории современной Абхазии служат указания на археологические артефакты, в которых авторами «просматриваются влияния из Фригии и прилегающих районов Северо-Восточной Анатолии. В кинжалах, шлемах, бляхах, поясах хорошо видно воздействие культуры Урарту, в пекторальных – Ирана, в фибулах – островной Греции через Малую Азию».⁴⁷ Предполагается, что все эти артефакты свидетельствуют о древности абхазов, о том, что древнеабхазские племена самостоятельно (без какого либо посредства древнегрузинских племен) общались с древними цивилизациями Востока и имели разносторонние связи с соседями.

Начало советского периода

Что касается периода советизации и строительства Абхазской автономной республики в составе ГССР, то в абхазском учебнике 1993 года он разделен на два периода. Раздел III, глава 6 описывает события 1917-1921 гг., раздел IV, глава 1 – события 1921-1941 гг.

В 6 главе раскрыты такие события (не рассматривавшиеся ранее в советских учебниках по истории), как учреждение по итогам совещания представителей населения Сухумского округа 10 марта 1917 года местного органа Временного правительства в Абхазии и Комитета общественной безопасности под председательством абхазского князя А. Г. Шервашидзе (Чачба), а также милиции во главе с Таташем Маршания. В том же году, 20 октября, делегация абхазского народа во главе с председателем Временного правительства и Комитета общественной безопасности Абхазии принимают участие в подписании «союзного договора», на основании которого учреждается Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей⁴⁸. В соответствии с этим Договором, с 16 ноября в Екатеринодаре начало функционировать Объединенное правительство Юго-Восточного Союза (ЮВС).

В учебнике, в частности, говорится, что 28 ноября 1917 года Объединенное правительство ЮВС приняло «Декларацию», в которой отмечалось:

45 Там же, стр. 5.

46 Там же.

47 Там же, стр. 35.

48 В состав этого Союза вошли: Донские, Кубанские, Терские, Астраханские, Уральские казачьи войска, горцы Северного Кавказа, Дагестана, Сухумского (представители вышеуказанных органов Временного правительства в Абхазии и Комитета общественной безопасности) и Закатальского округов, а также вольные степные народы Астраханской и Ставропольской губерний.

«Признавая демократическую федеративную республику наилучшей формой государственного устройства России, Юго-Восточный Союз в своей практической деятельности будет держаться линии поведения, свойственной сторонникам федеративной формы правления. Гарантируя своим членам полную независимость их внутренней жизни, Союз обязуется содействовать им всеми союзными средствами в подготовке их внутреннего устройства как самостоятельных штатов будущей Российской Демократической Федеративной Республики».⁴⁹

В состав ЮВС входил Союз объединенных горцев Кавказа (СОГК), основанный в мае 1917 года на 1-ом Горском съезде. В ноябре этого же года СОГК образовал Горскую республику, в правительство которой вошел и представитель Абхазии. Как следует из учебного пособия, одной из главных задач деятельности вышеупомянутых органов была подготовка съезда представителей всего абхазского народа. На состоявшемся 8 ноября 1917 г. всеобщем съезде был образован Абхазский Народный Совет – местный орган власти Союза горцев. Этот Совет принял Декларацию и Конституцию Абхазского Народного Совета, подчеркнувшие самоопределение абхазского народа. В Декларации съезда, в частности, отмечалось:

«В переживаемое тревожное время, когда многое разрушается до основания и многое создается заново, когда радикально меняются условия и обстановка жизни всей России, и, следовательно, Абхазии – каждый народ должен чутко следить за тем, чтобы его права и интересы не пострадали от покушений и не были бы забыты при переустройстве России на новых началах. Абхазский народ уверен в том, что его братья – горцы Северного Кавказа и Дагестана – поддержат его в тех случаях, когда он будет защищать свои права. Одной из следующих важных задач Абхазского Народного Совета является работа по самоопределению Абхазского народа».⁵⁰

Включение авторами в содержание учебного пособия по истории Абхазии упомянутых событий призвано ознакомить учащихся с процессами внутри абхазского общества, связанными с построением собственной государственности. Авторы предпринимают попытку обосновать становление абхазской государственности вне зависимости от событий, протекавших в то время в Грузии. Эта линия на обозначение абхазских органов власти как самостоятельного и равного Грузии игрока на политической сцене продолжается и дальше. Указывая на двусторонние правовые формы грузино-абхазских взаимоотношений, основанных на юридически-обязывающих взаимных равноправных соглашениях, авторы так излагают связи Абхазского Народного Совета (АНС) с Национальным Советом Грузии (НСГ):

«АНС был создан раньше Национального Совета Грузии (НСГ) и находился в организационной связи с Союзом объединенных горцев Кавказа. Однако с ужесточением

49 Там же, стр. 281.

50 Там же, стр. 283.

событий гражданской войны на Северном Кавказе эти связи оказались ослабленными. В этих сложных условиях произошли первые контакты АНС с Национальным Советом Грузии. На совещании в Тифлисе 9 февраля 1918 года абхазская делегация во главе с князем А.Г. Шервашидзе стремилась иметь «с Грузией лишь добрососедские отношения, как с равным соседом». Представитель Национального Совета Грузии А. Чхенкели в беседе с Александром Шервашидзе пытался поставить вопрос о выходе Абхазии из состава Союза горцев Кавказа. В тот же день между АНС и НСГ было заключено соглашение „по вопросу об установлении взаимоотношений между Грузией и Абхазией”. Соглашение включало следующие три пункта:

1. Воссоздать единую нераздельную Абхазию в пределах от р. Ингур до р. Мзымта, в состав которой войдут собственно Абхазия и Самурзакань или, что то же самое, нынешний Сухумский округ.
2. Форма будущего политического устройства единой Абхазии должна быть выработана (в соответствии) с принципом национального самоопределения на Учредительном собрании Абхазии, созванном на демократических началах.
3. В случае, если Абхазия и Грузия пожелают вступить с другими национальными государствами в политические договорные отношения, то они взаимно обязуются иметь предварительные между собою по этому поводу переговоры». ⁵¹

Из сказанного ученик может сделать вывод о равноправности грузино-абхазских взаимоотношений того времени и необоснованности утверждения некоторых грузинских историков о том, что «с этого времени Абхазии предоставлялась широкая автономия в составе Грузии». ⁵² С одной стороны, в процитированном документе нет ни слова об автономии, с другой – 9 февраля 1918 года Грузия еще не была провозглашена независимой республикой и входила вместе с Арменией и Азербайджаном в состав Закавказской Демократической Федеративной Республики. Абхазия же продолжала оставаться в составе Союза Горцев Кавказа. Соответственно, ни о каком предоставлении Грузией Абхазии *широкой автономии* в соглашении речь идти не могла. Авторы подчеркивают, что оно было призвано установить равноправные взаимоотношения между Абхазией и Грузией как двумя независимыми друг от друга государствами.

Учебник повествует о событиях, произошедших на Батумской мирной конференции (11-26 мая 1918 г.), из протокола первого заседания которой «известно, что обсуждался вопрос Северо-Кавказской Республики («Горской республики»). В тот же день было объявлено о независимости республики и об отделении ее территории от Советской России. В состав Северо-Кавказской Республики вошли Дагестан, Чечено-Ингушетия, Осетия, Карачаево-

⁵¹ Там же, стр. 285.

⁵² Там же.

Балкария, Кабарда, Абхазия и Адыгея. Только через 15 дней после этого события распалась Закавказская федерация, и Грузия была провозглашена демократической республикой...».⁵³

В данном учебнике распад созданной 9 апреля 1918 года Закавказской Демократической Федеративной Республики и образование независимых Грузинской, Армянской, Азербайджанской Демократических республик описаны как результат давления со стороны Турции и Германии.⁵⁴ В отличие от советского учебника по истории Грузии (1987 г.), где образование Грузинской демократической республики преподносится как «обман грузинского народа» и оккупация Грузии иностранными войсками,⁵⁵ в абхазском учебнике (1993 г.) «объявление независимости Грузии становится необходимостью, так как это единственный путь, который сможет спасти страну от захвата Турцией при помощи немцев».⁵⁶

Перечисление всех этих событий можно рассматривать как попытку показать, что на момент провозглашения Акта о независимости Грузии Абхазия находилась вне территориальных пределов и правовой юрисдикции Грузии. Характер заключенных в 1918 году правительственных соглашений между странами-участниками Батумской конференции, по мнению составителей учебного пособия, свидетельствует о существовании независимой от Грузии Абхазии, а также об отсутствии со стороны руководства Грузии того времени сомнений по поводу исторического права абхазского народа на Абхазию в пределах от р. Мзымта до р. Ингур.

Важное место в пособии занимает описание участия абхазского народа в борьбе за установление советской власти в Абхазии и налаживания связей с РСФСР и «лично с В. И. Лениным, его соратниками, а также с руководством Сочинского Совета»,⁵⁷ а подавление Советской власти в Абхазии (в 1918 г.) изложено как установление режима

⁵³ Там же, стр. 289.

⁵⁴ Цитируем учебник: «Турецкая делегация по договоренности со своим союзником Германией потребовала немедленной ликвидации Закавказской федерации... 26 мая 1918 г. Турецкая делегация предъявила ультиматум о немедленной ликвидации ЗДФР (исламский Азербайджан ориентировался на Турцию, а христианские Армения и Грузия – на Германию). В тот же день федерация рухнула и 26 мая 1918 г. образовалась Грузинская Демократическая Республика, 27 мая – Азербайджанская, а 28 мая – Армянская. В день образования Грузинской республики был принят акт о ее независимости (26 мая 1918 г.), который не определял границ Грузии» (Там же, стр. 289).

⁵⁵ «Не признавая условий Брестского мира, Закавказский Сейм [представительный орган ЗДФР] приступил к сепаратным переговорам с Турцией. Переговоры оказались безрезультатными. Возобновив наступление, турки захватили Карский и Батумский округа, вторглись в Грузию. 22 апреля 1918 года по наущению немецких оккупантов Сейм объявил „независимость“ Закавказья от России, 26 мая 1918 года Сейм распался. Большевики объявили Грузию независимой демократической республикой» (В. Гучуа и Ш. Месхиа (1987 г.). Указ. соч., стр. 205). Далее авторы этого учебника, ссылаясь на цитату В.И. Ленина, указывают, что «объявление меньшевиками «независимой демократической республики» оказалось явным обманом. На деле это была оккупация. Это был «союз немецких штыков с меньшевистским правительством против большевистских рабочих и крестьян». (Там же).

⁵⁶ С.З. Лакоба (ред.) (1993 г.). Указ. соч., стр. 292.

⁵⁷ Там же, стр. 286-287. В советском учебнике по истории Грузии соответствующие события отражены одним предложением: «Восстание увенчалось победой и в Абхазии, где Советская власть продержалась 40 дней» (В. Гучуа и Ш. Месхиа (1987 г.). Указ. соч., стр. 204).

военной диктатуры грузинских меньшевиков в Абхазии, которые были против появления в Абхазии Советской власти, имевшее целью слияние Абхазии с Грузией:

«Просуществовавшая в Сухуми более 40 дней (с 8 апреля по 17 мая 1918 г.) Советская власть была ликвидирована... После подавления большевистского выступления в Сухуме в мае 1918 г. грузинские меньшевики вспомнили об Абхазском Народном Совете и решили возродить этот Совет в новом составе и под новым грузинским, а не горским влиянием, чтобы окончательно привести Абхазию к слиянию с Грузией».⁵⁸

При обосновании современного права на независимое существование тема утраченной государственности оказывается центральной.

Современное учебное пособие по истории Абхазии

Пособие по истории Абхазии, изданное в 2010 году,⁵⁹ как и первое постсоветское (1993 г.), охватывает историю Абхазии с древнейших времен до наших дней. Изложение начинается с описания жизни первобытных людей на территории Абхазии, идентификации абхазов как древнейших жителей Кавказа, описания их верований и абхазского языка как части абхазо-адыгской языковой группы и т.п. В содержание пособия кроме тем, освещенных в пособии 1993 года, включены современные политические события, в том числе и война 1992-1993 гг.

Как следует из текста учебного пособия, после победы Советской власти в Абхазии⁶⁰ в результате переговоров, проведенных представителями органов власти Абхазии и Грузии, было принято решение об образовании независимой ССР Абхазии. Авторы упоминают о «сложных национальных взаимоотношениях» в регионе как об одном из факторов достигнутых политических договоренностей:

«Новой [советской] власти досталось разрушенное народное хозяйство и сложные национальные взаимоотношения. Особенно остро встал национальный вопрос. Власти незамедлительно приступили к его решению. Руководствуясь "Декларацией прав народов России", 26 марта 1921 г. на расширенном заседании Оргбюро РКП(б) и Ревкома было решено объявить Абхазию Советской Социалистической Республикой.

58 С. З. Лакоба (ред.) (1993 г.). Указ. соч., стр. 287-289.

59 И. Куакуаскир (2010 г.). Указ. соч.

60 Как следует из текста учебного пособия, «в начале 1921 г. Кавказское бюро большевиков начало подготовку вооруженного восстания в Абхазии. Были созданы Временный окружной комитет партии и Временный ревком в составе Е. Эшба, Н. Лакоба, Н. Акиртава. Абхазский повстанческий отряд под командованием Н. Акиртава совместно с частями Красной Армии выступил против меньшевистской Грузии на границе с Россией по р. Псоу. 22 февраля была установлена советская власть в Гагре, 26 февраля – в Гудауте. 4 марта 1921 г. Красная Армия и повстанческие отряды освободили Сухум. 6 марта 1921 г. Советская власть была установлена в Очамчыре, 8 марта – в Гале. К 10 марта 1921 г. Советская власть была установлена во всей Абхазии» (Там же, стр. 206).

По договоренности С. Орджоникидзе с Е. Эшба, 28 марта в Батуме состоялось совещание ответственных работников Кавбюро ЦК, в котором приняли участие С. Орджоникидзе, С. Кавтарадзе, Е. Эшба, Н. Лакоба и др. Совещание одобрило решение руководства Абхазии об образовании независимой ССР Абхазии. 21 мая 1921 г. Ревком Грузии подписал декларацию «О независимости Социалистической Советской Республики Абхазия».⁶¹

Произошедшая вслед за провозглашением ССР Абхазия трансформация статуса этого государственного образования ассоциируется с активным неприятием самой идеи независимой Абхазии И.В. Сталиным. Переход к автономии в составе ГССР охарактеризован как первый шаг грузинского руководства на пути поэтапной ликвидации независимости Абхазии, а Сталин («грузин по национальности») оказывается наиболее заинтересованным в этом процессе лицом:

«...вскоре независимость Абхазии оказалась под угрозой. По воле Сталина началась закулисная кампания по ее ликвидации. На заседании пленума Кавбюро ЦК 5 июля 1921 г. (с участием Сталина и членов Кавбюро) была рассмотрена ситуация в Абхазии. Пленум постановил: «Партийную работу вести в направлении объединения Абхазии и Грузии в форме автономной республики, входящей в состав ССР Грузии». Так была предрешена судьба независимости Абхазии... Абхазия пыталась установить договорные отношения с Россией, но все ее попытки пресекались Сталиным, который и слышать не хотел о независимой Абхазии... 16 ноября 1921 г. Кавбюро ЦК приняло постановление о нецелесообразности существования экономически и политически независимой Абхазии и о ее вхождении в Грузию на договорных началах».⁶²

По версии, высказанной в учебнике, в договоре от 16 ноября юридически речь шла об учреждении федерации на основе объединения двух равноправных республик (Абхазии и Грузии), а не о вхождении одной из них в состав другой. Как сообщает учебник, в 1-ом пункте союзного договора, подписанного 16 декабря 1921 г., его стороны обозначаются как «Социалистическая Советская Республика Грузии и Социалистическая Советская Республика Абхазии».⁶³ Кроме того, автор обращает внимание на «особое положение Абхазии в ЗСФСР,⁶⁴ Союзе ССР, а также и в Грузинской ССР, [которое] было закреплено в Основном законе страны. Статья 5 определяла Абхазию как суверенное государство, осуществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти».⁶⁵

61 Там же, стр. 206.

62 Там же, стр. 207-208.

63 «Социалистическая Советская Республика Грузии и Социалистическая Советская Республика Абхазии вступают между собой в военный, политический и финансово-экономический союз» (Там же, стр. 211).

64 ЗСФСР – Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика, в состав которой входили Грузия, Армения, Азербайджан.

65 Там же, стр. 208-209.

Окончательная ликвидация независимости Абхазии ассоциируется с постановлением от 11 февраля 1931 г., которое преподносится автором как результат системы целенаправленных действий грузинского правительства и лично Сталина: «Как следствие предшествовавших процессов, 11 февраля 1931 г. VI съезд Советов Абхазии принял соответствующее постановление о преобразовании договорной ССР Абхазии в автономную республику. Так по воле Сталина и его окружения была решена судьба договора от 16 декабря 1921 г.».⁶⁶

Если в *Истории Грузии* (1987 г.) процесс преобразования Социалистической Советской Республики Абхазии в автономную республику в составе Грузинской ССР рассматривается в перспективе успешного строительства социализма, которое требовало «искоренения вражды и недоверия среди народов, обеспечения и укрепления взаимопонимания и дружбы между ними»,⁶⁷ то в абхазских учебных пособиях 1993 и 2010 гг. издания этот акт трактуется совершенно иначе: «Опыт национально-государственного строительства в СССР показал, что такие акции, как ликвидация договорной федерации Абхазии с Грузией и др., нанесли огромный ущерб укреплению дружбы между большими и малочисленными народами».⁶⁸

К началу 1930-х годов авторы относят первые выступления абхазского народа, недовольного политикой советской власти. Предполагается, что включение ССР Абхазии в Грузинскую ССР и проведение принудительной коллективизации вызывали бурю возмущений, выразившихся в «общенародных абхазских сходах», которые «выражали недоверие национально-государственной политике советской власти, направленной на ущемление прав абхазского народа».⁶⁹

В учебнике переопределена роль «национального признака» в советском обществе. На смену советским представлениям о том, что в СССР права всех народов были полностью защищены, приходит убеждение, что национальный фактор существенно влиял на неравное распределение ресурсов и возможностей. В частности, в качестве этнически мотивированных рассматриваются репрессии 1930-х годов:

«Сталинские и Бериевские репрессии в Абхазии проводились по национальному признаку... Грубейшим образом происходило поправление прав абхазского народа. Ускоренными темпами проводилась грузинизация. В 1938 г. ни в одном из учреждений Абхазии «нельзя было найти ни одного абхаза: все должности, от высших до низших, были заняты пришлыми людьми»... Обучение детей в абхазских школах было

66 Там же, стр. 210.

67 «Успешное строительство социализма требовало искоренения вражды и недоверия среди народов, обеспечения и укрепления взаимопонимания и дружбы между ними. Для осуществления этих задач в соответствии с ленинской национальной политикой были созданы Абхазская и Аджарская автономные Советские Социалистические Республики и Юго-Осетинская автономная область» (В. Гучуа и Ш. Месхиа (1987 г.). *Указ. соч.*, стр. 212).

68 С.З. Лакоба (ред.) (1993 г.). *Указ. соч.*, стр. 339.

69 Там же.

переведено с абхазского на грузинский язык, абхазская письменность – на грузинскую графическую основу. Первый секретарь Абхазского обкома Компартии Грузии Мгеладзе безапелляционно заявил: «Такого языка, как абхазский, не существует. Абхазы говорят на испорченном грузинском языке, для исправления которого сейчас принимаются энергичные меры»⁷⁰.

И далее:

«С 1937 по 1953 г. из внутренних районов Грузии в Абхазию переселены десятки тысяч грузин, что значительно увеличило их численность (6 процентов в 1886 г.; 24 процента в 1897 г.; 30 процентов в 1939 г.; 40 процентов в 1959 г.). Массовые переселения преследовали одну цель: ассимиляцию коренного населения – абхазов – в грузинской этнокультурной среде».⁷¹

Таким образом мы видим, что в содержании данного учебника, в части описанного периода, одна из ключевых заложенных автором идей заключается в представлении учащимся информации о сложных этапах борьбы абхазского народа за сохранение своей этнокультурной самобытности и об усилиях грузинского республиканского руководства, направленных на ущемление их прав.

Заключение

Как отмечает И. Звягельская, «этничность как средство мобилизации может быть использована тогда и там, где противопоставление – „мы“ и „они“ – воспринимается как взаимоисключающее, как „их“ стремление размыть „нашу“ культурную самобытность, поставив этнос на грань вымирания и растворения в доминирующей этнической группе (или претендующей на такое доминирование)».⁷² Рассматривая в этом контексте содержание абхазских учебников, можно сказать, что изложение исторических событий выбранного периода строится на противопоставлении интересов республиканского руководства Грузинской ССР и интересов абхазского народа.

Справедливость самих принципов советской национальной политики (например, права наций на самоопределение) не ставится под вопрос. Вина за то, что эти принципы не были реализованы в отношении абхазского народа, возлагается на руководство Грузинской ССР и лично на Иосифа Сталина, чьи действия в отношении Абхазии характеризуются как действия «грузина», неприязненно относящегося к абхазам. Отказ признавать

70 Там же, стр. 213-214.

71 Там же, стр. 215.

72 И. Звягельская (2008 г.). *Специфика этнополитических конфликтов и подходы к их урегулированию*. Навона: Москва, стр. 25.

самостоятельность Абхазии современным руководством Грузии оценивается как продолжение советской линии на «ликвидацию независимости Абхазии».

В абхазских учебниках проводится линия на формирование в сознании подрастающего поколения представления о вине советского и современного руководства Грузии в вооруженном конфликте, начавшемся в ходе демонтажа СССР. Признавая справедливость становления (возрождения) собственной независимой государственности на развалинах СССР, руководство Грузии отказало в реализации соответствующего права Абхазии. Акцентируя внимание на том, что Абхазия была (в течение некоторого времени) равной Грузии союзной республикой, авторы доказывают равное с Грузией право на собственную государственность сегодня.

ГЛАВА 6

«Тюрьма» и «дружба народов» в советских и постсоветских учебниках истории СССР/России

Оксана Карпенко

Введение

Споры вокруг содержания учебников истории России как наиболее распространенного и (вынужденно) читаемого источника знания об исторических событиях и принятых в обществе оценках, ведутся с середины 1990-х гг.¹ Сегодня обсуждение их содержания идет на фоне более общих дискуссий вокруг фигуры И.В. Сталина и феномена «сталинской модернизации», ответственности СССР за развязывание Второй мировой войны и оценок Победы в ней СССР, обвинений советского режима в «оккупации» территорий бывших советских республик, оценок современного политического режима в России и др.

Исследователи реформ в области исторического образования предлагают различные варианты их периодизации,² но едины в оценке 1980-1990-х годов как периода утраты государством контроля над содержанием школьного исторического образования, а 2000-х – как его (государства) возврата. На основе различий в оценках тенденции 2000-х годов наблюдателей и участников реформ можно условно разделить на два лагеря: «государственники» и «либералы».³

Обвинение в «либеральном подходе в изложении истории XX века» впервые с успехом использовано как аргумент в борьбе с оппонентом в «Деле Кредера» (1997 г.).⁴ В ходе

-
- 1 В 1990-х годах наблюдался резкий рост интереса к школьным учебникам по истории, в целом к преподаванию истории в средней школе; рост количества научных публикаций, посвященных анализу школьных учебников, и научных конференций, тематика которых была непосредственно связана с проблемами преподавания истории и т.п. См.: В.К. Бацын (1997 г.) *О реформе исторического и обществоведческого образования в современной российской школе. Преподавание истории в школе. № 8*; Р. Майер (2000 г.) *Силы демократизации в России. Преподавание истории и подготовка школьных учебников. Россия и Германия. На пути к антитоталитарному согласию*. Кюнхардт Л., Чубарьян А. (ред.) (2000 г.), стр. 201-224. РАН. Ин-т всеобщей истории. Москва; Ф. Бомсдорф и Г. Бордюгов (ред.) (2002 г.) *Образы России и стран Балтии в учебниках истории*. Москва; К. Аймермахер и Г. Бордюгов (ред.) (2002 г.) *Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы. АИРО-XX*: Москва; Н. Дедков (2002 г.) 'Проблема учебника истории' в Г. Бордюгов (ред.) (2002 г.). *Исторические исследования в России – 2. Семь лет спустя*. АИРО-XX: Москва.
 - 2 В статье 2006 года Е.Е. Вяземский и О.Ю. Стрелова выделяют пять этапов становления школьного исторического образования в современной РФ: 1988-1992 гг., 1992-1996 гг., 1996-1999 гг., 2000-2004 гг., с 2004 г. – по настоящее время (Е.Е. Вяземский, О.Ю. Стрелова. 'Основные этапы и ведущие тенденции развития школьного исторического образования в России'. *Первое сентября*, № 19/2006 г.). В основе их периодизации – развитие нормативной базы исторического образования (работа над законами, нормативами, стандартами и их принятие, и т.п.). А. Свешников выделяет четыре этапа: конец 1980-х – середина 1990-х гг., середина 1990-х – начало 2000-х, 2001-2007 гг., с 2007 г. по настоящее время (А. Свешников. 'Борьба вокруг школьных учебников истории в постсоветской России: основные тенденции и результаты', *Неприкосновенный запас*, №4(36) 2004 г.). Сайт по адресу <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/sv10.html>). В основе его периодизации – различные события, связанные с постепенным возвращением российского государства в историческое образование и возвращение «государственной идеологии» в эту дисциплину.
 - 3 Несомненно, это деление упрощает ситуацию и не отражает всей сложности предьявляемых оппонентами позиций. В целом категорией «государственнический» я здесь обозначаю систему взглядов, предполагающую поддержку тенденции 2000-х годов к нормализации (и гегемонии) «патриотического» взгляда на школьную историю, а категорией «либеральный» – предполагающую негативную оценку этой тенденции.
 - 4 «Дело Кредера» – первый публичный скандал вокруг учебника истории, разразившийся в 1997 году, когда Дума Воронежской области «не рекомендовала» (а фактически запретила) учителям истории использовать в преподавании учебник Александра Кредера. Депутатам Думы не понравился слишком либеральный подход в изложении истории XX века, который они усмотрели, например, в том, что Советский Союз оказывается в значительной мере виновным в развязывании Второй мировой войны. (Р. Майер (2000 г.). *Указ. соч.*) Их возмутило, что учебник издан при финансовой поддержке Фонда Сороса (*Там же*).

развернувшейся дискуссии автор учебника истории⁵ А.А. Кредер был обвинен в «пропаганде антигосударственной идеологии», а словосочетание «либеральный подход» стало маркером этой («враждебной») идеологии.⁶ В результате этой кампании автор и его учебник, выдержавший до того три издания (1995, 1996, 1997 гг.) и снабженный грифом («Рекомендован Главным управлением развития общего и среднего образования Министерства образования Российской Федерации»), оказались в «черных списках». Аналогичная судьба постигла учебник И.И. Долуцкого «Отечественная история. XX век» в 2003 г.⁷ С этого учебника, впервые вышедшего в 1993 году (и выдержавшего шесть изданий), гриф министерства был снят в ходе срочно проведенного заседания секции истории Экспертного совета.⁸ Поводом для заседания стала критика учебника, высказанная министром образования Владимиром Филипповым на коллегии Министерства образования РФ (25 ноября 2003 года). Автор учебника был обвинен в «либерализме», который был усмотрен в задаваемых автором ученикам вопросах о характере политического режима, сложившегося в России в 2000-х гг.⁹ Различные информационные агентства цитируют мнение В.В. Путина (в то время президента РФ), позитивно оценившего соответствующую запретительную практику:

«Современные учебники для школ и вузов не должны становиться площадкой для новой политической и идеологической борьбы», – сказал президент России во время беседы с учеными-историками в Российской государственной библиотеке. «В этих учебниках должны излагаться факты истории, они должны воспитывать чувство гордости за свою историю, за свою страну», – подчеркнул Путин. Он напомнил, что совсем недавно встречался с ветеранами, которые вновь подняли вопрос об учебниках истории.¹⁰

-
- 5 А.А. Кредер (1997 г.). *Новейшая история, XX в. : Учебник для основной школы. [В 2 ч.]. 3-е изд., перераб. и доп.* Центр гуманитар. образования: Москва.
- 6 Ситуация активно обсуждалась на страницах «Российской газеты» (в частности, 12.11.1997 г.), где в ходе дискуссии выступили представители министерства, автор учебника и выразители общественного мнения. Критики учебника, в частности писатель Юрий Поляков (историк по образованию), говорили о «парадоксальности» ситуации, «когда государство своей политикой в отношении школьных учебников финансирует и пропагандирует антигосударственную идеологию» (Ю. Поляков. 'Урок истории', *Российская газета*, 12 ноября 1997 г.). В том же духе высказался и отец Андрей Кураев: «Дело ученых академиков спорить о том, чья концепция истории России корректнее, но государственная школа не имеет права воспитывать детей на антигосударственных и антинациональных идеях» (А. Кураев. 'Урок истории', *Российская газета*, 12 ноября 1997 г.). (подробнее см. А. Свешников (2004 г.). *Указ. соч.*).
- 7 И.И. Долуцкий (2002 г.). *Отечественная история. XX век. Учебник для 10-11 классов общеобразовательных учреждений. Часть 2.* Мнемозина: Москва.
- 8 Последнее слово в «дискуссиях» между государством и авторами учебников в обоих случаях (*Там же*; А.А. Кредер (1997 г.). *Указ. соч.*) осталось за государством. Однажды лишенные грифа, учебники и «провинившиеся» авторы не восстанавливаются в своих правах.
- 9 По словам Долуцкого, прокомментировавшего действия министра в эфире радиостанции «Эхо Москвы», главное, что вызвало гнев министра – одно из заданий, где ученику предлагается сопоставить два высказывания и определить, кто из авторов высказываний прав. Речь идет о словах известного публициста Юрия Буртина, писавшего, что в России произошел государственный переворот, результатом которого является установление режима личной власти Путина – авторитарной диктатуры; и о высказывании современного политического деятеля, лидера партии «Яблоко» Григория Явлинского, который полагает, что уже в 2001 году в России оформилось полицейское государство. Далее в тексте учебника ученику предлагается задание для самостоятельной работы – либо опровергнуть, либо подтвердить изложенные точки зрения.
- 10 «Путин: «Учебники не должны становиться площадкой для политической борьбы». Правда.ру, 27 ноября 2003. Сайт по адресу <http://www.prawda.ru/news/politics/27-11-2003/13300-0>. Также см. Светлана КИРИЛЛОВА «Политкорректурa. Сумеет ли Российская академия наук помочь Министерству образования в экспертизе учебников истории?». Сайт газеты «1 Сентября» по адресу <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200401301>

В высказывании Путина звучит заявка на гегемонию (термин А. Грамши) государственно-патриотической идеологии, связанной с нормативным требованием испытывать (и воспитывать) «чувство гордости за свою историю, за свою страну». Призыв к ликвидации очередной «площадки для новой политической и идеологической борьбы» в этом контексте означает исключение критического рассмотрения и дискуссии с «патриотической» точкой зрения. Предполагается, что школьник просто *должен* усвоить историю. Апелляция к мнению ветеранов – распространенный прием в аргументации шагов, предпринимаемых российским руководством в области регулирования национальной памяти. Мнение этой категории граждан оказывается наделенным большим весом и ценностью, чем мнение многих ученых-историков («либеральной» ориентации), заявивших о недопустимости авторитарных практик управления содержанием исторического образования и призывающих к установлению режима диалога с учениками по поводу различных (претендующих на доминирование) точек зрения.

С начала 2000-х годов требование «переосмысления российского исторического процесса с государственно-патриотических позиций», отказа от «разрушительной для национального сознания» «идеологии либерализма» обретает все большую государственную поддержку. Первым учебником, написанным в рамках этой тенденции, была «скандально известная» «Новейшая история России 1945–2006 гг.: Книга для учителя» А.В. Филиппова.¹¹ В 2007 году она стала объектом пристального внимания и критики со стороны общественности, не поддерживающей «патриотический» поворот в историческом образовании. Однако это ничуть не помешало продвижению книги и выделению государственных средств на создание и издание комплекта учебников «нового поколения»¹² под редакцией А.В. Филиппова. Этот учебно-методический комплект – единственный, рекламируемый на сайте издательства «Просвещение» и рекомендуемый Министерством образования РФ как «новое слово» в преподавании истории России.¹³

Запреты на учебники (лишение грифа, изъятие из школьных библиотек и др.), как в случаях Кредера и Долуцкого, или активная государственная финансовая и административная поддержка (через институт методических писем и указаний) учебника Филиппова свидетельствуют о все возрастающем стремлении государства (в лице отдельных чиновников, структур гос. власти, создаваемых ими комиссий и т.п.) «подправить историю»,¹⁴ вмешиваться в содержание учебников с тем, чтобы вернуть им функцию патриотического воспитания.

11 А.В. Филиппов (ред.) (2007 г.). *История России, 1945–2006 гг. Книга для учителя*. Просвещение: Москва. С тех пор книга выдержала три издания.

12 А.А. Данилова и др. (ред.) (2008 г.). *История России., 1945–2008 гг. 11 кл.: учеб. для учащихся общеобразоват. учреждений: с вкладышем. 2-е издание*. Просвещение: Москва. (К этому учебнику есть книга для учителя и методическое пособие.) Потом теми же авторами были выпущены: А.А. Данилова и др. (ред.) (2008 г.). *История России., 1900–1945 гг. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений*. Просвещение: Москва. (К этому учебнику есть книга для учителя и практикум.)

13 19 февраля 2008 г. было разослано соответствующее методическое письмо (Просвещение (2008 г.). 'Методическое письмо об особенностях изучения новейшей истории России и обществознания'. Сайт по адресу http://history.standart.edu.ru/info.aspx?ob_no=16969).

14 М. Зубов. 'Кавказу напишут новую историю'; Осетия-Квайса, 14 февраля 2011 г. Сайт по адресу <http://osetia.kvaisa.ru/brannoje/izbrannye-publikacii/kavkazu-napishut-novuyu-istoriyu/>

Новый государственный патриотизм в России во многом повторяет советские клише о руководящей («государствообразующей») роли «русского народа».¹⁵ Это происходит на фоне конкуренции за наполнение понятия «русские» смыслом,¹⁶ но оппоненты, как правило, соглашались с тезисом о «традиционной терпимости» «русских» и склонны возлагать вину за «межэтнические конфликты» на «других» («этнических/нелегальных мигрантов», «выходцев из южных регионов», «власть, которая им потакает» и т.п.). При этом риторика патернализма («мы (русские) всегда всем помогали», «всех принимали в своем доме и помогали строить чужие») сочетается с обвинением получателей помощи и «гостей» в неблагодарности.

В 2000-х годах официальные лица России («правопреемницы СССР»¹⁷) все чаще рассматривают обвинения в адрес советского режима как обвинения в собственный адрес, как покушение на статус и репутацию России (и «русских») в качестве «миротворца» и «освободителя народов». Они воспринимают оценку советизации в категориях «советской оккупации» как акт «фальсификации истории в ущерб интересам России».¹⁸

В 2000-х годах различие в оценках установления советской власти на территориях, бывших советскими республиками, и/или действий «националистов», боровшихся против Советской власти («лесные братья» в Прибалтике, «бендеровцы» в Украине и т.п.), становится фактором международной политики,¹⁹ которая находит отражение в практиках контроля содержания учебников истории как российских, так и стран СНГ.

15 Подробнее см., в частности, О. Карпенко (2007 г). «Суверенная демократия» для внутреннего и наружного применения, *Неприкосновенный запас*, №1 (51), стр.134-152.

16 Конкуренты используют разного рода сочетания этнокультурного и государственноческого прочтения этого понятия.

17 Законы России (1992 г.). Решение Совета глав государств-участников Содружества независимых государств от 20.03.92 г. о правопреемстве в отношении договоров, представляющих взаимный интерес, государственной собственности, государственных архивов, долгов и активов бывшего Союза ССР. Москва. Сайт по адресу http://lawrussia.ru/texts/legal_185/doc185a655x748.htm. Этим договором никаким образом не оговаривалось использование символики, но сегодня часть государственной символики России повторяет советскую (в частности, музыка гимна).

18 В мае 2009 года (в преддверии 65-летия Победы) Президент РФ Дмитрий Медведев учредил «Комиссию по противодействию» такой «фальсификации» и назначил ее руководителем одного из высших государственных чиновников – руководителя Администрации Президента и, соответственно, возвел борьбу за «правильную историю» в ранг государственной политики. Предполагалось, что «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» будет обобщать и анализировать информацию о фальсификации исторических фактов, «направленной на умаление международного престижа» России, и выработать стратегии противодействия попыткам фальсификации. Часть ученых выступила активными оппонентами создания такой комиссии, полагая, что она может быть использована как инструментом борьбы с инакомыслием и ведет к выхолащиванию профессиональной дискуссии. С их точки зрения, право устанавливать конвенции по поводу того, что такое «исторический факт», и в чем состоит его «правильная оценка», не может быть отдано какой-то закрытой группе лиц, вырабатывающей «объективные» критерии и выдвигающей официальные обвинения в адрес тех, кто этим критериям не соответствует. Вот лишь некоторые авторы, писавшие об этом: Н. Колосов (2010 г.). «Мемориальный закон и историческая политика в современной России», *AbImperio* #2; И. де Кегель (2009 г.). «На пути к “предсказуемому” прошлому? Комментарий к созданию Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в России», *AbImperio* # 3.

19 Одним из примеров могут служить события вокруг «Бронзового солдата» (мемориала в центре столице Эстонии), демонтаж которого в ночь с 26 на 27 апреля 2007 года повлек за собой массовые волнения в Таллине и других городах Эстонии и целый ряд мер российской власти.

Так, попыткой очистить «русских» от обвинений со стороны бывших «братских народов» спровоцированы некоторые исследовательские проекты, задача которых состоит в анализе содержания постсоветских учебников по национальной истории, появившихся в новых независимых государствах после распада СССР. В результате одного из исследований,²⁰ в ходе которого был проведен анализ «187 школьных учебников истории и учебных пособий 12 стран бывшего Советского Союза: Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Узбекистана, Украины и Эстонии» и обобщены данные массовых опросов («позволяющих оценить, какие образы прошлого существуют в общественном сознании каждой из стран»²¹), был сделан вывод:

«... за исключением Белоруссии и (в меньшей степени) Армении, все остальные страны пошли по пути преподавания подрастающему поколению националистической трактовки истории. При этом в качестве «заклятого врага» зачастую используется образ России и русских.»²²

Такая ситуация рассматривается как проблема, решение которой требует вмешательства российского государства, ибо

«[Е]сли существующие тенденции продолжатся, то через 15-20 лет события XX века будут прочно забыты населением. В сознании народов бывшего СССР будет сформирован образ России как зловещей империи, которая веками уничтожала, подавляла и эксплуатировала их.»²³

Вопрос о том, насколько адекватно и критично излагаются в российских учебниках исторические сюжеты, связанные с колониальным прошлым России, образованием СССР и утверждением «дружбы народов», не ставится. Мне же представляется интересным понять – как выглядит присутствие России («русских») на Кавказе в советских и современных учебниках? Какое представление о конфликтах на Кавказе и роли в них России предлагается? Как советские и российские учебники говорят о «колониализме», «национально-освободительных движениях», «империи» и т.п.? Можно ли рассматривать российские учебники как альтернативу «националистической трактовке истории»?

Для того, чтобы ответить на эти и другие вопросы, был проведен сравнительный анализ советских (*История СССР*) и современных (*История России*) артикуляций актов «присоединения народов Закавказья/Кавказа к России/Союзу», в ходе которых утверждались различные модели отношений между ними: «тюрьма народов» («царская

20 Результаты одного из них изложены в докладе: А.А. Данилов и А.В. Филиппов (ред.) (2009 г.). *Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых стран*. Москва. (Полный текст книги можно найти на сайте по адресу http://www.bookshunt.ru/b44929_osveshenie_obshej_istorii_rossii_i_narodov_postsovetских_stran_v_shkolnih_uchebnikah_istorii_novih_nezavisimih_gosudarstv).

21 Там же, стр.5.

22 Там же, стр.16.

23 Там же, стр.12.

Россия») и «дружба народов» (СССР). Для анализа я выбрала три исторических сюжета: присоединение Закавказья и Северного Кавказа к России в первой половине XIX века, победа советской власти в Закавказье, формирование ((за)кавказских) социалистических республик и их вступление в СССР. Сюжет о присоединении Закавказья и Северного Кавказа к России в первой половине XIX века рассматривается только в российском кейсе. Мне представляется, что сравнение репрезентаций «присоединения к России в первой половине XIX века» и «вступления в СССР» позволяет лучше понять специфику советского и современного обращения с «колониализмом» и «империей». Остальные сюжеты являются сквозными для различных кейсов (Абхазия, Азербайджан, Армения, Грузия, Россия, Южная Осетия).

В 1970-1980-х годах историю СССР преподавали в течение 6 лет (с 5 по 10 класс) по линейной системе (каждая тема изучалась один раз). До темы «присоединение Закавказья и Северного Кавказа к России в первой половине XIX века» школьники добирались в начале 8 класса, а тему «установления советской власти в Закавказье» и «образования СССР» проходили в девятом. Сегодня история России изучается по системе концентров: в 10-11 классах происходит повторение всего материала, изученного за 4 года (6-9 кл.). Сегодня тема «присоединение Закавказья и Северного Кавказа к России в первой половине XIX века» возникает дважды (в 8 и в 10 классе), дважды (в 9 и 11 классе) ученики проходят и материал об «установлении советской власти в Закавказье» и «образовании СССР». В данном исследовании в качестве основного источника материала по первой теме стали советский учебник «История СССР» для 8 класса²⁴ и современный «Россия и мир» для 10 класса;²⁵ темы «установление советской власти в Закавказье» и «образование СССР» рассматриваются на примере учебника «История СССР» для 9 класса²⁶ и учебника «Россия и мир» для 11 класса.²⁷

24 И.А. Федосов (1982 г.). *История СССР. Учебник, 8 класс. Утвержден Министерством просвещения СССР.* Просвещение: Москва.

25 О.В. Волобуев и др. (2004а). *Россия и мир с древнейших времен до конца XIX века: учеб. для 10 кл. общеобразоват. учреждений. 4-е изд.* Веди-принт: Москва. Также использовались другие учебники: Н.В. Загладин (2005 г.). *Всемирная история. История России и мира с древнейших времен до конца XIX века: Учебник для 10 класса. 5-е изд.* ООО «ТИД «РУССКОЕ СЛОВО – РС»: Москва; А. Левандовский (2009 г.). *История России XVIII-XIX веков. 10 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. 5-е изд.* Просвещение: Москва; А.Н. Сахаров и А.Н. Боханов (2011а). *История России. XVIII-XIX века. Ч.2: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений 9-е изд.* ООО «ТИД «РУССКОЕ СЛОВО – РС»: Москва – но в данном тексте они играют, скорее, вспомогательную роль.

26 И.Б. Берхин и И.А. Федосов (1982 г.). *История СССР. Учебник для 9 класса. Утвержден Министерством просвещения СССР. Издание седьмое.* Просвещение: Москва.

27 О.В. Волобуев и др. (2004б). *Россия и мир, XX век: учеб. для 11 кл. общеобразоват. учреждений. 3-е изд.* Веди-принт: Москва; Н.В. Загладин и др. (2004 г.). *История отечества. XX – начало XXI века. Учебник для 11 класса средних общеобразовательных учебных заведений. 2-е изд.* ООО «ТИД «РУССКОЕ СЛОВО – РС»: Москва; А.А. Левандовский и Ю.А. Щетинов (2004 г.). *История России. XX – начало XXI века.: учеб. для 11 кл. общеобразоват. учреждений. 9-е изд.* Просвещение: Москва; А.Н. Сахаров и А.Н. Боханов (2011б). *История России. XVIII – XIX века. Ч.2.: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. 9-е изд.* ООО «ТИД «РУССКОЕ СЛОВО – РС»: Москва.

Советские учебники: из «тюрьмы народов» к «интернациональной сплоченности всех социалистических наций и народностей, их нерасторжимому единству, братской дружбе, сотрудничеству»²⁸

В пособии по методике преподавания истории СССР²⁹ и в учебниках истории для 9 класса, изданных в 1979³⁰ и в 1982 годах³¹, фразеологизм *тюрьма народов* берут в кавычки, отсылая к В. И. Ленину как источнику: «Царизм обеспечивал помещикам и буржуазии возможность безудержного грабежа русского народа и народов национальных окраин. Деспотически управляя страной при помощи полиции, жандармерии, военщины царизм превратил Россию в «тюрьму народов».³² До тех пор, пока В.И. Ленин (и марксизм-ленинизм) сохраняет статус главного и бесспорного авторитета,³³ факт *объективного* существования «тюрьмы» (до социалистической революции) не может быть поставлен под вопрос.

В фундамент «тюрьмы» заложено представление о классовом антагонизме, разделяющем «народы» и «эксплуататоров». К последним относятся и тем самым из «народа» символически исключаются: «царская бюрократия (огромный чиновничий аппарат)», «полиция, жандармерия, военщина», «(царское) правительство», «(национальная) буржуазия», «ханы, беки, старшины», «горская и феодальная знать», «мусульманское духовенство», члены «буржуазных националистических» и всех остальных (кроме «большевистской») партий и т.п.

Формирование СССР рассматривается как полный разрыв с принципами и практиками объединения «народов», бытовавшими при «царизме». СССР противопоставляется «империи», рассматривается как «союз народов», объединенных общими интересами и не испытывающих «гнета» ни со стороны других «народов», ни со стороны «государственной власти». Предполагается, что в СССР произошло принципиальное переопределение властных отношений, связывающих «народы» и «господствующий класс».

28 И.Б. Берхин и И.А. Федосов (1982 г.). *Указ. соч.*, стр. 41.

29 О.В. Волобуев и Г.В. Клокова (1979 г.). *Методика преподавания истории СССР. (VIII-IX классы). Пособие для учителей.* Просвещение: Москва, стр.383.

30 .Б. Берхин и И.А. Федосов (1974 г.). *История СССР. Учебник для 9 класса. 1-е изд.* Просвещение: Москва

31 И.Б. Берхин и И.А. Федосов (1982 г.). *Указ. соч.*

32 Там же, стр. 20.

33 Ленин, его идеи, предложения и поступки в советских учебниках характеризуются исключительно в категориях превосходства: «Съезд дал правильную, ленинскую оценку начавшейся в России революции, как революции буржуазно-демократической» (Там же, стр. 49). «В. И. Ленин выдвинул единственно правильное и мудрое предложение» (Там же, стр. 274.) и др.

«Колониализм», «национальный вопрос» и «национально-освободительное движение угнетенных нерусских народов»

Бросается в глаза, что советский исторический нарратив (в версии 1970-1980 гг.) допускает (даже предполагает), что в XIX веке многие «(нерусские) народы» шли в «тюрьму» вполне добровольно, с чувством глубокого удовлетворения и искренней радости.³⁴ Учебник истории СССР для 8 класса,³⁵ описывая такое «крупнейшее историческое событие первой трети XIX в» как «присоединение Закавказья к России», указывает, что «[В]се закавказские народы фактически добровольно вошли в состав России»;³⁶ «Присоединение Закавказья к России имело большое прогрессивное значение для грузин, армян, азербайджанцев и других народов»³⁷ и т.п.

Оценка «присоединения» как «прогрессивного» объясняется тем, что «оно открыло широкие перспективы развитию грузинской культуры в общении с русской культурой», способствовало «армяно-русской дружбе»³⁸ и т.п. «Россия» характеризуется как «приют», предоставляемый «[П]олитическим деятелям, выдающимся представителям культуры этих народов»,³⁹ помощник в борьбе с «интервентами»⁴⁰ и т.п.

Делая акцент на «объективно прогрессивном значении присоединения к России для населявших эти территории народов», авторы постоянно оговариваются:

«[Н]о вместе с тем эти народы стали подвергаться колониальной эксплуатации. Россия была «тюрьмой народов», и уничтожение самодержавия являлось необходимым условием свободы не только русского, но и всех остальных народов страны.»⁴¹

Возникает вопрос: каким образом снижается негативное значение «колониальной эксплуатации» и верх берет «объективно прогрессивное значение»?

В учебнике используется несколько риторических приемов, позволяющих прямо или косвенно оправдывать действия (российских) колонизаторов и/или позиционировать «народы Закавказья» как нуждающиеся в опеке:

34 Например, «[О]свобождение Армении русскими войсками вызывало радость армян всего мира. Из далекой Индии армяне писали: "Армения воскресла... Солнце жизни взошло над араратской страной... И в этом наша нация обязана человеколюбивой московской нации, среди которой мы всегда можем жить безопасно и под защитой"» (И.А. Федосов (1982 г.). *Указ. соч.*, стр. 75).

35 Там же.

36 Там же, стр. 75.

37 Там же, стр. 76-77.

38 Там же, стр. 76.

39 Там же, стр. 74.

40 «Правители Грузии и армянских и азербайджанских ханств неоднократно получали у России военную помощь для борьбы против турецких и иранских поработителей» (Там же, стр. 74).

41 О.В. Волобуев и Г.В. Клокова (1979 г.). *Указ. соч.*, стр. 7.

- а) поляризованная презентация «России» и ее конкурентов за власть над соответствующей территорией. «Россия», «русский народ» «спасают население Грузии, Армении и Азербайджана» от «разорения и истребления», чинимого «турецкими и иранскими захватчиками». ⁴² Вводится иерархия стран, конкурирующих за соответствующую территорию, и в ней Россия оказывается «более передовой страной» ⁴³. В результате практикуемый ею «колониальный гнет» может быть оценен как благо;
- б) использование фраз типа «несмотря на гнет ... жизнь улучшилась», делает «колониальный гнет» незначительным фактором жизни сообществ ⁴⁴;
- в) указания на тот «факт», что «русский народ» в той же мере оказывается объектом «гнета царизма и произвола царских чиновников», как и «народы Закавказья», позволяют снять вопрос о специфике политики и практик «колониального гнета»;
- г) легитимации российского колониализма также служат ссылки на мнение «лучших представителей грузинского, армянского, азербайджанского народов», которые «приветствовали присоединение к России» ⁴⁵ и/или введение в игру сюжетов о геополитических интересах России, *вынуждающих* «Российское государство» «утверждаться на Кавказе» ⁴⁶ и т.п.

Как показывает исследование, оценка действий субъекта «присоединения Кавказа/Закавказья в начале XIX века» меняется в зависимости от того, используется ли для его характеристики прилагательное «царская» или «русская». Субъектом, чинящим «произвол, насилие, подавление национальной культуры» всегда оказывается «(российский) *царизм*», «*царские* чиновники», «*царские* войска», а «спасительницей армянского народа», тем, кто не «мог отказать народам Закавказья в помощи», способствовал развитию «культуры и экономики» — «*русский* народ», «Россия», «*русская* армия».

42 Особенно ярко это выражено в сюжетах, посвященных сравнению действий «России» по «присоединению» новых территорий и «захватнической политики» других государств (например, Турции, Ирана): «Часть военных набеги на Закавказье турецких и иранских захватчиков сопровождалась опустошением страны, разорением и истреблением населения. [...] В 1795 г. иранский шах совершил очередной грабительский набег на Закавказье. [...] Над народами Закавказья нависла угроза физического истребления. Только Россия и русский народ могли оказать им помощь. Российского государства не могло допустить захвата закавказских земель Ираном и Турцией, так как это угрожало бы южным рубежам России. Утверждение в Закавказье диктовалось и необходимостью укрепления позиций России в Черноморском бассейне, на Среднем и Ближнем Востоке» (И.А. Федосов (1982 г.). *Указ. соч.*, стр. 73).

43 «Россия была более передовой страной по сравнению с Ираном и Турцией, и влияние ее культуры на народы Закавказья было благотворным» (*Там же*, стр. 76)

44 «Несмотря на гнет царизма и произвол царских чиновников, от которого страдал и русский народ, условия жизни народов Закавказья значительно улучшились» (*Там же*, стр. 76). «Несмотря на гнет царизма, русский народ и другие народы России достигли в науке, литературе и искусстве крупных успехов» (*Там же*, стр. 89)

45 «Лучшие представители грузинского, армянского, азербайджанского народов приветствовали присоединение к России. Грузинский поэт Н.М. Бараташвили в поэме «Судьба Грузии» оценивает присоединение Грузии к России как исторически неизбежное и прогрессивное, так как оно открыло широкие перспективы развитию грузинской культуры в общении с русской культурой. Хачатур Абовян, автор романа «Раны Армении», видел в России спасительницу армянского народа и был пламенным певцом армяно-русской дружбы. Крупнейший азербайджанский писатель и философ XIX в. М.Ф. Ахундов писал: «Благодаря покровительству Российского государства мы избавились от [...] бесконечных нашествий и грабежей захватнических полчищ и обрели, наконец, покой.» (*Там же*, стр. 76-77).

46 «Над народами Закавказья нависла угроза физического истребления. Только Россия и русский народ могли оказать им помощь. Российское государство не могло допустить захвата закавказских земель Ираном и Турцией, так как это угрожало бы южным рубежам России. Утверждение в Закавказье диктовалось и необходимостью укрепления позиций России в Черноморском бассейне, на Среднем и Ближнем Востоке» (*Там же*, стр. 73).

Можно говорить о разведении «русского» и «царского» как дискурсивном ресурсе, позволяющем одновременно критиковать «классового врага» («царские войска/чиновники» и т.п.) и (вос)производить позитивный смысл присутствия на «чужих» территориях «русского народа». ⁴⁷ В республиканских учебниках мы также можем обнаружить примеры эксплуатации данного ресурса. Как повествует в разделе «Колониальная политика царизма [в 30–40 годах XIX века]» учебник «История армянского народа»: «[Р]усскому народу чужда была колониальная политика царизма и именно это сплачивало вокруг него угнетенные народы, укрепляло братские узы». ⁴⁸ Традиция символической чистки «народа» работает на легитимацию существующей власти, которая утверждает себя как выразителя «истинных интересов народа». Риторически отделяя «царизм» от «русских», советский учебник утверждает справедливость советской власти, в авангарде которой «русский пролетариат». Отделяя «русский народ» от «большевиков», современный учебник истории утверждает историческую преемственность и легитимность современной российской власти.

Если в параграфе о «присоединении *Закавказья*» оно происходит с некоторыми издержками, но «добровольно», то в следующем параграфе того же учебника (о «присоединении *Северного Кавказа*») в «колониальной политике царизма» обнаруживается «озлобляющая местное население» «жестокость». ⁴⁹ Впрочем, указание на факты насилия не мешает позитивно оценивать результат колониальной политики. Как и в случае «народов Закавказья», «[В]ключение народов Северного Кавказа в состав России имело для них положительное значение. Сближение горских народов с русским народом способствовало развитию их культуры и экономики. Историческое развитие этих народов значительно ускорило». ⁵⁰

В контексте советской идеологии формируется своеобразная концепция национально-освободительной борьбы. В ней *прогрессивное* (ассоциируемое со «сближением [населения осваиваемых территорий] с русским народом») влияние колонизации на «историческое развитие народов» сочетается с негативной оценкой соответствующих процессов как «гнета, который нес [народам] царизм». ⁵¹ В этом контексте «упорное сопротивление» и «ожесточенная борьба с царскими войсками горцев Дагестана, Чечни и Адыгеи» охарактеризовано одновременно как *справедливое* «движение [...] против колониального

47 Если для ранней советской версии классовой истории (школа Покровского) «русское» ассоциировалось с «эксплуататорами», «великодержавным шовинизмом» и другими «пережитками прошлого», то в контексте патриотического поворота конца 1930-х годов «русские» (в т.ч. «русская армия») перемещаются в авангард прогрессивного, лишаются возможности совершать нечто предосудительное. Склонность к «братской помощи другим народам» становится неотъемлемым (эссенциальным) качеством «русского народа» и «России». Насилие же над населением «национальных окраин» ассоциируется с «иностранными захватчиками/оккупантами», «царскими чиновниками» и другими «эксплуататорами».

48 В.А. Парсамян (ред.) (1988 г.). *История армянского народа. Учебник для 7-8 класса*. Луйс: Ереван, стр. 143.

49 «Царизм во время завоевания Кавказа проводил жестокую колониальную политику. Военные экспедиции сопровождалась грабежом населения, истреблением целых аулов (селений), переселением горцев на неплодородные земли». Далее идет рассказ о Шамиле – «умном, мужественном человеке, но жестоком и беспощадном». (И.А. Федосов (1982 г.). *Указ. соч.*, стр. 78)

50 Там же, стр. 79.

51 Там же, стр. 79.

гнета» и как движение, не отвечающее *истинным интересам* «народов Кавказа». Возникают вопросы: На чем базируется представление о *справедливости* борьбы «народа» за освобождение? И как такая борьба может быть лишена легитимности?

В основании концепции *справедливой* борьбы «народов» лежит представление о наличии у них общей «судьбы» и «права [ею] самостоятельно распоряжаться». Лишить же легитимности такую борьбу может вступление «горских племен и народностей» в коалицию с разного рода «эксплуататорами», «реакционными силами»:

«Горские племена и народности боролись за право самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Однако горская знать и мусульманское духовенство использовали эту борьбу в своих корыстных интересах, внося в движение реакционные черты – религиозный фанатизм, ненависть ко всем немусульманам. Предавая интересы народа, они шли на сговор с султанской Турцией, были готовы отдаться под ее власть.»⁵²

Эффективность действий «горской знати и мусульманского духовенства» объясняется *отсталостью* «горцев». Пребывая «на этапе становления феодальных отношений» и испытывая «сильное влияние родо-племенных отношений»,⁵³ «горцы» оказываются неспособны распознать «корыстные интересы знати». Последняя же, пользуясь ситуацией, направляет энергию протеста в русло «священной войны» против «неверных» (не мусульман) до полного их истребления»,⁵⁴ «использует авторитет родо-племенных вождей, натравливая свои народы на русский».⁵⁵ Символом всего «реакционного воинствующего» становится «мюридизм».⁵⁶ В этом контексте «борьба с колониальным гнетом» оказывается *реакционной*, насилие в отношении «горцев» нормализуется и ассоциируется с *прогрессом*.

Для артикуляции двойственной оценки борьбы «народов» за свободу используются фразы типа: «Х боролись за право самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Однако У использовали эту борьбу в своих корыстных интересах». Первая часть фразы утверждает позитивную оценку борьбы с колониальной зависимостью, вторая – меняет оценку на

52 Там же.

53 «Народности, населявшие горные районы Дагестана, Чечни, Адыгеи, переживали в то время период становления феодальных отношений. Крестьяне попадали в феодальную зависимость к своим ханам, бекам и старшинам. Но были еще сильны родо-племенные отношения. Об отсталости общественных отношений у этих народностей свидетельствовали низкий уровень развития производительных сил, примитивный характер земледелия. Но это были гордые, свободолюбивые народы, которые не хотели идти в кабалу к феодалам. Они не хотели подчиняться и царским чиновникам, власть которых означала произвол, насилие, подавление национальной культуры и местных обычаев» (Там же, стр. 77).

54 Там же.

55 Там же.

56 «[О]сновным догматом [которого] был призыв к “священной войне” (газавату) против “неверных” до полного их истребления. Мюриды – приверженцы этого направления в исламе – обязаны были считать войну против неверных первостепенным делом своей жизни» (Там же, стр. 77). «Мюридизм, проповедовавший непримиримую ненависть к “неверным” и покорность духовным властям, был удобным средством классового угнетения и разжигания национальной розни. Именно поэтому мюридизм был принят феодальной верхушкой горских народов, которые сделали его знаменем всего движения. Иранские и турецкие правители, за спиной которых стояла английская буржуазия, использовали религиозный фанатизм горцев, направляя их борьбу против России. Их цель была – помешать полному утверждению России на Кавказе» (Там же, стр. 78).

противоположную, делая «народ» слепым орудием в руках «феодальной верхушки», «иранских и турецких правителей» и т.п. Для того, чтобы этот прием стал действенным оружием критики оппонента, необходимо связать X и Y отношениями антагонизма. Лишь в этом случае слабый игрок (X) может рассматриваться как «слепое орудие» в руках сильного (Y). (Этот же дискурсивный ход используется в учебниках для дискредитации классовых и политических оппонентов «большевиков».⁵⁷)

В результате, с одной стороны, (вос)производится установка о *естественности* границ между «народами» (у каждого «своя судьба») и «права самостоятельно распоряжаться своей судьбой», с другой – нормализуется представление о том, что *правильно* воспользоваться правом «народы» могут лишь достигнув определенного уровня развития, вступив в коалицию с «прогрессивными силами». В советской версии для того, чтобы «борьба народа против колониального гнета» была признана прогрессивной, во главе ее должен стоять «национальный пролетариат», действующий с опорой на «идею пролетарского интернационализма, т.е. [на идею] объединения трудящихся всех национальностей для совместной борьбы за свое освобождение»,⁵⁸ и признающий «авторитет русского пролетариата и его руководящую роль в освободительном движении».⁵⁹ (Отсталые) «народы», находящиеся под влиянием кого-либо иного, кроме «пролетариев-интернационалистов», например, под влиянием «национальной буржуазии», «буржуазных националистов» и т.п., оказываются этого права лишены.

57 Например, «[Л]ибералы, отметил съезд, стремятся подчинить массы своему влиянию и использовать революцию в своих целях» (И.Б. Берхин и И.А. Федосов (1982 г.). стр. 49); «Борьбу народов против колониальной политики царизма националисты стремились подчинить своим классовым, буржуазным интересам. Выступая против союза местного пролетариата с русским рабочим классом, буржуазия мечтала установить безраздельное господство над трудящимися своей национальности» (Там же, стр. 20).

58 Там же, стр. 27.

59 «К осени 1905 г. значительно усилилось национально-освободительное движение. Оно проходило под демократическими лозунгами: ликвидация национального гнета, свободного развития национальной культуры, преподавания в школах на родном языке. Особенно активно национально-освободительная борьба шла в тех районах, где были развиты капиталистические отношения и сложился пролетариат – в Польше, Финляндии, Прибалтике, на Украине и Кавказе. Это объяснялось тем, что в авангарде борьбы шел национальный пролетариат, заинтересованный в доведении революции до полной победы. В совместной борьбе против самодержавия крепла интернациональная солидарность трудящихся, росли авторитет русского пролетариата и его руководящая роль в освободительном движении (Там же, стр. 61, курсив автора). «Осенью 1917 года усилилось национально-освободительное движение в национальных районах России. Колонизаторская, грубо насильническая политика Временного буржуазного правительства по отношению к нерусским народам страны принесла свои плоды, писал Ленин осенью 1917. Широкая масса населения угнетенных наций все больше отходила от буржуазии, предавшей дело освобождения поработенных народов, и все теснее сплачивалась вокруг пролетариата. Широкая борьба угнетенных наций против угнетателей за свое освобождение. Осенью во всех национальных областях рабочие и крестьяне, следуя примеру русского пролетариата и беднейшего крестьянства, усилили борьбу против русской и местной буржуазии и помещиков (Там же, стр. 155).

СССР – разрыв с «царизмом»: формирование «социалистических наций» и решение «национального вопроса»

«Интернационализм» в советском учебнике ассоциируется, с одной стороны, с признанием «руководящей роли русского пролетариата в освободительной борьбе», с другой – с согласием с «ленинской национальной программой» (принятой II Съездом РСДРП, 1903 г.). Ее центральный принцип артикулируют как «право наций на самоопределение, вплоть до полного отделения» и поясняют: «[Э]то значит, что они имеют право самостоятельно решать свою судьбу».⁶⁰ Стоит оговорить, что в основании «права наций на самоопределение» лежит эссенциалистское представление о «нации» как обладателе «судьбы», «культуры» и субъекте права. В основание соответствующей логики самоопределения заложена идея приоритета коллективных прав и выделение «своей территории» как гарантия их соблюдения. Предполагается, что только внутри «своего государства» «народ» (определенный в этнических терминах) может беспрепятственно развиваться. Безгосударственные режимы существования «народа» рассматриваются как знак недостаточной зрелости соответствующего сообщества.

«Ленинская национальная программа» излагается как гегемонная, отражающая «интересы всех народов, входящих в состав России»: «Она воспитывала рабочих в духе пролетарского интернационализма, способствовала укреплению дружбы трудящихся в совместной борьбе против царизма».⁶¹ Остальные претенденты на право представлять «интересы народа» символически исключаются. Те, кто не соглашается с («правильной ленинской») линией партии⁶², рассматриваются как «насаждающие национализм», «разжигающие вражду между народами».⁶³ Выясняется, что «дружить» «народы» могут только, если в их составе нет людей, не разделявших ценности «интернационализма».

В целом советская версия связывает «народы» «братскими узами», предписывает им действовать солидарно и «дружить». Все негативные эффекты «колониальной политики», проявления «национальной вражды», «погромы», «национализм» ассоциируются исключительно с провокациями враждебных «народу» групп «эксплуататоров», которые регулярно «стравливают народы» или используют из в «своих классовых, буржуазных

60 Там же, стр. 31-32.

61 Там же, стр. 31-32.

62 В то же время «ленинские теоретические установки», «ленинская концепция исторического развития» и т.п., оставаясь гегемонными, в разные исторические периоды наполняются существенно различным содержанием. Учебник истории СССР 1982 года, например, приписывает В.И. Ленину «установку о возможности победы пролетарской революции и социализма в одной отдельно взятой стране» (Там же, стр. 4). Приписанная «Ленину» (верховному авторитету) сталинская идея обретала легитимность.

63 В этом обвиняется, в частности, «оппортунистический еврейский рабочий союз Бунд» (Там же, стр. 29-30), чье (идушее вразрез с «ленинским») мнение по «национальному вопросу» характеризуется как ведущее «к разъединению рабочих разных национальностей, насаждению национализма, разжиганию вражды между народами» (Там же, стр. 31).

интересах»,⁶⁴ в частности, «[Б]уржуазные националисты разорвали Закавказье, разжигали вражду между народами, натравливали грузин на армян, армян на азербайджанцев и т.д.»⁶⁵ «Национализм», с которым в советской традиции ведется постоянная борьба, лишен собственного содержания. Это понятие ситуативно наполняется смыслом в зависимости от того, какого рода персонажи и суждения не укладываются в определенный отрезок линии партии.

Центральным принципом советской «национальной политики» оказывается «право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства».⁶⁶ «Самоопределение народа» оказывается напрямую связано с определением им «своей территории» и учреждением собственной государственности. С другой стороны, оно имеет культурное измерение. Если «колониальный/ национальный гнет царизма» ассоциируется с «произволом, насилием, подавлением национальной культуры и местных обычаев»,⁶⁷ то «национально-освободительное движение» – с «демократическими лозунгами: ликвидации национального гнета, свободного развития национальной культуры, преподавания в школах на родном языке»,⁶⁸ а «социализм» – с «расцветом национальных культур», «устранением фактического неравенства между [народами]», что «привело к созданию прочной дружбы и братства народов СССР».⁶⁹ Коренным отличием от «буржуазных» и залогом «братства» «социалистических наций» является то, что «ведущей силой [...] является рабочий класс и его Коммунистическая партия».⁷⁰ В целом все, что не отвечает требованиям «ведущей силы», не может быть оценено позитивно.

64 «Царизм всячески заигрывал с горской верхушкой, подкупал местных феодалов денежными подачками, чинами, орденами, принимал их на службу. Но горская знать не собиралась делиться своей властью; она хотела сама безраздельно грабить свой народ и мечтала об отторжении Кавказа от России. Используя авторитет родо-племенных вождей, горские феодалы натравливали свои народы на русский.» (И.А. Федосов (1982 г.), стр. 77) ... «... правительство создало реакционно-монархические организации для борьбы с революционным движением («Союз русского народа» и др.), провоцировало еврейские погромы, разжигало национальную вражду между народами» (И.Б. Берхин и И.А. Федосов (1982 г.), стр. 57) ... «... царизм разжигал национальную вражду. В Баку полицией и местными националистами была спровоцирована армяно-азербайджанская резня.» (Там же, стр. 46).

65 Там же, стр. 242.

66 «Советское государство сразу провозгласило ликвидацию национального гнета, от которого веками страдали нерусские народы, установило политическое равенство народов. Конечно, существовавшее тогда фактическое неравенство между народами в уровне экономического и культурного развития немедленно ликвидировать было нельзя. Требовалось значительное время. Задача эта была успешно решена в последующие годы» (Там же, стр. 190).

67 Там же, стр. 77.

68 Там же, стр. 61.

69 «Существовавшие еще до победы Великого Октября буржуазные нации – русская, украинская, белорусская и другие преобразовались в социалистические, ведущей силой которых является рабочий класс и его Коммунистическая партия. Многие народности, например туркменская, таджикская, киргизская и другие, не успевшие до Октября сложиться в нации, сформировались в социалистические нации. Различные племена и этнические группы образовали народности социалистического типа. Иными стали и отношения между народами. Ликвидация эксплуататорских классов, разжигавших национальную вражду, экономической и культурный подъем всех советских республик, устранение фактического неравенства между ними – все это привело к созданию прочной дружбы и братства народов СССР. Советское социалистическое общество, освобожденное от классовых и национальных противоречий, было спаяно нерушимым единством интересов. Созданы основы новой социальной и интернациональной общности людей – советского народа» (Там же, стр. 364).

70 Там же, стр. 363.

Обретение собственной государственности рассматривается как залог претворения «демократических лозунгов» прошлого в жизнь. Провозглашение националистического принципа (совпадение культурной и политической единицы (Э.Геллнер⁷¹)) рассматривается как наиболее важный стимул для включения «угнетенных народов» в борьбу с «самодержавием» на стороне «большевиков» и поддержки «Советского правительства». ⁷² С другой стороны, реализация этого политического принципа рассматривается как средство ликвидации «враждебности и отчужденности между народами» и основа «добровольного и честного союза народов России». ⁷³

«Право на самоопределение», с одной стороны, декларируется как универсальное, естественное право «народов», с другой стороны, не всякая попытка им воспользоваться рассматривается как легитимная. Неподконтрольные советской власти «буржуазные правительства», образовавшиеся, в частности, в Армении, Азербайджане, Грузии после октябрьской революции 1917 г., охарактеризованы как:

«...контрреволюционные «правительства»,⁷⁴ поставленные у власти буржуазно-националистическими партиями: грузинскими меньшевиками, армянскими дашнаками и азербайджанскими мусаватистами, находившимися на службе у иностранных империалистов». ⁷⁵

Враги «советской власти» и «народа» делятся на внутренних («буржуазных националистов») и внешних «иностранных империалистов». Ассоциация как с «буржуазным», так и с «иностранным» является одним из распространенных способов стигматизации оппонентов. Процедура лишения «буржуазных националистов» легитимного права формировать национальные государства предполагает а) маркирование их как (связанных с «иностранными империалистами») «угнетателей», с которыми (азербайджанский, армянский, грузинский) «народы» ведут «упорную борьбу»; б) ассоциацию их деятельности

71 Gellner E., *Nations and Nationalism*, Oxford, Blackwell. 1983; Геллнер Э. *Нации и национализм* / Пер. с англ. Т.В. Бредниковой, М.К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И.И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991.

72 Авторы учебника приводят цитату из обращения Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете на это право. Знайте, что Ваши права, как права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное Правительство» (*Там же*, стр. 190).

73 «Ликвидация национального гнета, имевшегося в царской России, враждебности и отчужденности между народами являлась одной из неотложнейших задач Советского государства, которое по природе своей глубоко интернационально и заинтересовано не в разобщении народов, а в их объединении и сплочении. [...] Уже в первом документе, принятом II Всероссийским съездом Советов, говорилось, что Советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение» [...] Важнейшим актом Советского государства по национальному вопросу была «Декларация прав народов России», опубликованная 2 ноября 1917 г. [...] этой декларацией Советское правительство провозгласило ликвидацию старой позорной политики неравенства и натравливания народов друг на друга и замену ее политикой добровольного и честного союза народов России» (*Там же*, стр. 189).

74 Ионические кавычки, означающие «так называемые правительства», «необоснованно претендующие на статус правительства».

75 *Там же*, стр. 242.

с «разорением Закавказья», «разжиганием вражды между народами», «натравливанием грузин на армян, армян на азербайджанцев»⁷⁶ и т.д.

«Победа советской власти в Закавказье» изложена по стандартной схеме: «под руководством большевиков» в Азербайджане, Армении, Грузии вспыхивают вооруженные восстания, в ходе которых (не всегда с первого раза) свергают «контрреволюционные правительства» («мусаватистское правительство» в Азербайджане, «диктатуру дашнаков» в Армении, «диктатуру меньшевиков» в Грузии), образуют Ревкомы, которые «обращаются за поддержкой к РСФСР» и получают ее в лице «11-й армии», например: «...помощь была немедленно оказана. 28 апреля в Баку вступили части 11-й Армии, которые помогли восставшим закрепить победу» и т.п.⁷⁷ Победа «советской власти» описывается как полностью отвечающая «интересам народов». Советской Армии приписывается роль помощника, который ничего не решает, а лишь в нужный момент поддерживает восставших.

Предполагается, что «[В] результате победы социалистической революции, последовательного осуществления ленинской национальной политики все «народы» воспользовались предоставленным им правом и образовали «собственные государства»⁷⁸ («самостоятельных советских республик»⁷⁹), испытывавшие большую «тягу к государственному объединению».⁸⁰ В роли субъектов действий и политических решений выступают «народы» и «республики»:

«С первых дней своего возникновения советские *республики установили* между собой тесные политические, хозяйственные и культурные связи, *помогали друг другу* в общем деле строительства новой жизни, в защите своей территории и независимости. В годы гражданской войны [...] *они объединили* свои вооруженные силы и материальные ресурсы для совместной борьбы против врагов. Это явилось одним из важнейших

76 Там же, стр. 243.

77 «Прибывшие из Азербайджана части 11-й армии помогли окончательно закрепить победу народа и утвердить в Армении Советскую власть»; «По указанию В.И. Ленина в Грузию была послана 11-я армия. 25 февраля отряды повстанцев и части Красной Армии вступили в Тифлис (Тбилиси). В тот же день была провозглашена Грузинская Советская Социалистическая Республика» (Там же, стр. 243)

78 «народы Украины, Белоруссии, Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия), Средней Азии (Бухара, Хива) обрели свою государственность и образовали самостоятельные советские республики. Многие народы в составе РСФСР получили автономию, образовали автономные республики и области. Были образованы Туркестанская, Башкирская, Татарская, Киргизская (Казахская), Дагестанская и Горская автономные республики и ряд автономных областей. "Мы дали всем нерусским национальностям их собственные республики или автономные области", – говорил В.И. Ленин» (Там же, стр. 249)

79 «Когда закончилась гражданская война, на территории бывшей Российской империи существовало шесть самостоятельных советских социалистических республик: Российская Федеративная, Украинская, Белорусская, Азербайджанская, Армянская, Грузинская» (Там же, стр. 268).

80 «[До образования СССР] отношения между собой республики регулировали посредством договоров, которые предусматривали не только совместную оборону, но и экономическое сотрудничество. Однако по мере расширения хозяйственного и культурного строительства все сильнее ощущалась необходимость более тесных связей между всеми советскими республиками. Росла их тяга к государственному объединению» (Там же, стр. 268).

источников победы советского народа в войне.⁸¹ С переходом к мирному строительству советские республики начали налаживать между собой хозяйственные связи, помогать друг другу в восстановлении народного хозяйства. Наибольшую помощь оказывала Российская Федерация, как самая крупная и экономически более развитая республика, хотя она сама переживала огромные трудности⁸². [...] Экономические связи все более расширялись [...] Летом 1922 г. все советские социалистические республики поставили вопрос о более тесном объединении. В связи с этим ЦК Коммунистической партии создал специальную комиссию для определения наиболее целесообразного пути решения этого вопроса (курсив автора).⁸³

Советский исторический нарратив предполагает, что в ходе социалистической революции «тюрьма народов» была разрушена и новое объединение (РСФСР, СССР) сложилось на основе добровольного и свободного «волеизъявления народов», прагматически заинтересованных в объединении. Прежде безгласные (или одурманенные буржуазной пропагандой) «народы» превращаются в субъект волеизъявления. За Россией закрепляется роль главного донора, оказывающего всем остальным членам Союза «наибольшую помощь».

Превращение «народов» и «республик» в политических акторов позволяет скрыть роль политических, экономических и др. элит в процессе образования (объединения, размежевания) государств. Гегемония («советского» государства) выражается в том, что «республики», являясь формой «самоопределения народов», обретают статус выразителя «интересов [соответствующего] народа». «Коммунистическая партия» при этом оказывается «помощником», ориентированным на поиск «целесообразного [в интересах всех народов] пути решения вопроса», а не преследующей специфические политические или административные цели (например, обеспечить контроль над республиками и их элитами):

«[Советская власть] по природе своей глубоко интернациональна, не разъединяет, а сплачивает трудящихся различных национальностей, ее основой является дружба народов.»⁸⁴

81 Клише, которое возникло после ВОВ и было перенесено на репрезентацию процессов, связанных с формированием СССР.

82 «РСФСР» играет ту же роль, что играет «русский народ» в этнической, а «пролетариат/рабочий класс» в классовой классификации. Среди «республик», как и среди других типов акторов, должна быть идентифицирована «наиболее развитая». «Развитость» ассоциируется со способностью помогать другим вопреки своим интересам. «Наибольшую помощь оказывала Российская Федерация, как самая крупная и экономически более развитая республика, хотя она сама переживала огромные трудности. Так в 1921 – 1922 гг. из Советской России было перебазировано в закавказские республики несколько текстильных фабрик, типография, литография. При помощи РСФСР был построен нефтепровод Баку – Тбилиси, строилась гидроэлектростанция близ Тбилиси и т.д. Большую помощь оказывала Российская Федерация и другим республикам» (Там же, стр. 268).

83 Там же, стр. 268.

84 Там же, стр. 269.

«В отличие от капиталистической собственности, которая разъединяет людей, вызывает вражду и войны между народами, общественная социалистическая собственность объединяет народы.»⁸⁵

Презентация народов как действующих самостоятельно и в собственных интересах способствует легитимации действующей власти. Идеологическое требование «дружить» превращается в «естественную потребность народов». В СССР «народы» не могут не «дружить», так как все, кто их прежде «разъединял», из общества символически (и физически) исключены. Если какой-то конфликт и может быть обнаружен, то только как конфликт «народа» с его «врагом». При этом «враг» автоматически исключается из всех «социалистических наций» и ассоциируется с «международным империализмом» и т.п. Таким образом «народ» очищается от негативных коннотаций, становится идеальным объектом поклонения, требование «любить свой народ», «служить его интересам» не может быть ассоциировано с проявлениями неприязни и вражды к другим «народам».

В СССР нет (и не может быть) ни «межэтнических», ни территориальных конфликтов. Все политические решения оказываются целесообразными и эффективными. Например, создание ЗСФСР (в 1922 г.) объясняется осознанной «республиками» необходимостью объединиться для совместного «ведения экономического и культурного строительства», «преодоления национальной розни и укрепления дружбы между народами Закавказья».⁸⁶ А ее упразднение и разделение на три союзные республики (в 1936 г.) ассоциируется с «выполнением этой исторической миссии».⁸⁷

«Образование СССР явилось событием всемирно-исторического значения. История знает немало многонациональных государств. Как правило, они возникали в результате завоевания и порабощения одним, более сильным государством других, слабых и поэтому являлись ареной острой национальной борьбы. Впервые в истории было создано многонациональное государство на основе добровольного объединения равноправных народов, государство, свободное от национального неравенства и гнета. Образование СССР укрепило дружбу и братство народов страны, явилось одним из решающих факторов, обеспечивших благоприятные условия для строительства социализма, подъема экономики и культуры всех советских республик, коренного улучшения жизненных условий трудящихся, укрепления оборонного могущества и международных позиций многонационального Советского социалистического государства.»⁸⁸

85 Там же.

86 «В 1922 г. Азербайджан, Армения и Грузия объединились в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР). Это должно было помочь республикам успешнее вести экономическое и культурное строительство, а также способствовать преодолению национальной розни и укреплению дружбы между народами Закавказья» (Там же, стр. 268).

87 «Закавказская Федерация была упразднена, так как выполнила свою историческую миссию: она обеспечила экономический и культурный расцвет входивших в ее состав республик, укрепила дружбу между населяющими их народами. Азербайджанская, Грузинская и Армянская СССР, до 1936 г. входившие в состав Закавказской Федерации, непосредственно вошли в состав СССР как союзные республики» (Там же, стр. 374).

88 Там же, стр. 271-272.

«Многонациональность» в советском историческом нарративе существует, скорее, лишь на уровне общих деклараций. В советских учебниках многократные указания на «многонациональность» населения СССР и «равноправие народов» и «республик» соседствуют с бедностью палитры используемых этнических категорий. Фактически разговор о «подлинной дружбе» «советских наций» оказывается инструментом легитимации гегемонного положения одной из них. В республиканских учебниках это могут быть «титовские нации» («армяне» в Армении, «грузины» в Грузии и т.п.). Положение «русского народа» («русского пролетариата») в этом ряду специфично. Он охарактеризован как гегемон не столько в масштабах «своей республики», сколько в масштабах СССР, на него «равняются все остальные народы».

Если в центр «подлинно революционной программы решения национального вопроса» помещено «право наций на самоопределение, вплоть до полного отделения»,⁸⁹ то при описании периода после образования СССР постоянно указывают на «сохранившееся за каждой союзной республикой право свободного выхода из СССР».⁹⁰ Но сложно даже представить себе, как такой выход мог бы быть обставлен, если учесть, что артикуляция сомнения в том, что в СССР интересы всех народов полностью удовлетворены, может быть расценена исключительно как происки враждебных сил.

Ученики социализируются в мысли, что территориальное «самоопределение народа» является неотъемлемой чертой «демократии», центральным принципом *справедливого* устройства общества. Разрушение монополии КПСС на производство истины, постановка под вопрос действительного соблюдения «права наций на самоопределение, вплоть до отделения» в СССР превращает требование реализации этого права в символ «демократизации».

Современные учебники: от «империи» к «СССР» – разные «формы существования многонационального государства»

В современных учебниках антагонизм, прежде связывавший «российскую империю» и «СССР», снимается. Разные варианты политического устройства (российская империя, СССР) начинают рассматриваться как разные «формы существования российского многонационального государства». Подчеркнута исключительность (в частности,

89 «Буржуазия довольствовалась незначительными подачками царизма и переходила на его сторону, помогая душить рабочее и крестьянское движение. Мелкобуржуазные партии выступали в национальном вопросе пособниками буржуазии. Лишь большевики выдвинули подлинно революционную программу решения национального вопроса, отстаивая право наций на самоопределение, вплоть до полного отделения» (*Там же*, стр. 62).

90 «В Конституции [1936 г.] было зафиксировано, что СССР есть союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных советских социалистических республик. [...] За каждой союзной республикой сохранилось право свободного выхода из СССР» (*Там же*, стр. 374).

мирный характер присоединения территорий) российского опыта строительства «многонационального государства». Российский и советский опыт противопоставлен «западному» и призван стать примером гуманного решения сложнейших проблем мультикультурных обществ.

Современная версия истории России не предполагает классового деления внутри «народов». Деление на «русских» и «царизм» не работает в контексте легитимации колониальной политики (как это было в советских учебниках). «Царизм» (или «самодержавие») больше не может быть использован как антагонист «русского и других народов России». «Император» перестает быть лишь проводником «интересов эксплуататорских классов» и становится «главным сплывающим звеном многонациональной Российской империи».⁹¹ Переопределяется роль «национальной буржуазии», которая теперь «как правило, становилась во главе борьбы за перемены».⁹² В контексте ликвидации разрыва между «русским народом» и «царской властью» борьба «[угнетенных] народов» с «русскими властями» в некоторых учебниках получает название «антирусского движения на Кавказе».⁹³ Рассмотрим, каким образом в этом контексте изложена колониальная политика и практики Российской империи в XIX веке.

«Тюрьма народов»?

Авторы анализируемых современных учебников истории России для 10 класса⁹⁴ предпочитают критически относиться к ленинскому тезису о ней как о «тюрьме народов». Одни полагают, что «представление о Российской империи как о «тюрьме народов» является не более чем историческим мифом»,⁹⁵ другие видят в этом «известном тезисе» крайнюю и упрощенную оценку⁹⁶ или наименование общепринятой практики, «распространенной и в других странах того времени».⁹⁷

91 «Главным сплывающим звеном многонациональной российской империи было то, что все ее жители являлись подданными государя императора» (Н.В. Загладин (2005 г.). *Указ. соч.*, стр. 367).

92 О.В. Волобуев и др. (2004б). *Указ. соч.*, стр. 10.

93 А. Левандовский (2009 г.). *Указ. соч.*, стр. 158-159. Этот же автор пишет о том, что «внешнеполитические успехи России [в период правления Николая I] привели к сближению на антирусских позициях ведущие европейские державы» (*Там же*, стр. 160).

94 О.В. Волобуев и др. (2004а). *Указ. соч.*; Н.В. Загладин (2005 г.). *Указ. соч.*; А. Левандовский (2009 г.). *Указ. соч.*; А.Н. Сахаров и А.Н. Боханов (2011а). *Указ. соч.*

95 Словосочетание «исторический миф» используется ими, чтобы сообщить о ложности негативной интерпретации и оценки событий, образующих общую сюжетную линию «расширения территории России». Все укладываемое в эту линию события рассматриваются как шаги в создании «многоэтнической и многоконфессиональной страны». Например, «Одной из особенностей России являлось то, что на протяжении веков она складывалась как многоэтническая и многоконфессиональная страна. В России жили православные, католики, протестанты, мусульмане, иудеисты, буддисты, а также люди, придерживавшиеся языческих верований. Для Российской империи было характерно различие граждан по религиозности, а не по национальности... Религиозные и этнические ограничения существовали в России, как и в других странах того времени. Однако представление о Российской империи как о «тюрьме народов» является не более чем историческим мифом» (О.В. Волобуев и др. (2004а). *Указ. соч.*, стр. 384).

96 Н.В. Загладин (2005 г.). *Указ. соч.*, стр. 367-368.

97 О.В. Волобуев и др. (2004а). *Указ. соч.*, стр. 384.

«Россия» характеризуется как «многонациональная империя»,⁹⁸ которая, в отличие от «западноевропейских держав», строивших «свои колониальные империи за счет *захватов* заморских земель», «*раздвигала* собственные границы». Действия «России» описаны в терминах «освоения», «расширения границ», «присоединения территорий»,⁹⁹ «изменения этнической карты Российской империи»¹⁰⁰ и т.п.

Позитивная презентация (колонизаторских) действий России особенно очевидна на фоне риторики «колониальной экспансии и захватов», осуществляемых «западноевропейскими странами». Лишь один пример: «[П]о мере того, как Россия *усиливала проникновение* в Среднюю Азию, Англия *повторяла попытки завоевания* Афганистана».¹⁰¹ Одни и те же действия (захват новых территорий и покорение населения) описаны по-разному, в зависимости от того, кто их совершает: Россия – «проникает», «присоединяет», Англия и др. – «завоевывает».

Если субъект колонизации – «страны Европы», то их действия охарактеризованы как катастрофа для «народов колоний».¹⁰² Если же субъектом является Россия, то оказывается, что она *просто* «раздвигает собственные границы», «превращается в многонациональное государство».¹⁰³ Предполагается, что такой способ развития империи способствует формированию *особых* отношений между завоевателями и покоряемыми народами: «[П]ротиворечия между народами метрополий и завоеванных территорий для России оказывались проблемой внутреннего развития, а не международной жизни».¹⁰⁴

Владение «*заморскими* колониями» оценивается принципиально иначе, чем «освоение» территорий, «*непосредственно примыкавших* к основной территории империи». Первое ассоциируется с «насилием и подавлением» и проходит по статье «колониализм», второе –

98 Н.В. Загладин (2005 г.). Указ. соч., стр. 363.

99 Различные «обширные территории, населенные народами с разными языками, религиями и культурами», описаны как «входящие» «в состав России», «присоединяемые» к ней и т.п. в учебнике Загладина (2005 г.): «... в XIV веке к России были присоединены Казанское и Астраханское ханства, ее власть признали Ногайская Орда и Башкирия [...] Русские начали осваивать Поволжье, Приуралье, Северный Кавказ», «в начале XVII века [...] расширение границ замедлилось, хотя заселение Сибири [...] продолжалось», «после завершения наполеоновских войн по решению Венского конгресса 1815 г. к России была присоединена большая часть территории собственно Польши с Варшавой», «Швеция [...] уступила ей Ижорскую землю, территорию современных Эстонии, Латвии, Финляндии», «В 1739 г. она [Россия] окончательно присоединила Азов и Запорожье. [...] В результате войн с Турцией, Ираном, Кавказской войны с горскими народами [...] к Российской империи были присоединены Чечня, Адыгея, Горный Дагестан, Сванетия, Грузия, Армения, Азербайджан (иначе говоря, Северный Кавказ и Закавказье), а также Бессарабия» (*Там же*, стр. 64-66).

100 *Там же*, стр. 363.

101 *Там же*, стр. 356.

102 «Для народов колоний завоевания были катастрофой. Они сопровождались разрушениями, ограблением покоренных земель, стали причиной голода и эпидемий, уносивших жизни многих людей». (*Там же*, стр. 359). «Беднейшие, необразованные слои населения под руководством религиозных лидеров, части местной феодальной знати пытались отстоять или вернуть независимость. Они первыми принимали на себя удар колонизаторов, но, как правило, сопротивление оказывалось бесплодным. Выступления под лозунгами восстановления традиционного образа жизни, изгнания европейцев беспощадно подавлялись». (*Там же*, стр. 359)

103 «Вопросы и задания: 1. Назовите пути превращения Российской империи в многонациональное государство [...]» (*Там же*, стр. 370).

104 *Там же*, стр. 370.

с «защитой жизненно важных интересов»,¹⁰⁵ «ответственностью за судьбы живших [на территории этих интересов] народов».¹⁰⁶ Если «народы», покоряемые «западными колониальными державами», оказывались в «катастрофическом» положении, то «включение в состав Российской империи» оказывается, как правило, «спасительным»:

«[Д]ля многих народов, имевших воинственных соседей и враждебных им соседей (Турция и Иран у грузин и армян, джунгары у казахов) включение в состав Российской империи в существовавших тогда условиях было спасительным. Оно помогло сохранить национальную культуру и традиции, защититься от насильственной ассимиляции (поглощения более крупным народом). Представители их правящей элиты вошли в общеимперскую.»¹⁰⁷

«Населявшие Российскую империю народы *не были полностью равноправны*. Самодержавие *ограничивало в правах* те народы, которые *проявляли непокорность*. В свою очередь неравноправное положение, ограничения в правах стимулировали сопротивление, тягу к обретению независимости, иммиграцию, выступали источником напряженности в межнациональных отношениях, сыгравшей немалую роль в крахе империи (курсив автора).»¹⁰⁸

Тема «присоединения Кавказа в начале XIX века» звучит не во всех современных учебниках.¹⁰⁹ В учебнике О.В. Волобуева и др.¹¹⁰ «присоединение Кавказа в начале XIX века»¹¹¹ объединено с другими темами («Присоединение Казахстана и Средней Азии», «Заселение Сибири и Дальнего Востока» и обобщающей темой «Пути создания империи») в один параграф «Россия – многонациональная империя».¹¹²

Если говорить об отличиях (советской-постсоветской) артикуляций данной сюжетной линии, то стоит упомянуть, что в учебнике О.В. Волобуева и др. гораздо больше ссылок

105 «Россия не имела заморских колоний, подобно Англии или Франции. Земли, присоединенные в XIX веке (Польша, Финляндия, Средняя Азия), непосредственно примыкали к основной территории империи. Главной внешнеполитической задачей царского правительства являлось обеспечение стратегической безопасности на границах империи. Однако эта задача не сводилась только к обороне, она включала в себя проблему установления контроля над теми районами мира, которые признавались жизненно важными для России» (О.В. Волобуев и др. (2004б). *Указ. соч.*, стр. 35).

106 Например, «Россия издавна считала Балканы зоной своих интересов и осознавала ответственность за судьбу живших здесь православных народов» (*Там же*, стр. 38).

107 Н.В. Загладин (2005 г.). *Указ. соч.*, стр. 368.

108 *Там же*, стр. 370.

109 В частности, в учебнике Н.В. Загладина она ограничивается одним предложением: «В результате войн с Турцией, Ираном, Кавказской войны с горскими народами [...] к Российской империи были присоединены Чечня, Адыгея, Горный Дагестан, Сванетия, Грузия, Армения, Азербайджан (иначе говоря, Северный Кавказ и Закавказье), а также Бессарабия» (*Там же*, стр. 64-66).

110 Именно этот учебник будет использован как основной источник материала в данной части работы.

111 О.В. Волобуев и др. (2004а). *Указ. соч.*, стр. 340-344.

112 *Там же*, стр. 339-354 (вместе с таблицей «Этнический состав населения России в конце XIX века»).

на различные договоры;¹¹³ отсутствует тематизация классового конфликта и характерное для советского нарратива отождествление «народа» с «трудящимися». Соответственно, исчезает языковой ресурс, позволяющий вводить двойственную оценку российского присутствия, в частности, на Кавказе; отсутствует позиционирование автора/ученика на стороне «трудящихся»;¹¹⁴ не используется словосочетание «колонизаторская политика», его заменяет риторика «присоединения [...] к России» и т.д. Однако при всех различиях в деталях описания процесса «присоединения Закавказья» его нейтральная или позитивная оценка сохраняется:¹¹⁵ «Победы русских войск избавили народы Закавказья от истребительных нашествий иранских и турецких войск»;¹¹⁶ «В результате присоединения Закавказья к Российской империи прекратились усобицы, население было защищено от нападений извне. Были созданы благоприятные условия для развития хозяйства, для сохранения и развития армянской, азербайджанской, грузинской культуры»¹¹⁷ и т.п.

Факт существования (в начале XIX в.) как «народов Закавказья», «армян», «грузин», «азербайджанцев», так и соответствующих («армянской, азербайджанской, грузинской») «национальных культур» не ставится под вопрос. Присоединение к Российской империи (потом к СССР) позволило им «развиваться». Отсутствие артикуляции различий, существовавших (и существующих) внутри сообществ, обозначаемых сегодня категориями «армяне», «азербайджанцы», «грузины», позволяет осмысливать их как гомогенные в культурном и политическом отношении. На этом фоне особенно контрастно выглядят «народы Северного Кавказа». Они возникают в разделе «Кавказская война», который начинается следующими пассажами:

113 «Начало присоединению Закавказья положило подписание в 1783 г. Георгиевского трактата об установлении протектората России над восточно-грузинским царством Картли-Кахети» (*Там же*, стр. 340). «По Бухарестскому договору признавались права России на Грузию. В 1813 г. был заключен Гюлистанский мирный договор, по которому Иран признавал переход в состав России территории Дагестана, северного Азербайджана и восточной Грузии». (*Там же*, стр. 340). «В 1828 г. Иран, потерпев поражение в войне, по Туркманчайскому договору передал России Ереванское (восточная Армения) и Нахичеванское ханства. Этот мирный договор положил конец войнам между Россией и Ираном. В том же году началась война с Турцией, в результате которой по Адрианопольскому мирному договору к России отошли Черноморское побережье Кавказа от устья реки Кубани до Поти, Ахалцихская область (южные грузинские земли) и дельта Дуная» (*Там же*, стр. 340-341).

114 Стремление «русских властей» «установить добрые отношения с местной знатью» (*Там же*, стр. 341) освещено нейтрально. «Около 30 тыс. грузинских помещиков получили дворянство и княжеские титулы. В Грузии и Азербайджане все земли, находившиеся в распоряжении местных помещиков ко времени присоединения к России, были объявлены их безусловным и наследственным владением, а крестьяне, жившие на них, – крепостными. Земли тех представителей местной знати, которые были настроены враждебно к России, подлежали конфискации и передаче в казну. За армянской церковью закреплялись ее земли вместе с жившими на них крестьянами. Благодаря этим мерам большинство представителей закавказской знати верой и правдой стали служить императорской России» (*Там же*, стр. 341).

115 «Начало присоединению Закавказья положило подписание в 1783 г. Георгиевского трактата об установлении протектората России над восточногрузинским царством Картли-Кахети. Россия принимала восточную Грузию под свое покровительство и обязывалась защищать ее во время войны. Однако это не спасло грузинские земли от губительных набегов соседнего Ирана. Уже к 1810 г., благодаря поддержке со стороны местного населения, Грузия и северный Азербайджан оказались под контролем русских войск» (*Там же*, стр. 340). Вопрос о том, почему российское «покровительство» и «обязательство защищать» «не спасло грузинские земли от губительных набегов соседнего Ирана», остается открытым.

116 *Там же*, стр. 341.

117 *Там же*, стр. 341.

«Народы Северного Кавказа говорили на полусотне языков.¹¹⁸ Большинство их относилось к северокавказской семье языков, включавших в себя три группы: абхазо-адыгскую (абхазы, адыгейцы, черкесы, кабардинцы), нахскую (чеченцы, ингуши) и дагестанскую (аварцы, даргинцы, лезгины, лезгины и др.). Кроме того, здесь жили тюркоязычные народы (ногайцы, балкарцы, карачаевцы, кумыки). Все коренные народы Кавказа (за исключением ираноязычных осетин, большая часть которых исповедовала православие) были мусульманами.

В отличие от народов Закавказья, которые имели культурные и государственные традиции, уходящие корнями в древность, у горских народов Северного Кавказа только начинался процесс формирования государств, а в труднодоступных изолированных районах преобладал родоплеменной быт. Так, например, в Дагестане существовало до 10 различных государственных образований и более 60 «вольных обществ». Независимые «вольные общества» преобладали в Чечне и Ингушетии. Народы Кавказа страдали от межплеменной розни.»¹¹⁹

Следуя советской традиции, автор выделяет две территории («Закавказье» и «Северный Кавказ»¹²⁰) и два типа «народов» («народы Закавказья» и «народы Северного Кавказа»); относит эти «народы» к разным стадиям развития, подчеркивает экономическую отсталость «народов Северного Кавказа». Как новацию можно рассматривать более четкую артикуляцию отсутствия (или слабости) у этих «народов» «культурных и государственных традиций» и «объединяющих начал» (языковая, политическая, культурная гетерогенность) на фоне *всеобщей* приверженности исламу. Использование категории «племя» позволяет лишний раз подчеркнуть *отсталость* «горцев».¹²¹

Как выясняется из текста, ислам рассматривается как *объединяющее* «горцев» *начало*, но только в деле борьбы с «русской администрацией, военным командованием и казаками».¹²² Авторы других учебников усматривают главную причину «непокорности» «народов, населявших горные районы Кавказа», в нежелании отказываться от «привычного

118 О языковых различиях «армян», «азербайджанцев», «грузин» XIX века речь не идет.

119 Там же, стр. 341-342.

120 Категории «южный Кавказ», «восточный/западный Кавказ» не встречались.

121 Из курса «Обществоведения» российские школьники должны усвоить, что «племя» – низшая стадия развития «этноса», наиболее далекая от его «высшей стадии» – «нации» (Карпенко Оксана. Обучение «национальным» различиям: «народ» в школьных учебниках обществоведения // Расизм в языке образования / Под ред. Воронкова В., Карпенко О., Осипова А. СПб: 2008. стр. 5-23; Karpenko, O. Teaching "national" differences: "narod" in Russian school textbooks // *Paradoxes of Diversity in the Contemporary World: Discussions of 'Culture' and 'Tolerance' after the Soviet Union*. Eds. Michele Rivkin-Fish and Elena Trubina. Washington, DC: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2010, стр. 193-217.)

122 «Постоянные конфликты на Северном Кавказе между русской администрацией, военным командованием и казаками с одной стороны и фактически независимыми горскими племенами с другой вылились в широкомасштабную Кавказскую войну. Горцы вели ее под знаменем газавата (священной войны против неверных). Руководил ею имам – духовный глава северокавказских мусульман. [...] Прославленным вождем горцев стал третий по счету имам – Шамиль, который в течение 25 лет, до 1859 г., возглавлял образовавшееся на территории горного Дагестана и Чечни государство – имамат» (О.В. Волобуев и др. (2004а). *Указ. соч.*, стр. 343).

для них жизненного уклада, в котором важнейшее место занимали набеги на окрестные территории»,¹²³ приверженности «мусульманству» и массовом распространении «мюридизма».¹²⁴

Культурная и политическая гетерогенность «народов Северного Кавказа» ассоциируется с «отсталостью». Кроме того, «горским народам» приписывается традиция проведения «систематических набегов [совершаемых] не только на Закавказье, но и на предгорья и равнины Северного Кавказа, где под влиянием России произошло оживление хозяйственной жизни».¹²⁵ Эта практика объясняется дефицитом земли, необходимой для ведения скотоводства – «главного занятия в горах»,¹²⁶ «примитивностью» земледелия¹²⁷ и традицией работорговли, угона скота¹²⁸ и т.п. На этом фоне любая политика и практика «России» на Северном Кавказе, будучи описана как «пришедшая в столкновение с интересами организаторов и участников набегов»,¹²⁹ оказывается вполне легитимной и оправданной. И наконец, нормализации и легитимации политики России на Северном Кавказе способствует описание геополитической ситуации, *вынуждающей* «Россию» вести борьбу с «угрожающими господству России на Кавказе» «независимыми горскими племенами».¹³⁰

123 «Начало Кавказской войны. Мюридизм. Иначе обстоит дело на Северном Кавказе, который отделял Закавказье от России, препятствуя их слиянию в единое целое. Еще в начале XIX в. русским властям удалось заключить соглашение с осетинами и ингушами о присоединении их к России. Однако большая часть народов, населявших горные районы Кавказа, была настроена непримиримо: исповедуя мусульманство, горцы не желали покоряться “неверным”. К тому же подчинение России неизбежно вело к отказу от привычного для них жизненного уклада, в котором важнейшее место занимали набеги на окрестные территории. Горцы были опасными противниками; их отличали воинственность, племенная сплоченность, беззаветная преданность своим вождям – черты, в известной степени связанные с родовым строем» (А. Левандовский (2009 г.). *Указ. соч.*, стр. 158).

124 «... с конца 20-х гг. борьба на Северном Кавказе вступила в новую стадию: все большее распространение среди ряда горских народов (прежде всего в Чечне и в Дагестане) получает мюридизм. Сторонники этого движения — мюриды — должны были строго соблюдать шариат, т.е. нормы жизни, которые предписывал ислам. Нарушение шариата влекло за собой самые серьезные наказания. В то же время мюриды становились воинами, беспрекословно подчиняющимися своим вождям и духовным наставникам, под руководством которых они должны были вести беспощадную борьбу с «неверными». Мюридизм сплачивал стихийное, разрозненное антирусское движение на Кавказе, превращая его в серьезную силу. (*Там же*, стр. 158-159)

125 О.В. Волобуев и др. (2004а). *Указ. соч.*, стр. 342.

126 «Пригодной для обработки земли в горных районах было мало, равнинные же земли прочно удерживала за собой Россия. Стесненность в пастбищных угодьях (зимой горцы перегоняли скот в предгорья, на равнину) осложняла отношения между племенами, знатью, общинами и царской администрацией, а также казаками» (*Там же*, стр. 342).

127 *Там же*.

128 «Северный Кавказ в течение веков поставлял рабов на ближневосточные рынки. Захват пленников, скота, имущества был составной частью жизни горских народов» (*Там же*, стр. 342).

129 *Там же*, стр. 342.

130 «После присоединения Закавказья к России политическая ситуация существенно изменилась. Владения горских племен со всех сторон оказались окружены землями, вошедшими в состав Российской империи. Независимые горские племена, всегда готовые к вооруженным нападениям, угрожали господству России на Кавказе. Они представляли опасность для оседлого земледельческого населения Закавказья и русских областей. Среди горцев-мусульман особенно сильным было влияние Турции, которая могла использовать их в борьбе против России. Пытаясь обеспечить прочное обладание вновь присоединенными землями, царская администрация и военное командование начали продвижение вглубь горных районов, сопровождавшееся строительством дорог и крепостей. Горцы, в свою очередь, нападали на крепости и военные отряды» (*Там же*, стр. 342-343).

«Борьба за независимость» и решение «национального вопроса» в СССР

В советских учебниках словосочетание «национально-освободительная борьба» имеет почти исключительно позитивный смысл. Все негативные последствия «самоопределения народов» списываются на «буржуазных националистов». В современной версии «национально-освободительное движение» ассоциируется с «осуществлением лозунга борьбы за создание национальных государств» и маркируется как «национализм».

В «национализме» обнаруживается как конструктивный заряд – «стремление [народа] к свободе, демократии, экономическому процветанию», так и деструктивный – «антиевропейские выступления» освобождающихся народов, «рост национальной нетерпимости и вражды», притеснение «народами, создавшими свои независимые государства, [своих] национальных меньшинств».¹³¹ Тут можно усмотреть перенос оценок событий, связанных с дезинтеграцией СССР, на события периода советизации.

В некоторых современных учебниках Россия (РСФСР) описана как единственный донор, за счет которого реализовалась «целенаправленно проводимая [в СССР] политика сближения наций»: «выравнивание уровня социально-экономического и культурного развития советских республик [происходило] за счет перекачивания туда материальных средств из РСФСР, а внутри нее – из великорусских областей в автономные образования».¹³² Можно допустить, что такая установка, будучи некритически воспринята, может служить источником претензий типа: «мы вам все построили, а вы нас не уважаете».

Анализируемый учебник сообщает о формировании после февральской революции 1917 г.¹³³ «нескольких национальных правительств», среди них трех «закавказских», которыми «руководили представители местных социалистических партий, отрицательно настроенных по отношению к большевикам».¹³⁴ Отказ сотрудничать с «большевиками» больше не рассматривается как «антинародная» позиция, а «утверждение «рабочее-

131 «Начало XX века было отмечено ростом национального самосознания народов, находившихся в составе многоэтнических империй [...] Осуществление лозунга борьбы за создание национальных государств явилось для этих народов символом стремления к свободе, демократии, экономическому процветанию. В то же время национализм нес в себе и деструктивный заряд. Освободительное движение в странах Востока нередко приобретало форму антиевропейских выступлений. Национализм и расизм стали составной частью появившихся на Западе в XX веке человеконенавистнических идеологий, осуществление которых привело к насилию и войнам.» (О.В. Волобуев и др. (2004б). Указ. соч., стр.12). «В послевоенном [I мировая война] мире усилилось национальное движение. Эпоха империй в Европе и Азии закончилась, и на их развалинах возникли независимые национальные государства. [...] Процесс подъема национального движения имел и свою оборотную сторону. Он приводил к росту национальной нетерпимости и вражды. Народы, создавшие свои независимые государства, сами нередко начинали притеснять национальные меньшинства. Так случилось, например, с украинцами и белорусами в Польше, с венграми в Румынии, с немцами в Чехословакии» (Там же, стр. 86-87).

132 А.А. Левандовский и Ю.А. Щетинов (2004 г.). Указ. соч., стр. 185.

133 Когда у «жителей национальных окраин» появилась возможность «сделать выбор между нахождением в составе единого государства, той или иной формой автономии или обретением государственного суверенитета» (О.В. Волобуев и др. (2004б). Указ. соч., стр. 76).

134 Там же, стр. 78.

крестьянских правительств» на территориях бывших национальных окраин» (после свержения «национальных правительств») излагается как результат «использования [большевиками] военной силы».¹³⁵ Выставляемую авторами негативную оценку практик утверждения советской власти на «национальных окраинах» можно усмотреть в использовании кавычек.¹³⁶ С их помощью советские «рабоче-крестьянские правительства», возникшие на «национальных окраинах», лишаются легитимности.

Так же, как и в советских учебниках, «объединение советских республик» в Союз (в 1922 году) рассматривается как «закономерное явление», но «закономерность» видится совершенно в другом. С одной стороны, объединение закономерно, так как полностью укладывалось в модель иерархических отношений в партии:

«[Б]ольшевицкий режим сформировался как однопартийный. Части одной и той же партии – Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) [ВКП(б)] – руководили бывшими национальными окраинами. Партия была построена на жесткой дисциплине, подчинении низов верхам. По этой же схеме происходила и перестройка отношений между советскими республиками. По сути, союз государств стал калькой партийной организации. В этом смысле предлагавшийся наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным план «автономизации» был даже чем-то более «честным», чем реализованная в Договоре и Декларации о создании СССР идея В.И. Ленина о полном равноправии республик. Ведь федеративное на словах государство на деле было унитарным – суверенными правами субъекты союза фактически не обладали.»¹³⁷

Указание на большую «честность» И. Сталина – довольно распространенный прием артикуляции соответствующего внутрипартийного спора,¹³⁸ он предполагает, что Ленин и Сталин были полностью солидарны в вопросах партийного строительства. Причина, по которой большинство членов Съезда, на котором принималось соответствующее решение, проголосовали за «ленинский» вариант, не обсуждается. У ученика складывается

135 Там же, стр. 78.

136 Теперь закавыченными оказываются «рабочее-крестьянские правительства». Этот же прием используется в советских учебниках, когда речь идет о «буржуазных "правительствах"» того же исторического периода.

137 Там же, стр. 80. Другой вариант той же самой идеи: «С момента возникновения суверенные республики фактически сразу оказывались в рамках общего политического союза – уже в силу однотипности советской государственной системы и концентрации власти в руках единой большевистской партии (республиканские компартии изначально входили в РКП(б) на правах областных организаций)». (А.А. Левандовский и Ю.А. Щетинов (2004 г.). Указ. соч., стр. 182).

138 В нескольких просмотренных мною учебниках (с разной степенью детализации) обсуждается этот вопрос. Например, «[В] сентябре 1922 г. комиссия ЦК РКП(б) с участием И.В. Сталина подготовила так называемый «план автономизации»: вхождение советских республик в состав РСФСР на правах автономий. Обосновывая его, Сталин не без резона указывал на показной, формальный характер независимости национальных республик, провозглашенных в то время, когда в огне Гражданской войны «нужно было демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе». Теперь же, считал он, надобность в этом политическом камуфляже отпала. Идею «автономизации» с большими или меньшими оговорками одобрили почти все коммунистические лидеры советских республик. Только члены ЦК компартии Грузии однозначно опровергли ее. [...] Этот тезис поддержал В.И. Ленин, расценивший затею с «автономизацией» политически ошибочной, никак не подходящей и для мирного времени. [...] ЦК РКП(б) высказался за это [ленинское] предложение» (Там же, стр. 183).

впечатление, что «большевики» были единогласны в своем стремлении построить Союз по модели единой партии, и вопрос лишь в том, кто был готов об этом «честно» заявить.¹³⁹

С другой стороны, объединение «закономерно», так как «[В] союзном государстве объединились народы, которые на протяжении столетий были связаны *общей исторической судьбой*».¹⁴⁰

«Их прошлое было овеяно героическими подвигами в совместных сражениях с неприятелем. Тесно переплелись хозяйственные связи и культурные традиции народов. История давала им еще один шанс для продолжения строительства общего дома.»¹⁴¹

СССР – одновременно и критикуемый партийный проект «большевиков» и «общий дом» для оказавшихся в нем «народов». (Метафора «общего дома» снабжает СССР как государственный проект однозначно позитивными коннотациями.) Двойственность оценки СССР возникает на стыке негативной оценки (некоторых) *большевистских* практик строительства «общего дома» (репрессии в отношении отдельных народов и т.п.) при общей позитивной оценке такого строительства. Основной порок советской «политики сближения наций» сегодня усматривается в том, что она пыталась (и не смогла) переломить «природу наций»:

«Целенаправленно проводимая политика сближения наций приносила свои плоды главным образом в выравнивании уровня социально-экономического и культурного развития советских республик [...]. Наблюдались и определенная интернализация различных сторон жизни советского общества, вплоть до увеличения числа смешанных браков.

И все же в целом нации упорно не желали «сливаться», утрачивать свою самостоятельность, идущие от предков традиции и обычаи. Напротив, хозяйственный и культурный подъем союзных и автономных республик сопровождался дальнейшим ростом национального самосознания населявших их коренных народов, стремлением к реальному утверждению собственной национальной государственности и суверенитета. Это не могло не входить во все большее противоречие с формальным федерализмом. В результате трещина в фундаменте СССР, заложенная при его создании, с годами не только не затягивалась, а расширялась.»¹⁴²

139 Само это наблюдение может быть интересно в контексте актуальной в России дискуссии о том, каким образом стоит изображать в школьном учебнике Сталина.

140 О.В. Волобуев и др. (2004б). *Указ. соч.*, стр. 80.

141 *Там же*.

142 А.А. Левандовский и Ю.А. Щетинов (2004 г.). *Указ. соч.*, стр.185.

По версии современных учебников, цементом, связавшим и удерживающим «социалистические нации» в Союзе, было не искреннее желание «народов» жить в «советской семье», а структурные характеристики и организационные принципы работы «партии нового типа». Советский федерализм рассматривается как фикция, сохранявшая свое влияние до тех пор, пока Коммунистическая партия не утратила способности сдерживать расширение «трещины в фундаменте СССР». При этом «реальное» утверждение «национальной государственности и суверенитета» ассоциируется с реализацией права «коренного народа». Природа «трещины» усматривается в фиктивности реализации этого права в СССР. Тот факт, что «коренные народы» как культурный и политический феномен являются производным от советской национальной политики, не принимается во внимание. Отождествление «национальной государственности и суверенитета» с реализацией права «коренного народа» создает базу для легитимации этноцентричной модели государственного устройства и этнонационализма как государственной идеологии.

Заключение

В центр представленного выше анализа была помещена категория «(наш) народ», присутствующая как в советских, так и в современных учебниках отечественной истории. В ходе анализа была обнаружена, с одной стороны, определенная преемственность в практиках использования этой категории. И в советском и в современном нарративе «народы» рассматриваются эссенциалистски: как самостоятельные субъекты истории, обладатели особых культур, судеб, интересов и прав. Неотъемлемое право «народов» на независимое существование и легитимность борьбы «народов» за «свободу» в обоих случаях не ставится под вопрос. С другой стороны, наблюдается существенное различие в практиках наполнения смыслом понятия «народ» (его «интересы», «свобода» и «независимость»).

В основу советского подхода заложено представление о классовом антагонизме, разделяющем «народы» («трудящиеся массы») и «эксплуататоров», и классовой солидарности, связывающей «народы» узами «братства». Конфликты и неприязнь между «народами» ассоциируются исключительно с происками «эксплуататоров» и их «пособников», которые, в своем стремлении помешать «народам» объединиться в справедливой борьбе с классовым врагом, систематически разобщают и ссорят их. Успех соответствующих провокаций объясняется не глубинными различиями в культуре и/или интересах народов, а в их (народов) неспособности осознать *объективно* общие интересы (в строительстве социализма/коммунизма). Предполагается, что победа в борьбе с «эксплуататорами» и строительство «социалистических наций» автоматически снимает вопрос о «национальной розни» и «национальном гнете», означает обретение народом свободы и независимости.

В постсоветской версии «свобода народа» больше не определяется реализацией интернационального классового интереса и не ассоциируется с режимом «братства народов». Главным «интересом народа» становится потребность в сохранении и защите (от внешних посягательств) своей территории, культурного и исторического наследия.

Если в советских учебниках «национальная вражда» объяснялась наличием в обществе «эксплуататорских классов», заинтересованных в ее (вос)производстве, то в современных эта вражда становится имманентной отношениям между «народами». Если в советской версии «народы» были связаны «узами дружбы», то в современной подчеркивается склонность «народов» к исключению «чужих».

В современных учебниках борьба «народов» с колониальным гнетом за «освобождение», с одной стороны, справедлива, с другой, ассоциируется с насилием («ростом национальной нетерпимости и вражды»). Можно выдвинуть гипотезу, что двойственная оценка «борьбы за национальную независимость» способствует легитимации определенного видения распада СССР. С одной стороны, он оказывается естественным результатом советской национальной политики, в которой декларировалось, но, как предполагается, не было реализовано «право наций на самоопределение, вплоть до отделения». (Справедливость этого требования не оспаривается, и его реализация рассматривается как восстановление нарушенной справедливости.) С другой стороны, «мы» («русские») оказываемся жертвами «национализма» «народов», «строящих новые национальные государства».

Можно спорить о том, был ли СССР (в тот или другой период своего существования) инвариантом российской империи, но очевидно, что в российских школьных учебниках не предпринимается попыток критически осмыслить опыт «освоения национальных окраин» и избавиться от патерналистского взгляда на «соседей». Российское и советское присутствие на территориях современных независимых государств рассматривается как благо для народов их населяющих. Для современных учебников характерна более активная артикуляция темы донорства России по отношению к другим республикам Союза. Соответственно, высказываемые «соседями» претензии не могут быть осмыслены как «справедливые», имеющие под собой какие-либо основания. Предполагается, что в споре о том, кто больше пострадал от советского режима, выигрывает Россия.

РАЗДЕЛ 2

Конфликты и исторические нарративы

ГЛАВА 7

Армения и Азербайджан:
конфликт в Нагорном Карабахе и новая
интерпретация нарративов в учебниках
истории

Филип Гамагелян и Сергей Румянцев

Введение

В 1991 г. распался Советский Союз и две советские социалистические республики, Армения и Азербайджан, существовавшие в его составе в течение последних 70 лет, получили независимость. Территориальный спор еще советских времен между двумя соседями за Нагорно-Карабахскую автономную область советского Азербайджана, населенную преимущественно армянами, трансформировался в войну между теперь уже независимыми государствами, которая унесла, согласно оценкам, 30 000 жизней и привела к вынужденному переселению более миллиона человек. Соглашение о прекращении огня, заключенное в 1994 г. при посредничестве России, положило конец активной фазе насилия, но не привело к политическому урегулированию. С тех пор между президентами Азербайджана и Армении ведутся переговоры, в настоящее время – под руководством Минской группы ОБСЕ при совместном председательстве США, России и Франции. Однако до сих пор стороны так и не продвинулись к заключению какого-либо договора.

В 1990-х годах неразрешимость этого конфликта часто относили на счет столкновения интересов супердержав.¹ В частности, Россию изображали в качестве страны, заинтересованной в продолжении конфликта.² После августовской войны 2008 г. за Южную Осетию вновь избранный в то время президент России Дмитрий Медведев дал понять, что Россия намерена играть в этом регионе новую позитивную роль, инвестируя существенное время и политический капитал в попытки разрешения Нагорно-Карабахского конфликта. В период между 2008 и 2011 гг. все ключевые международные игроки (США, Россия, Франция и ЕС) были на одной стороне и пытались разрешить этот конфликт. Президенты всех трех стран-посредников (Обама, Медведев и Саркози) в ряде случаев принимали личное участие и выпускали совместные заявления, призывающие конфликтующие стороны к урегулированию. Президент России, при поддержке других сопредседательствующих стран, провел за это время десять встреч между президентами Армении и Азербайджана, пытаясь лично посредничать в разрешении этого конфликта. Эти совместные усилия международного сообщества не дали никакого результата. Они также показали, что конфликт по своей сути является неразрешимым не вследствие геополитических игр, а вследствие неготовности сторон конфликта к компромиссу.

Когда Нагорно-Карабахский мирный процесс вступил в третью декаду тупикового (после прекращения огня) состояния, стороны стали все дальше расходиться, все более вовлекаясь в гонку вооружений, нарушая соглашение о прекращении огня частыми военными стычками и снайперскими убийствами на линии соприкосновения, и возобновили враждебную риторику. Продолжающийся конфликт малой интенсивности

1 C. Crocker, F.O. Hampson & P. Aall (2004), *Taming Intractable Conflicts: Mediation in Hard Cases*. (К. Крокер, Ф.О. Хэмпсон, П. Аалл, Неподатливые во времени конфликты: посредничество в трудных случаях) Washington: USIP Press.

2 P. Gamagheyan (2005). *Intractability of the Nagorno-Karabakh Conflict: a Myth or a Reality?* (Ф. Гамагелян, Неподатливость Нагорно-Карабахского конфликта: миф или реальность?) Peace and Conflict Monitor, University for Peace: Costa Rica. Документ доступен по адресу: http://www.monitor.upeace.org/archive.cfm?id_article=285

не ограничивается наращиванием военного потенциала. Средства массовой информации и системы обучения были фактически преобразованы в пропагандистские машины. СМИ и институты образования активно участвуют в «разжигании войны», создавая образ вечного врага. Позитивный образ «себя» и дегуманизированный образ «другого».

Переход конфликта в непрерывное состояние можно рассматривать в качестве основной его характеристики в период после 1994 г. Это объясняется нежеланием основных конфликтующих сторон пойти на взаимные уступки и компромиссы, а также быстрым распространением реваншистских настроений. Несмотря на заявления президентов обеих стран об их стремлении к мирному урегулированию, постоянный рост военных бюджетов и повышенное внимание к укреплению армий на фоне огромного количества нерешенных экономических и социальных проблем также могут быть интерпретированы как реальная подготовка к еще одной войне. Ситуация в области исторических исследований может быть интерпретирована таким же образом. Равно как и обучение отечественной истории в Азербайджане и Армении, если учесть, что постоянно возникающий образ «врага» играет ключевую роль в изложении истории.

В начале 1990-х гг., почти сразу после распада Советского Союза, в Азербайджане и Армении началась разработка новых образовательных нарративов отечественной истории. В качестве основы для отечественных нарративов в значительной степени использовались тексты, созданные во времена СССР. Чем дальше в историю углублялись эти нарративы, тем меньше была степень их пересмотра, которая определялась лишь изменением интонации при описании событий. Этот процесс почти не затронул образы героев, различных политических фигур или деятелей искусства, которые были созданы специалистами в советский период.

Значительному пересмотру подвергались, главным образом, исторические события, относящиеся к 19 и 20 векам. От появления Российской империи на Кавказе до краткого периода строительства национального государства в 1918-20 гг. и установления советского политического режима. Конфликт по поводу контроля над Нагорным Карабахом во время развала Советского Союза привел к созданию коллективного образа «исторического врага». В азербайджанских учебниках истории, равно как и в армянских, этот образ (миф) включает также русских и иранцев (персов). В армянских учебниках этот «образ врага» проектируется на турок и азербайджанцев, которых зачастую объединяют в единое целое.

Как и в советском варианте, в нарративах, появившихся в постсоветский период, уделялось существенное внимание политической истории, которая представлена как последовательность войн, восстаний и союзов «за» или «против» кого-либо. Составители учебников ретроспективно интерпретируют многочисленные конфликты и войны 19 и 20 веков, базируясь на контексте Карабахского конфликта (1988-94 гг.), который является современным для авторов. В азербайджанских учебниках роль Азербайджана в этих

конфликтах и войнах в значительной степени обусловлена определением страны как части «единого тюркского мира» (постсоветская версия пантюркизма). Среди союзных государств/наций, которые обычно характеризуют как «братские», центральное место отведено региональному соседу – Турции. В противоположность этому в армянских учебниках армяне изображены в качестве уникальной этно-национальной и религиозной идентичности, которая определяется борьбой за выживание против различных «других» (в самом недалеком прошлом в качестве «других» выступали турки и азербайджанцы). Определенные «христианские» силы, в частности, Россию, нередко характеризуют в качестве союзников, хотя часто и ненадежных.

Авторы данной статьи концентрируют внимание на отображении в современных учебниках истории Нагорно-Карабахского конфликта, периода войны 1991-1994 гг. и послевоенного периода, уделяя при этом особое внимание созданному в процессе их написания нарративу, а также его влиянию на отношения между двумя обществами, продолжение конфликта и перспективы его разрешения. Политический процесс реконструкции исторических текстов советской эпохи и написания современных учебников истории для средних школ Армении и Азербайджана был проанализирован другими авторами данного сборника – Севиль Гусейновой и Тиграном Матосяном.

История, память и конфликт

Отдельные люди являются свидетелями лишь крошечной части «истории». Все остальные наши «знания» об истории – это результат передачи нам сведений от предыдущих поколений с помощью учебников истории, устных нарративов, памятных церемоний или иными способами. Даже недавние события транслируются с помощью средств массовой информации, устных рассказов, полученных не из первых рук, слухов и интернета. Если учесть ангажированность, преобладающую в СМИ или в интернете, и тенденцию к искажению рассказов при передаче их от одного лица к другому или из одного источника к другому, то современные события редко становятся известны людям в их реальном виде. Если мы редко способны придти к согласию относительно «факта», касающегося современных событий, и если учесть политическую мотивацию, которая является частью написания, переписывания и одобрения исторических книг и учебников, то становится ясно, что учебники истории представляют собой политически мотивированную интерпретацию прошлого, а не изложение событий в том виде, в котором они действительно происходили.³

В Армении и Азербайджане «история» понимается в позитивистском смысле, в качестве точной науки. Задачу истории видят в обнаружении «фактов» и установлении «истины». Сегодняшнее изложение истории зачастую приравнивается к действительно

3 P. Gamaghelyan (2011). 'Lessons of "History"' (Ф. Гамагелян, Уроки «истории»). Документ доступен по адресу: <http://thenotblackandwhite.wordpress.com/2011/03/10/lessons-of-%C2%ABhistory%C2%BB/>

происходившим событиям. Однако, как отмечал Рикёр и многие другие, «история» имеет мало общего с наукой и много общего с нарративом рассказа и эффективным созданием сценария. Для историка «некоторое событие должно быть более чем единичным явлением: оно должно быть определено в терминах его вклада в развитие сценария». ⁴ Не только Рикёр, но и многие другие эпистемологи, такие как Коллингвуд, давно уже возражали против позитивистского подхода, подчеркивая «воображаемую реконструкцию», которая характеризует работу историка.

Мы не хотим этим сказать, что история не имеет фактографической основы. Фактические свидетельства «исторических» событий могут быть вполне убедительными. Однако из всего богатства документов и конкурирующих интерпретаций историки выбирают те свидетельства, которые наилучшим образом соответствуют конструируемому ими нарративу, оставляя за бортом и лишая возможности слышать другие голоса, приговаривая их к «забвению» или к интерпретации с определенной точки зрения.

Это приводит нас к еще одной важной характеристике национальных исторических нарративов, особенно касающихся учебников истории. Хотя интуитивно мы представляем себе историю в хронологическом порядке, начиная с более ранних времен и заканчивая современностью, мы настаиваем на том, что она фактически «написана в обратном направлении», выстраивая события таким образом, который объясняет и оправдывает «национальные интересы» сегодняшнего дня. События, которые не соответствуют данной сюжетной линии, либо отбрасывают, либо интерпретируют таким образом, чтобы они соответствовали «сценарию». Поэтому не следует удивляться, что мы периодически настаиваем на переписывании учебников – и не только потому, что необходимо добавить недавние события. По мере того, как «сценарий» учебника время от времени меняется, события, представленные в учебниках, также добавляются, удаляются или переосмысливаются, что происходит отнюдь не случайно. Исторический нарратив, национальный «сценарий» создается с целью объяснения текущего контекста общества, для оправдания текущей политики и, в случае этнических конфликтов, для «дегуманизации» другого и поддержки этнической мобилизации. Поэтому события прошлого выбирают, интерпретируют и выстраивают таким образом, чтобы создать «национальный нарратив», который мог бы служить указанным выше целям. Иногда, в случае тоталитарных государств, этого достигают путем недвусмысленного политического приказа с явной целью формирования исторической памяти; в других случаях это подсознательно осуществляется национальными историками, усвоившими национальный нарратив и вносящими вклад в его воспроизводство.

Парадокс этой ситуации заключается в том, что «история» становится по существу не исторической: это рассказ, который проектирует настоящее на прошлое таким способом,

4 P. Ricoeur (1981). 'The Narrative Function' (П. Рикёр, «Функция нарратива»), *Hermeneutics & the Human Sciences*. Cambridge University Press, p. 277.

который объясняет и оправдывает интересы сегодняшнего дня. Кроме того, эта же самая история «проецирования настоящего на прошлое» используется для извлечения «уроков из прошлого» и для формулирования планов на будущее.

Некритичное восприятие истории, изложенной в учебниках в качестве «истины», и ее смешение с реальным прошлым оказываются, по целому ряду причин, чрезвычайно опасными в конфликтных ситуациях: это приводит к некритичному восприятию «рассказа» о собственной жертвенности и дегуманизированной природе «других» в качестве естественного состояния дел, что делает разрешение конфликта и примирение невообразимыми, а сам конфликт практически неразрешимым; это ведет к бесконечным сражениям по поводу исторической «правды» и к отрицанию обоснованности точки зрения другой стороны и, как само собой разумеющееся, к отрицанию ее национальной самобытности; «исторические» претензии ведут к ощущению излишней уверенности в своей правоте и к отрицанию основных прав другой группы; рассказы о жертвенности и славе оправдывают прошлые и потенциальные будущие акты насилия против другой группы.

Поэтому культивирование критичного подхода к «истории» и к тому, что она представляет, является центральным вопросом при устойчивом разрешении затяжных межгрупповых конфликтов. Мы, однако, не отрицаем необходимости групп защищать свою коллективную национальную идентичность в отношении своего прошлого, поскольку это является основной функцией понимания реальности и формирования групповой идентичности. Кроме того, защита в отношении прошлого не обязана быть некритичной. История может и должна пониматься как нарратив, как интерпретация прошлого, переданная нам некоторым путем, отличным от пути передачи другим группам, что объясняется окружающей средой, в которой мы живем, выбранной нами идентификацией и средствами передачи информации, которые мы используем и воспринимаем в качестве достоверных. Находящаяся в нашем распоряжении информация является чрезвычайно ограниченной и ограничивающей, вне зависимости от того, насколько объективными мы хотели бы быть. Хотя наше «знание» о прошлом необходимо для осмысливания вопроса о том, кто мы такие, оно имеет мало общего с реальным прошлым. Мы полагаем, что решение этой исторической дилеммы заключается не в усиленных попытках обнаружения «истины» и разработки объективной истории, а в признании того факта, что способность человечества к раскрытию исторических «истин» крайне ограничена.

Важно понимать, что эти ограничения не являются уникальными для Кавказа, а представляют собой норму. Гобб в своем исследовании нарратива широко обсуждает, среди прочего, концепцию «происхождения мифов»: историй, которые оправдывают насилие в настоящем и в будущем, поскольку они сохраняют и приукрашивают рассказ о происхождении насилия, которое никогда не рассматривается в качестве функции рассказчика, нарратора, но всегда является результатом действия «другого». Поэтому

исходные мифы перекладывают ответственность за насилие на внешние обстоятельства и в то же время призывают к насилию в отношении другого в качестве ответа на жертвенность.⁵

Современная литература по общественным наукам, критическому анализу дискурса, нарративов и коллективной памяти анализирует влияние «истории» на конструкции идентичности типа «мы в противовес им», на воспроизводство образа врага и на оправдание насилия, и обеспечивает различные теоретические рамки и практические инструменты компенсации этих деструктивных подходов и развития инклюзивных идентичностей, которые не зависят от выбранных травм и не восхваляют насилие. После Второй мировой войны развитие историографии вызвало трансформацию подхода к историческому образованию во многих европейских обществах, к французско-немецкому примирению и, после окончания Холодной войны, к немецко-чешскому и иным процессам. Сегодня на Кавказе мы не должны заново изобретать колесо; нам следует черпать знания из огромного количества литературы на эту тему и воспользоваться опытом европейских стран, которые прервали цикл воспроизводства нарративов, которые способствуют взаимной дегуманизации и насилию.

Большое количество примеров селективного подхода и выбора исторических событий, соответствующих текущему национальному сценарию, можно найти при анализе армянских и азербайджанских нарративов вообще, и особенно при анализе учебников истории.

Одним из примеров такого подхода являются данные о демографических изменениях в этом регионе. Каждая сторона демонстрирует и публикует данные переписи, которые подтверждают ее претензии, и игнорирует дополнительные данные, которые не укладываются в «сценарий» этой стороны. Например, армяне концентрируют внимание на данных переписи, которые свидетельствуют о том, что армянское население Нахичевани составляло в начале 20 века примерно 40 процентов, затем снизилось до 10,8 процента к 1926 году, до 1,4 процента к 1979 году и упало фактически до нуля к концу этого века.⁶ Эти демографические данные служат в качестве основного доказательства того факта, что армяне являются коренным населением данного региона, и если в настоящее время в какой-либо его области они отсутствуют, то это является следствием дискриминации и/или плохого обращения со стороны турок и азербайджанцев на территориях, находившихся под их политическим контролем. Продолжение аргумента, в поддержку которого используются эти данные, заключается в том, что поскольку Азербайджан проводит в отношении армян последовательную политику этнических чисток, он то же самое он сделает в Нагорном Карабахе, если последний будет в политическом подчинении Азербайджана.

5 S. Cobb (2004). 'Fostering Coexistence in Identity-Based Conflicts: Towards a Narrative in A. Chayes & M. Minow (eds) (2004). *Imagine Coexistence. Approach*' (С. Гобб, «Поощрение сосуществования в конфликтах на базе самоидентификации: в сторону нарративного подхода», в работе А. Чаеса и М. Миноу Воображаемое сосуществование) Jossey Bass: San Francisco, pp.294-310.

6 V. Barkhudaryan (ed) (2008) *Armenian History. 9th Grade*. Yerevan: Macmillan, стр.51.(В. Баркударян (ред.), История Армении, 9 класс, Ереван)

Азербайджанский нарратив имеет зеркальную историю о сегодняшней Армении, касающуюся конкретно Зангезура. Сообщается, что в начале 20 века его население было преимущественно азербайджанским, затем армяне при поддержке Советов проводили постепенные этнические чистки, а после получения независимости эти чистки были завершены – доля азербайджанского населения в современной Армении практически равна нулю. Эти данные служат той же цели, что и с армянской стороны – показать, что коренным населением этой области были азербайджанцы (и их предки). В данном случае армяне не являются местными, они пришли с запада и юга, чтобы оккупировать азербайджанские земли. Аналогично армянскому сценарию, второй зеркальный аргумент, в поддержку которого используются эти данные, заключается в том, что армяне непрерывно продвигались на восток, сначала к Иревану (Ереван на армянском языке), затем к Зангезуру и теперь к Карабаху и окружающим его территориям, очищая их от азербайджанцев и намереваясь продвигаться далее на восток за счет азербайджанцев.

Парадокс этой ситуации заключается в том, что азербайджанская история полностью не отрицает присутствие армян в Нахичевани и последующее их полное исчезновение; армянская история также не отрицает присутствие азербайджанцев (называемых татарами в досоветский период) на территории современной Армении и последующее их исчезновение. Однако только один из этих двух сопряженных наборов демографических данных укладывается в соответствующий сценарий каждой из сторон, и поэтому только один из них становится частью нарратива, в то время как второй игнорируется, забывается или объявляется не относящимся к делу.

Чтобы продемонстрировать, насколько критичными для поддержания конфликта являются такие манипуляции, достаточно отметить, что селективное использование демографических данных не ограничивается Зангезуром или Нахичеванью. Аналогичные методы применяются для «встраивания» демографии Карабаха в соответствующий сценарий каждой из сторон. Азербайджанский нарратив удобно принимает в качестве исходной точки эпоху господства Персии над регионом Карабаха (вплоть до 17-18 веков), когда армянское население было в меньшинстве, чтобы показать, что последующий статус армянского большинства в Карабахе явился результатом этнических чисток мусульман, проводимых русскими и армянами. Зеркальный армянский «демографический» аргумент, относящийся к Карабаху, выбирает в качестве исходной точки последние годы существования Российской империи и первые годы советской эпохи, когда армяне составляли 95 процентов населения Нагорного Карабаха; при этом армянская сторона заявляет, что демографические изменения за годы советской власти, когда доля армянского населения упала до 75 процентов к 1988 г., являются доказательством дискриминационной политики Азербайджана.⁷ Историки с обеих сторон удобно избегают обсуждений тех периодов, когда демографические изменения складывались в пользу «их» стороны, они вносят свой вклад в некритичное восприятие собственной группы в качестве вечной жертвы и в создание образа «другого» в качестве враждебной и постоянно дискриминирующей группы.

7 Там же, стр. 53.

Такое селективное «установление фактов» и составление сценариев не ограничивается лишь демографическими данными. Оба общества вспоминают 1918 г. как год кровавого побоища, устроенного другой стороной. Согласно Хумай Галиевой, которая анализировала эти нарративы:⁸

«...Кровь вновь пролилась в 1918 г... Партия Дашнаков кооперировала с большевиками, выступала против отделения от России и «наравне с большевиками идентифицировала контрреволюцию с ... исламскими федералистами» (Сани, 1972 г., стр. 204). Когда напряженность начала нарастать, большевики решили начать артиллерийский обстрел азербайджанских кварталов, что привело к немедленной капитуляции и безоговорочному признанию власти Советов в Баку. После того, как азербайджанские представители приняли эти условия, дашнаки начали грабежи, поджоги и убийства в исламской части города. По оценке Шаумяна, за два дня было убито более 9000 человек. «По мере снижения сопротивления армянские солдаты становились все более жестокими, в течение полутора дней они грабили, убивали и жгли» (*там же*, стр. 224). ... Весной 1918 г. Карабах и Нахичевань стали сценами кровавых преступлений в ходе сражений наступавшей Исламской армии Османской империи под командованием Нури-паши и армянского генерала Зоравара Андраника. В сентябре Исламская армия заняла Баку и азербайджанское население отомстило за мартовские дни. Согласно данным специальной комиссии, образованной Армянской национальной комиссией, было убито около 9000 армян (Жорнелл, 2000 г., стр. 58)...»⁹

Как следует из приведенного отчета, в 1918 году были зверски убиты 9000 азербайджанцев и 9000 армян. Не удивительно, что история о массовых убийствах армян является частью «армянского нарратива», который обычно отбрасывает массовое убийство азербайджанцев как «азербайджанскую пропаганду». В свою очередь азербайджанский нарратив официально отмечает дату уничтожения азербайджанцев как «геноцид» и пропускает уничтожение армян.¹⁰

8 Н. Guliyeva (2010). *Karabakh: A Long and Winding Road to Distant and Difficult Peace. Caucasus Edition*. (Х. Гулиева, Карабах: длинная извилистая дорога к удаленному и трудному миру), Документ доступен по адресу: <http://caucasusedition.net/analysis/karabakh-a-long-and-winding-road-to-distant-and-difficult-peace-2/>

9 См. также Т. Swietochowski (2004). *Russian Azerbaijan, 1905-1920. The Shaping of National Identity in a Muslim Community*. Cambridge: Cambridge University Press, pp.115-119, 139 (Т. Светочовски, Российский Азербайджан, 1905-1920 гг., Формирование национальной идентичности в исламском сообществе); А. Altstadt (1992). *The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule* (А. Альтстад, Азербайджанские мусульмане: власть и идентичность при российском правлении). Stanford, California: Hoover Institution Press, p.85-87, 92-93.

10 Официальный «Указ», подписанный в 1998 г. бывшим президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым, начинается следующим заявлением: «Достижение независимости Азербайджанской Республикой сделало возможным воссоздание объективной картины исторического прошлого нашего народа. Раскрываются засекреченные долгие годы, находящиеся под гнетом запрета истины, выявляется подлинная суть сфальсифицированных в свое время фактов. Геноцид, неоднократно осуществленный против азербайджанского народа и не получивший в течение длительного времени должной политико-правовой оценки, является одной из таких нераскрытых страниц истории». (Г. Алиев (1998 г.). Указ президента Азербайджанской Республики о геноциде азербайджанцев, Баку). Доступен по адресу <http://www.human.gov.az/?sehife=etrafil&sid=MTMyMjMzMTA4MTMyNjE1Mw==&dil=en>.

Армянские учебники истории

Изучение истории в армянских школах начинается в 5 классе. Учебник истории для 5 класса относит образование армянской нации ко второму тысячелетию до нашей эры и создание армянского государства – к 18 веку до нашей эры.¹¹ Далее в учебнике приводится описание славных дней армянского государства под управлением Тиграна Великого в 95-55 гг. до нашей эры, где Армения представлена супердержавой.¹² За этим следует принятие Арменией в 301 г. христианства в качестве официальной религии. Учебник 5 класса заканчивается рассказом о том, как Персидская империя, а позднее Арабский халифат вторглись в Армению, и как армяне «боролись за свободу».¹³

Первый год изучения истории в школах, формирующий сознание, имеет отношение к Нагорному Карабаху, поскольку он закладывает фундамент сюжетной линии, которая приводит к современному конфликту. Он уже содержит основу для целого ряда клише и стереотипов, которые в настоящее время извлекают при обсуждении конфликта и для подтверждения уверенной в своей правоте позиции по сравнению с азербайджанцами. Первое клише, находящее поддержку в учебнике 5 класса, заключается в том, что армяне являются древней нацией, которая населяла этот регион в течение тысячелетий. Отсутствие азербайджанцев или их предков в этом учебнике, охватывающем древний период, интерпретируется как «доказательство» того, что они являются пришельцами или захватчиками, из чего следует вывод об отсутствии законного права на их пребывание в этом регионе. Особое внимание, уделяемое раннему принятию христианства, также служит нескольким целям: во-первых, отделить армян от азербайджанцев и иных не христиан в ближайшем окружении, поддерживая тем самым ключевой принцип подхода к идентификации группы – «мы по сравнению с ними». Вторая цель заключается в заявлении права на принадлежность к «Христианскому сообществу», которое часто приравнивается к позитивно понимаемой «цивилизации», интерпретируемой как более «высокая» форма общественной и религиозной организации по сравнению с исламом. Наконец, приравнивание терминов «христианство» и «цивилизация», совместно с акцентированием внимания на Армении как «первом христианском государстве», способствует самовосприятию армян в качестве группы, которая внесла ранний вклад в «цивилизацию».

Рассказ о славной Армянской империи, последующей оккупации и героической борьбе за национальное освобождение против «других», обычно мусульман, становится затем основным сюжетом или «исходным мифом» армянских учебников истории. Этот сюжет можно проследить от учебника истории для 5 класса к учебникам для 6, 7, 8 и 9 классов; кульминации он достигает в учебнике для 10 класса, где приведено описание войны с

11 V. Barkhudaryan (ed) (2005). *Armenian History. 5th Grade*. Luys: Yerevan, pp.19-36. (В. Баркударян (ред.), История Армении, 5 класс, Ереван)

12 Там же, стр. 44-52.

13 Там же, стр. 96.

Азербайджаном за Нагорный Карабах в конце 20 века. Это «исходный миф», который связывает различные войны в один рассказ о непрерывном героизме и жертвенности, а затем создает мощный образ свободолюбивой Армении, всегда обороняющейся от постоянных вторжений дискриминирующего, чужеземного и жестокого врага.

Поскольку анализ всего исторического нарратива, представленного в армянских учебниках, не является целью данной статьи, здесь не будут подробно проанализированы учебники для 6, 7 и 8 классов – мы только отметим, что в соответствии с указанной выше теорией они включают две параллельные сюжетные линии. Первая представляет собою рассказ о постоянной жертвенности и оккупации различными, обычно исламскими, «другими» – начиная от арабов, затем тюрки-сельджуки, монголы, персы и, наконец, турки. Вторая – рассказ о славной героической борьбе против этих «других» и о периодах независимости или самоуправления. В дополнение к политической истории эти учебники содержат также основные разделы, посвященные экономическому развитию и культуре.

Интересно, что хотя враги от столетия к столетию меняются, для их описания зачастую используются аналогичные термины и определения, такие как жестокие, кровожадные, полные желания уничтожить Армению и армянскую идентичность. Затем они постепенно объединяются в кумулятивный образ аморфного, жестокого и чужого «другого», в противоборстве с которым пытается выжить Армения. Далее этот кумулятивный образ применяется к любому следующему «другому», в том числе и к азербайджанцам во время последней войны за Нагорный Карабах.

Изложение Нагорно-Карабахского конфликта в армянских учебниках истории

История конфликта между армянами и азербайджанцами по поводу Карабаха изложена, в основном, в учебнике для 9 класса.¹⁴ В этом учебнике обсуждается история всего 20 века, а не только Карабахского конфликта. Однако в данной статье мы сконцентрируем внимание только на тех страницах, где обсуждается Карабахский конфликт и приведшие к нему события (согласно данному учебнику).

Этот учебник рассматривает конфликт в контексте длящейся столетиями оккупации, раздела Армении различными империями и борьбы за выживание. «Рассказ» о Карабахском конфликте в этой книге разворачивается вокруг Армении, пытающейся защитить свою землю, и Азербайджана, пытающегося ее завоевать и очистить от армян с помощью насилия и при политической поддержке внешних сил. Центральный дискурс этого учебника сфокусирован на изображении армян в качестве миролюбивого народа; любое насильственное поведение, направленное на контроль над любыми территориями

14 В. Баркударян (ред.) (2008 г.). *Op. Cit.*

на Кавказе, является актом самообороны. Азербайджанцы изображаются в качестве агрессивного народа; поведение, направленное на контроль над теми же территориями, изображается как акты агрессии.

«Азербайджан пытался захватить Карабах (Арцах), Зангезур (Суник), Шарур-Нахичевань и другие территории... Правительство Республики Армения пыталось разрешить споры с Азербайджаном мирными средствами. Однако эти переговоры закончились безрезультатно... После этого Армения делала все возможное для защиты законных прав арцахских армян с учетом того, что Карабах являлся неотъемлемой частью единой и независимой Республики Армения...»¹⁵

В качестве иллюстрации селективной интерпретации имеющихся данных можно указать, что периоды контроля Армении над этими территориями и присутствия на них существенного армянского населения толкуются как свидетельства их принадлежности Армении; в то же время периоды контроля Азербайджана над этими территориями и присутствия на них существенного азербайджанского (татарского) населения толкуются как свидетельства азербайджанской агрессии, империалистической политики мировых держав и/или свидетельство этнических чисток/дискриминации армян. Согласно этому учебнику, на протяжении 20 века, в результате британской, турецкой, а позднее сталинской поддержки, армянская Нахичевань перешла к Азербайджану, после чего начались постепенные этнические чистки армян на этой территории, так что к концу столетия там практически не осталось ни одного армянина. Предполагается, что Карабах после этого был обречен на такую же судьбу: во время короткого периода независимости Армении в 1918-1920 гг. армяне вынуждены были воевать за Карабах против Азербайджана, поддержку которому оказывали Англия, Турция и позднее Советская Россия; в конце концов, как это изложено в учебнике, данная территория была произвольно присоединена к Советскому Азербайджану благодаря личному вмешательству Сталина после «советизации» Кавказа.

«... 4 июля [1921 г.] было принято решение о признании Нагорного Карабаха неотъемлемой частью Армении. Наконец-то было принято справедливое и законное решение о Нагорном Карабахе, 95 процентов населения которого составляли армяне... Однако на следующий день, 5 июля, это решение было изменено, и Нагорный Карабах был оставлен в составе Азербайджана. Это объяснялось его экономическими связями с Азербайджаном. Такое изменение позиции было, очевидно, связано с вмешательством Иосифа Сталина...»¹⁶

Согласно этому учебнику, несмотря на все последующие попытки Азербайджанской Советской Социалистической Республики освободить Карабах от его армянского населения,

15 Там же, стр. 25-26.

16 Там же, стр. 53.

армяне Карабаха сохраняли свободолюбивые настроения, направляли в Москву петиции с просьбой о переводе этой территории в состав Советской Армении и продолжали свою мирную борьбу вплоть до последних дней Советского Союза. Только после того как Азербайджан, в период распада Советского Союза, попытался разрешить конфликт силой, Армения вынуждена была заняться самообороной и освободить Карабах от Азербайджана.

Данный учебник является хорошим примером того, каким образом «сценарий» предопределяет изложение истории. Здесь не только «отбирают» события, удовлетворяющие сюжету, их также интерпретируют и излагают удовлетворяющим сюжету образом, даже за счет внутренних противоречий. Например, в разделе, охватывающем отношения Первой армянской республики со своими соседями в 1918 - 1920 гг., сказано в отношении 1918 г. (курсив наш):

«Три соседних государства претендовали на принадлежащие Армении территории... Азербайджан стремился *захватить* Карабах (Арцах), Зангезур (Суник), Шарур-Нахичевань и другие территории. Англия, Турция и (начиная с весны 1920 г.) Советская Россия помогли Азербайджану.»¹⁷

Согласно этому отрывку, в 1918 г. Азербайджан пытался захватить Карабах. Однако несколькими строками ниже мы читаем:

«В ноябре 1918 г. англичане помогли предотвратить *продвижение* подразделения Андраника в сторону Шуши и Арцаха...»¹⁸

Эти несколько строк на одной и той же странице учебника содержат очевидное противоречие: если, согласно учебнику, Андраник, армянский генерал, должен был продвигаться в сторону Карабаха/Арцаха, то эта территория уже должна была контролироваться Азербайджаном – в этом случае Азербайджан не должен был «стремиться захватить», а должен был «стремиться удержать» или «стремиться не отдавать» Карабах. Однако указание на то, что Азербайджан пытался «удержать» или «не отдавать» Карабах не соответствует сюжету книги, поэтому используется фраза «стремился захватить». Парадоксально, что это очевидное противоречие вовсе не кажется противоречивым при чтении учебника, поскольку оно вполне соответствует сюжету, согласно которому от Азербайджана ожидается «стремление захватить».

Этот пример хорошо соответствует обсуждавшимся ранее образам «другого» (в данном случае азербайджанцев) и «самого себя». Армяне на всех этапах, включая последние этапы вооруженного конфликта конца 1980-х и начала 1990-х годов, характеризуются стремлением «разрешать конфликты мирными средствами»:¹⁹

17 Там же, стр. 25.

18 Там же, стр. 25.

19 Там же, стр. 26.

«[в 1988 г.] армяне Карабаха выступили на защиту своего достоинства ... и начали борьбу конституционными средствами».²⁰

Это выражение «конституционные средства» повторяется при обсуждении начала войны:

«В течение двух лет [между 1988 и 1990 гг.] армянский народ... никогда не использовал неконституционные методы ...»²¹

Если армяне и прибегали к вооруженной борьбе, то это всегда было результатом агрессии «других», и велась эта борьба во имя самообороны и свободы. При описании войны начала 1990-х годов подраздел *Начало войны со стороны Азербайджана* начинается словами: «В январе-феврале 1990 г. азербайджанцы начали вооруженное нападение вдоль всей границы Армении. Отряды армянской гражданской милиции героически оборонялись...»²²

Армянские бойцы в этом тексте описаны в терминах «*azatamartik*» [борцы за свободу]²³ и «*qajordi*» [герои],²⁴ функция которых заключалась в «*ink'napashtpanut'yun*» [самообороне] и «*azatagrut*» [освобождении].²⁵ В отличие от армян, азербайджанцы и их союзники, взявшие в руки оружие, характеризуются как люди, совершающие кровавые побоища и иные зверства:

«ужасная резня армян в Шуши в марте 1920 г... заставила Карабах присоединиться к Азербайджану... татары Нахичевани [азербайджанцы] путем разорения и грабежей изгнали армян из этого региона... часть армянского населения Нахичевани была уничтожена».²⁶

Азербайджанские бойцы во время Карабахской войны конца 20 века изображаются как «*brosakaxumb*» [банды] и «*zavt'ichner*» [захватчики], которые прибегают к «*vayragut'yushn*» [вандализму] и «*br'nagaght*» [этническим чисткам].²⁷

О событиях 1988 г. в учебнике сказано:

«в то время, когда в Армении и Карабахе проходили *мирные демонстрации* (курсив добавлен авторами) ... в расположенном неподалеку от азербайджанской столицы Баку промышленном городе Сумгаит [азербайджанцы] прибегли к *необузданному массовому уничтожению* армян... Организуя это *исторически беспрецедентное массовое убийство* в

20 Там же, стр. 111.

21 Там же, стр. 119.

22 Там же, стр. 120.

23 Там же, стр. 156.

24 Там же, стр. 157.

25 Там же, стр. 167.

26 Там же, стр. 26.

27 Там же, стр. 121.

Сумгаите, азербайджанское правительство надеялось посеять страх и панику среди армянского населения Карабаха, чтобы потом провести его *этническую чистку*».²⁸

Рассказ о Сумгаите затем непрерывно повторяется с использованием различных эпитетов, что вносит свой вклад в создание дегуманизованного образа азербайджанцев. В дополнение к «необузданному массовому уничтожению» это событие также характеризуется как “*vayragutyun*” [вандализм], “*kotorac’s*” [резня]²⁹ и “*votwragorc’ut’yun*” [преступление].³⁰ Противоположность определений и риторических приемов, используемых для характеристики армян и азербайджанцев, особенно впечатляет при описании аналогичных событий. Повествуя об этнических чистках армян, проводившихся азербайджанцами во время этого конфликта, учебник сообщает, что армяне подвергались “*t’alan*” [грабежам], “*br’nut’yun*” [насилию] и “*zangvac’ayin artaqsum*” [массовым депортациям].³¹ На этой же странице, рассказывая о параллельных этнических чистках азербайджанцев, проводившихся армянами, учебник называет их “*artagaght*” [переселением] и использует другие нейтральные и даже позитивные характеристики этого процесса, создающие впечатление, что, в отличие от имевшего место в Азербайджане, армяне «создали приемлемые условия для *переселения* (курсив добавлен авторами) азербайджанцев из Армении.»³²

Армянские учебники: методика преподавания

Не только содержание учебников, но и сам подход к преподаванию вносит свой вклад в развитие догматического, националистического подхода к истории. Критическое мышление и сомнения активно не поощряются. Материал учебника представлен в качестве абсолютной «истины», которую следует запомнить и затем повторять. Показательными в этом плане являются разделы «Вопросы и упражнения», расположенные в конце каждой главы. Вместо проверки понимания учениками пройденного материала и их способности к критическому мышлению эти разделы нацелены на проверку запоминания учениками изложенного в данной главе материала.

Некоторые вопросы в разделах «Вопросы и упражнения» вносят непосредственный вклад в создание негативных образов «другого» путем постановки наводящих вопросов, которые являются по своей природе риторическими. Например, некоторые из вопросов в разделе, посвященном Карабахскому движению в конце 1980-х годов, звучат следующим образом: «Когда и почему произошло массовое убийство армян в Сумгаите?»; «Кто были организаторами этой трагедии?»; «Какова ваша оценка трагедии в Сумгаите?»³³

28 Там же, стр. 113.

29 Там же, стр. 114.

30 Там же, стр. 115.

31 Там же, стр. 116.

32 Там же, стр. 116.

33 Там же, стр. 114.

Эти вопросы сформулированы в критической форме, но являются вполне наводящими. Поскольку азербайджанцы в этом учебнике не обсуждаются в каком-либо ином контексте, кроме как стремящиеся к дискриминации, этническим чисткам и массовым убийствам армян, то подразумеваемый ответ заключается в том, что азербайджанцы убивали армян из-за их этнического происхождения. Оценка этих вопросов приводит к квалификации таких действий как являющихся естественными или лежащими в основе политики Азербайджана и азербайджанцев. Таким образом, хотя сам учебник прямо не обвиняет азербайджанцев в «естественной» предрасположенности к массовым убийствам, вопросы помогают ученикам «дополнить» эту картину.

Вопросы, следующие за главой, в которой приведено описание действий Советского Союза во время этого конфликта, сформулированы с аналогичной целью дегуманизации азербайджанцев. Один из вопросов сформулирован следующим образом: «Центральный Комитет Коммунистической партии пытался представить Карабахский вопрос в качестве социально-экономического вопроса. Попытайтесь доказать, что квалификация этого вопроса Центральным Комитетом была неправильной».³⁴ Этот вопрос фактически подталкивает учеников к квалификации конфликта в качестве исконного и этнического.

Еще один вопрос: «Можно ли приравнять «*br'nagaght'*» [депортацию] армян из Азербайджана и «*artagaght'*» [переселение] азербайджанцев из Армении?»³⁵ Нет необходимости говорить, что сама формулировка вопроса содержит ответ: очевидно, что «депортация», или принудительное переселение, звучит значительно хуже, чем «переселение», которое подразумевает добровольное переселение. В этом учебнике нигде не обсуждается вопрос о том, почему этнические чистки азербайджанцев в Армении называются «переселением» и чем они «лучше» «депортации» армян из Азербайджана. Вместо этого учебник требует от учеников запомнить приведенные «факты» и повторять их как данность.

Азербайджанские учебники истории

Как и в Армении, первый год обучения истории начинается в 5 классе азербайджанских школ. Она называется «История родины», а не «История Азербайджана»; содержание учебника можно охарактеризовать как крайне эмоциональное, особенно (возможно, не удивительно) это относится к текстам, где приведено описание конфронтации и противоборства с «другими». Мотив самопожертвования во имя блага родины является одной из главных тем этого учебника. Например, в разделе *Живущие во имя родины умножают ее славу* лишь небольшая его часть посвящена деятелям культуры, доминирует же в нем описание героев войны, таких как Бабек, Керогли и шах Исмаил Хатаи, – лидеров восстаний против Арабского халифата и Оттоманской империи. Значительные части

³⁴ Там же, стр. 118.

³⁵ Там же, стр. 116.

текстов посвящены патриотическому воспитанию; например, события в *Dada Gorgud*³⁶ интерпретируются точно в этом духе непрерывного героического противостояния «другим». *Dada Gorgud* не является исключением; другие легендарные события и эпопеи интерпретируются аналогичным образом. С помощью этих учебников мир представляется сконструированным и разделенным на враждебные цивилизации.³⁷

Образ «других» приобретает окончательные черты в учебниках для 7 и 8 классов в виде версии о «теории заговора», т.е. «заговора» против азербайджанского народа, «азербайджанской государственности» и «турецко-исламского единства», заговора, который существует на протяжении сотен лет. Нарратив о «других» заговорщиках против азербайджанского народа продолжается вплоть до окончания 11 класса (окончание курса).

История Азербайджана: органы власти, историки и нарратив о непрерывном и всеохватывающем конфликте

Особая роль и место исторического нарратива в постсоветской идеологии азербайджанского национализма определяется несколькими факторами: во-первых, новая интерпретация событий 19-20 веков предполагает некоторый отказ от советской версии истории и создание новой версии, которая в большей степени соответствует постсоветскому национализирующему национализму.³⁸ Во-вторых, в контексте Карабахского конфликта новая версия исторического нарратива призывает к максимально возможной степени дегуманизации «врага», а также к поддержке успешной мобилизации населения в случае проявления враждебности.

Можно утверждать, что лидеры страны и хорошо известные политические фигуры различных уровней не играют персональной роли в усилении статуса национальной истории в качестве компонента идеологии, которая обслуживает не только Карабахский конфликт, но также и политику мобилизации национализма в постсоветском Азербайджане. Однако среди лидеров националистов, которые создали и руководили Партией народного фронта Азербайджана (ПНФА) в 1988 г. и которые в различное время занимали выдающиеся должности в правительстве, было много историков или филологов-«специалистов по Среднему Востоку», много сделавших для формирования

36 Эпическая книга историй о легендарном герое Дада Горгуд считается основным хранилищем этнической идентификации, истории, обычаев и систем ценностей азербайджанцев (и других тюркских народов) на протяжении истории.

37 С. Румянцев (2005 г.). «Героическая эпопея и создание образа исторического врага», *Ab Imperio* # 2. Казань, стр.466.

38 «Национализирующий национализм использует требования от имени «коренной нации» или национальности, определяемой в этнокультурных выражениях, и резко отличается от понятия гражданства как такового». За более подробными сведениями обратитесь к работе R. Brubaker (Р. Брубакер) (1996 г.). *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe* (Переосмысление национализма: статус государства и национальные вопросы в новой Европе). Cambridge: Cambridge University Press, стр. 4-5.

идеологических предпосылок, на фоне которых проводилась повторная интерпретация истории. Так, например, второй президент Азербайджана Абульфаз Эльчибей (1992-93 гг.) был филологом-арабистом, который поддерживал необходимость разработки новой версии истории в рамках контекста идей пантюркизма и «образа исторического врага». Бывший Секретарь Коммунистической партии Азербайджанской ССР Гейдар Алиев, который вернулся к власти на этот раз в качестве президента (1993 -2003 гг.), был историком по образованию. Именно его слова используются в качестве эпиграфа в учебниках истории для средней школы и подчеркивают особое значение именно такого курса:

«При получении государственного образования в школах каждый представитель молодого поколения независимого Азербайджана должен хорошо изучить историю своего народа и государства, начиная с древних времен и до сегодняшнего дня. Если он ее не изучит, то не сможет стать подлинным гражданином. Если он ее не изучит, то не сможет ценить свое государство (нацию). Если он ее не изучит, то не сможет надлежащим образом гордиться принадлежностью к своему государству (нации).»³⁹

Ильхам Алиев, действующий президент Азербайджана, является кандидатом исторических наук. Среди известных представителей оппозиции также много историков. Например, Этибар Мамедов (бывший лидер Партии национальной независимости Азербайджана), который занял второе место на президентских выборах 1988 г., является кандидатом исторических наук. Иса Гамбар, неизменный лидер наиболее известной и влиятельной оппозиционной азербайджанской партии националистов *Musavat* [Равентсво], также является кандидатом исторических наук (ученик Абульфаза Эльчибея) и, согласно официальной версии, был вторым на президентских выборах 2003 г. Этот перечень легко можно продолжить.

Существующий политический режим почти полностью контролирует доступ к распространению новой (постсоветской) версии истории Азербайджана. В средних школах может использоваться только один вариант учебников, одобренных Министерством образования страны. Только те специалисты, которые лояльны (как минимум публично) существующему политическому режиму, имеют право готовить тексты этих учебников (в том числе и университетских). Школьные учителя не принимают участия в подготовке учебников. Почти все составители учебников являются докторами наук и профессорами исследовательских институтов Академии наук, Бакинского государственного университета или Педагогического университета.

Исторические курсы (как в средних школах, так и в университетах) в принципе не предполагают формирование думающей личности, склонной к ведению дискуссий или,

39 История Азербайджана. Учебник для 10 класса общеобразовательной школы. Под общей редакцией Тофика Велиева, Баку, Чашыюглу, 2004; История Азербайджана. Учебник для 11 класса общеобразовательной школы. // Коллектив авторов под общей редакцией Сейфеддина Гандилова и Исаака Мамедова, Баку, Чашыюглу, 2002.

возможно, к сомнениям. Поэтому отсутствуют не только альтернативные учебники для средней школы, но и созданные в постсоветский период учебники также не предлагают какой-либо альтернативный материал. Авторы конструируют единственную версию национальной истории, в контексте которой все события имеют только одну официальную интерпретацию, рассматриваемую в качестве единственно правильной. Авторитет господствующего нарратива подтверждается профессионалами – докторами наук, профессорами и академиками (официально назначенными). Компиляторы нового нарратива зачастую получают не только научные звания; например, проф. Якуб Махмуду, один из лидеров группы историков, реализующих проект реконструкции национальной истории и создающих новые учебники для школ, является не только директором Института истории Национальной академии наук Азербайджана (НАНА), но также и членом Парламента (*Milli Majlis*).

Средства массовой информации также в максимально возможной степени продвигают новую версию главного исторического нарратива. Практически во всех наиболее популярных газетах (*Zerkalo*, *Ekbo*, *Musavat*, *Azadliq* и др.) существуют разделы, посвященные истории страны и нации. В постсоветский период был снят целый ряд документальных фильмов, посвященных различным конфликтам 19-20 веков, которые стали актуальными в контексте последнего Карабахского конфликта. 2009 год был отмечен завершением нового крупномасштабного проекта, поддержанного правящим политическим режимом, – съемками художественного фильма *Cavad Khan* (Джавад хан). Этот фильм посвящен событиям начала 1804 г., когда хан Гянджи (Гянджа – второй по величине город Азербайджана) героически погибает при защите города. Фильм был создан на основе работы, написанной доктором филологических наук, пантюркистским писателем и поэтом Сабиром Рустамханли, который был также автором сценария. Рустамханли возглавляет популистскую националистическую партию правого крыла под название Партия гражданской солидарности. С 1990 г. он является членом парламента и в 2000-е годы стал также сопредседателем Всемирного азербайджанского конгресса (ВАК). По его мнению, это фильм о национальном герое, который пытался сопротивляться захвату и разделу Азербайджана Российской империей. Съемки фильма продолжались около двух лет, в нем заняты 10 000 военнослужащих, 130 артистов, впервые в азербайджанской кинематографии использована компьютерная графика – возможно, это крупнейший проект в ее истории.

Джавад хан из Гянджи, вассал персидского хана, превращается в постсоветском историческом нарративе в центральную фигуру сопротивления против Российской империи и поддерживавших ее политику армян (которых весьма часто характеризуют в качестве «пятой колонны»). Авторы нового исторического нарратива часто видят истоки современного конфликта в первой половине 19 века, когда территория сегодняшнего Азербайджана была присоединена к Российской империи. Несмотря на сопротивление, Гянджа была побеждена и героически сражавшийся Джавад хан был убит, при этом:

«... жестокие русские солдаты убили всех небооруженных жителей Гянджи. Также были убиты те жители Гянджи, которые прятались в мечетях. В одной из мечетей города было около 500 человек. Армяне сказали русским солдатам, что среди этих людей имеются лезгины. Слово «лезгин», которое приводит русских в бешенство, вынесло смертный приговор людям, находившимся в мечети. Все они были убиты.»⁴⁰

Авторы этого учебника высказывают мнение, что именно таким образом Гянджа, которая сейчас считается культурной и исторической столицей Азербайджана, потеряла свою независимость. За этими событиями последовал захват всей страны:

«В результате Гюлистанского договора [мирный договор 1813 г. между Россией и Персией] наша Родина и наш народ были поделены между Россией и Ираном. После Гюлистанского договора русские, с целью укрепления своей позиции, начали переселять сюда армян из Ирана и Оттоманской империи... Как Гюлистан, так и Туркманчай [имеется в виду Туркманчайский договор 1828 г. между Российской империей и Персией] положили конец существованию могущественного Азербайджана! Они раскололи его на части, разделили на регионы и разъединили народ Азербайджана.»⁴¹

Это описание событий относит начало современного Карабахского конфликта к началу 19 века. В результате армяно-азербайджанская вражда приобретает черты конфронтации, которая присутствовала в течение веков; поэтому текущий конфликт характеризуется как «неизбежный». Центральным компонентом «исторической вражды» является достижение армянами «успеха» при неизменной поддержке русских.

«С целью создания «надежного христианского государства» они [русские] начали переселять армян со всего мира на земли нашей Родины к северу от Араса – в *Карабах, Гойчу, Зангазур, Ираван, Нахичевань...* [регионы современных Азербайджана и Армении]. Сначала они создали армянский регион, а затем и армянское государство на землях западного Азербайджана, где всадники Огуза однажды продемонстрировали свою отвагу.»⁴²

Поэтому в контексте Карабахского конфликта нарративы относительно границ «исторических территорий» также были пересмотрены. Если в годы существования Советского Союза азербайджанские историки выдвигали претензии на часть территории современного Ирана,⁴³ то теперь значительная часть современной Армении также обозначается как «Западный Азербайджан». В постсоветской версии историки настаивают

40 Я. Махмудлу, Р. Халилов, С. Агаев. Отечество. Учебник для 5 класса, Баку, «Тахсил», 2003 г., стр. 137.

41 Там же, стр. 145.

42 Там же, стр. 12.

43 T. Swietochowski (1995 г.). *Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition*. (Т. Светочовски, Россия и Азербайджан: пограничная область в переходном состоянии) Columbia University Press: New York; Shaffer, Brenda (Шафер Бренда) *Borders and Brethren: Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity* (Границы и собратья: Иран и проблемы идентификации азербайджанцев) . Harvard: The MIT Press. 2002 г.

на том, что территория современной Армении является важной частью области исконного проживания и этногенеза азербайджанцев в течение тысячелетий.

Исторические нарративы особое место отводят событиям периода АДР (Азербайджанской демократической республики 1918-20 гг.). Трагические события марта 1918 года в Баку приобрели определенную актуальность. В то время основными участниками борьбы за обладание столицей Азербайджана были *Мусаватисты* (тюркские националисты) и большевики, которые действовали в союзе с армянскими националистами (дашнаками). Во время этой борьбы происходили погромы и массовые убийства турок/мусульман, в ходе которых погибло несколько тысяч человек.⁴⁴ Официальная версия этих событий была отражена в указе президента Гейдара Алиева от 26 марта 1988 г., который объявил 31 марта днем геноцида азербайджанцев. Учебник для первого года изучения истории в средней школе (5 класс) оформляет рассказ о событиях марта 1918 года в виде разговора 10-15 азербайджанцев. Один из них восклицает:

«Как вы можете терпеть, когда армянские подразделения ходят по городу и делают все, что захотят? Армянское правительство разоружило вас на вашей собственной земле и готовится уничтожить все население. Как вы это можете назвать?... Это геноцид. Если правительство сознательно уничтожает людей, живущих на своей территории, то это называется геноцидом. Они хотят истребить наш народ.»⁴⁵

Эта тема вновь возникает в учебнике для 11 класса, где мартовским событиям посвящен целый раздел под названием *Геноцид азербайджанцев в марте 1918 года*. Нарратив наполнен новыми подробностями, однако в целом воспроизводит тот же самый дискурсный образ врага:

«В результате мартовского геноцида только в Баку было убито более 12 000 человек. Зверства подразделений большевиков-дашнаков распространялись и за пределы Баку. Они продолжали уничтожать азербайджанцев в Кубинском, Сальянском и Ленкоранском *уездах*. С 3 по 16 апреля группы дашнаков под предводительством Лалаяна и Амирова осуществили кровавые расправы с гражданским населением Шамахи... В Бакинской области геноцид мусульман [азербайджанцев] продолжался до середины 1918 г. За это время было убито более 20 000 азербайджанцев.»⁴⁶

Этот рассказ дополнен полным текстом *Указа Президента Республики Азербайджан «О геноциде азербайджанцев»*.⁴⁷ Этот Указ представляет официальный дискурс и воспроизведен в

44 Т. Swietochowski (Т. Светочовски) (1995 г.). *Там же*, стр. 135-139; А. Altstadt (А. Альтстад) (1992 г.). *Там же*, стр. 41-49.

45 История Азербайджана. Учебник для 10 класса общеобразовательной школы. Под общей редакцией Тофика Велиева, Баку, Чашьюглу, 2004 г., стр. 201-202.

46 История Азербайджана. Учебник для 11 класса общеобразовательной школы. // Коллектив авторов под общей редакцией Сейфеддина Гандилова и Исаака Мамедова, Баку, Чашьюглу, 2002 г., стр. 13.

47 *Там же*, стр. 17-18.

подавляющем большинстве исторических текстов, посвященных единой интерпретации событий армяно-азербайджанского противостояния. Эта же попытка использования положения жертвы вновь появляется при описании трагических событий современного Карабахского конфликта:

«В 21:00 25 февраля [1992 г.] армянские вооруженные группы вместе с 366-м российским механизированным корпусом ... атаковали [город] Ходжалы... Во время кровавой расправы в Ходжалы были убиты 613 человек, 487 получили ранения, 1275 были взяты в плен, были убиты 6 полных семей, город был сожжен. Многие женщины, дети и пожилые люди, которым в эту снежную морозную ночь удалось покинуть город, были перехвачены и убиты армянскими фашистами. Жестокий враг даже изуродовал трупы.»⁴⁸

Теперь трагические события в городе Ходжалы также получили в Азербайджане статус геноцида. В результате, при изображении современного неоконченного конфликта, используется идея напряженной двухсотлетней конфронтации с неизбежно жестоким и вероломным «историческим врагом». Оба события (март 1918 г. и Ходжалы), наряду со многими другими случаями конфронтации, концентрируют внимание на едином образе врага, и в этом контексте конструируется идея непрерывного многовекового геноцида азербайджанцев. В то же самое время дискурс враждебности создается не только путем ссылок на «факты» противостояний и войн, но и путем постоянного использования банальных риторических клише. В этом отношении авторы учебников прибегают к таким клише, как «коварные иностранцы», «предатели», «они питаются кровью», «новое массовое убийство», «утраченная сладость свободы» и пр.

Азербайджанские учебники истории: «неполный суверенитет» и будущее образа «исторического врага»

В качестве наиболее важной составной части борьбы за независимость приводится описание борьбы против «армянских фашистов», которых неизменно поддерживает Москва. Оккупация части территории Республики Азербайджан, которая была признана международным сообществом, является причиной доминирования дискурса, который можно назвать «неполным суверенитетом». С одной стороны, Азербайджан является успешным независимым государством. С другой стороны, Азербайджан может стать полностью независимым только после восстановления контроля над всей своей территорией. В то же время дискурс «неполного суверенитета», созданный историками, выходит за пределы описания Карабахского конфликта.

«Историческая территория» подразумевается в рамках границ, которые значительно шире существующих на сегодняшний день. Причина потери большинства «исторических земель» представляется как результат колониальной политики Российской империи (которая создала Армению), а также Персидской империи и ее наследника Ирана, который контролирует Иранский («Южный») Азербайджан. Возможность присоединения этих территорий к Республике Азербайджан в текущей ситуации представляется не слишком вероятной. Поэтому конструируемая теория о необходимости полного восстановления независимости в пределах «справедливых границ» предполагает, что дискурсивный образ врага, который «разделил нашу историческую родину», может удерживаться в течение некоторого времени.

Рекомендации

Образование, в особенности историческое образование, играет важную роль в процессе формирования будущих молодых поколений в каждом сообществе. В Армении и Азербайджане, как и в других вовлеченных в конфликт сообществах, преподаваемые в школах исторические нарративы зачастую пристрастны, некритичны и вносят свой вклад в развитие у детей, находящихся в очень впечатлительном возрасте, сильной враждебности по отношению к «другому». Школы являются чрезвычайно важными общественными институтами, и если они поддерживают определенные исторические нарративы, то это зачастую оказывает влияние и усиливает разделение внутри и между сообществами.⁴⁹ Поэтому историческое образование является существенным фактором, который следует учитывать при содействии делу мира и примирения конфликтующих сообществ.

На основе приведенного выше анализа учебников мы рекомендуем пересмотреть приведенные в них образы «другого». Образы или концепции «других» в учебниках истории зачастую можно охарактеризовать как вполне агрессивные, строго разделяющие мир на «наших собственных» и «чужих». Такие интерпретационные модели заметно отличаются от политики интеграции в единое европейское пространство, декларированной политическими режимами Азербайджана и Армении, которая, судя по всему, должна сопровождаться процессом региональной интеграции. К сожалению, в настоящее время учебники продолжают ориентироваться на формирование устойчивого восприятия мира, разделенного практически непроницаемыми границами. Образы «других» создают дискурс постоянного конфликта. Учебники предназначены для воспитания поколения, готового к военному противостоянию, вместо того, чтобы воспитывать граждан, готовых внести вклад в мирное развитие собственных обществ и в разрешение конфликта.

49 E.A. Cole & J. Barsalou (2006). *Unite or Divide? The Challenges of Teaching History in Societies Emerging from Violent Conflict*. USIP Special Report, US Institute of Peace: Washington D.C. (E.A. Кол, Дж. Барслоу, Объединяться или разделяться? Проблемы преподавания истории в обществах, выходящих из насильственного конфликта, Специальный доклад Института мира США). Документ доступен по адресу: <http://www.usip.org/publications/unite-or-divide-challenges-teaching-history-societies-emerging-violent-conflict>

Поэтому будущее мирное сосуществование двух сообществ требует радикального пересмотра учебников. Этот пересмотр должен потребовать ликвидации монополии на создание и использование учебников, которые в настоящее время пишет небольшая группа историков, привлеченных государственными институтами. Следует также разработать программу поддержки различных групп экспертов (в том числе представителей неправительственных организаций и независимых ученых), которые могут представить альтернативные работы по национальной истории. В Совет экспертов по выбору школьных учебников должны входить представители как государственных учреждений, так и гражданского общества. Следует отказаться от существующей монополии на использование только одного учебника, одобренного Министерством образования; учителям следует предоставить право выбирать между альтернативными нарративами, прошедшими экспертную оценку.

Заключение

В одной из своих статей Роджерс Брубакер обозначил образ «кипящего котла» как «бледно пессимистический» подход к восточноевропейскому национализму, который приводит к «преувеличенному, если не совершенно карикатурному контрасту» между национализмами Западной и Восточной Европы.⁵⁰ Брубакер, конечно, не отрицает, что «насилие в этом регионе – в бывшей Югославии, в Закавказье и на Северном Кавказе, в некоторых частях советской Средней Азии – действительно было ужасающим. Однако единый образ этого региона как рассадника повсеместных, взрывоопасных, ожесточенных или, как минимум, потенциально ожесточенных этнических и национальных конфликтов является в значительной степени обманчивым».⁵¹

Авторы данной статьи утверждают, что мирное межэтническое сотрудничество, взаимная помощь в конфликтных ситуациях и мирные соседские отношения являются обычной нормой взаимоотношений азербайджанцев и армян. Периоды этих мирных отношений были более продолжительными и частыми, чем периоды конфликтов. Кроме того, конфликт между этими двумя обществами возник сравнительно недавно. Карабахская война 1991–1994 гг. привела к почти полной изоляции друг от друга армянского и азербайджанского обществ, которые в течение длительного времени сосуществовали на общем пространстве Южного Кавказа. Однако историки обеих республик избегают описания периодов мирного сосуществования и предпочитают концентрировать внимание на войне и конфликте. Это часть позитивистской традиции, используемой для оправдания текущей позиции одной из сторон путем использования исторического нарратива, который содержит, главным

50 R. Brubaker (1998). 'Myth and Misconceptions in the Study of Nationalism', in J.-A. Hall (ed) (1998). *The state of the nation: Ernest Gellner and the theory of nationalism*, (Р. Брубакер, «Мифы и заблуждения в исследованиях национализма» в работе Дж.А. Холла (ред.) Национальное государство: Эрнст Гелнер и теория национализма), Cambridge University Press: Cambridge, pp. 272-306, p. 272-273.

51 Там же, стр. 281.

образом, описание политических событий (в том числе войн и конфликтов), игнорируя при этом повседневные взаимоотношения. Этот тип исторического нарратива концентрирует основное внимание на событиях макроуровня, а не на взаимоотношениях на микроуровне. Поэтому в контексте такого подхода мы видим только некоторые конкретные события, которые соответствуют доминирующему дискурсу, но не замечают повседневной жизни. Однако если мы уделим больше внимания истории на микроуровне, то увидим, что азербайджано-армянские отношения являются и всегда были более сложными и не ограничивались конфликтом.

В Армении и Азербайджане уже сформированы влиятельные исторические нарративы, которые сводят сложную картину разнообразных повседневных межэтнических контактов и отношений только к войнам и конфликтам. Подавляющее большинство этих нарративов уделяют основное внимание лишь описаниям и изучению причин и последствий массовых убийств, межэтнических вооруженных конфликтов и депортаций. В результате с позиций недавнего и все еще не разрешенного Карабахского конфликта была создана идеология тотальной и непрерывной конфронтации.

В учебниках описание отношений между двумя сторонами ограничено периодами острых и кровавых армяно-азербайджанских столкновений, которые происходили в 1905-1906 и 1918-1920 гг. После этого корни текущего армяно-азербайджанского конфликта (с 1998 г. по настоящее время) прослеживают в начале 20 века. «Старый азербайджано-армянский конфликт, затаенный в течение почти семидесяти лет советского правления, вновь яростно взорвался в феврале 1988 г., когда Армянская ССР официально предъявила претензии на Нагорный Крабах».⁵² Таким образом, с этой точки зрения современный конфликт представляется неизбежным.⁵³

В свете дискурса, созданного указанными учебниками, пророчески звучит фраза французского исследователя Франсуа: «Выбирая путь увековечивания своего прошлого, нация одновременно выбирает свое будущее...»⁵⁴ Будущее, которое готовят современные учебники для поколений азербайджанских и армянских учеников – это состояние перманентного неразрешимого конфликта и соперничества.

52 Т. Swietochowski (Т. Светочовски), (1995 г.). *Op. cit.*, стр.194.

53 Такого рода описание армяно-азербайджанского конфликта следует рассматривать в контексте общего изменения изучения конфликтов в 1990-х годах, а не только после распада Советского Союза и Югославии. Как отметили Брубакер и Лайтин, в 1990-х годах «кровавый распад Югославии, периодические насильственные этнонациональные конфликты на южной периферии бывшего Советского Союза, страшная бойня в Руанде и индуистско-мусульманские массовые выступления в некоторых районах Индии, наряду с другими удручающими событиями, сконцентрировали общественное внимание на недавних годах этнической и националистической жестокости как поразительного симптома «нового мирового беспорядка». (R. Brubaker & D. Laitin (1998 г.). 'Ethnic and Nationalist Violence' (Р. Брубакер и Д. Лайтин, «Этническая и националистическая жестокость»), *Annual Review of Sociology*, Vol. 24, стр. 423 – 24). Брубакер и Лайтин также ссылаются на это в связи с конфликтами на Южном Кавказе.

54 Е. Fransua (2004 г.). (Е. Франсуа) "Mesta Pamati" ["Памятные места" по-немецки: Как писать их историю]; *Ab Imperio* # 1. Казань, стр. 33.

Данная публикация пытается пролить свет на способы, с помощью которых создаются и передаются мифы и доминантные нарративы, связанные с конфликтами на Южном Кавказе. В охватывающем весь регион проекте исследованы три механизма, с помощью которых создаются и распространяются мифы: учебники истории; политический дискурс; СМИ, в том числе и блогосфера. Особое внимание уделено тому, каким образом связанные с конфликтами мифы обусловлены местными политическими манипуляциями, как создаются «образы врага» и каким образом они, в свою очередь, способствуют усилению сопротивляемости конфликтов их разрешению.

В этом томе мы представляем сравнительный анализ учебников истории, используемых в данном регионе в поздний советский и постсоветский периоды. Результаты анализа свидетельствуют о том, что постсоветские учебники базируются на той же идеологической парадигме, что и советские учебники, используя тот же самый националистический дискриминационный дискурс. Советская концепция «дружбы народов» уступила место пересмотренной и враждебной по отношению к «другим» национальной истории, предлагаемой в качестве «правды», которую должны запомнить дети, в результате чего образы врага глубоко внедряются в сознание нации.

Один из выводов заключается в том, что при преобладающей системе обучения истории конфликты оказываются неразрешимыми. Историческое обучение в постсоветский период поддерживает политические цели построения новых националистических самовосприятий и оправдывает лишь одну версию событий, связанных с текущими конфликтами, исключая возможность рефлексии и критического осмысления. До тех пор, пока процесс обучения не будет поощрять альтернативную интерпретацию истории, кавказские общества будут стоять перед лицом будущих постоянных конфликтов и соперничества.

International Alert.

346 Clapham Road, London SW9 9AP, United Kingdom

Tel +44 (0)20 7627 6800, Fax +44 (0)20 7627 6900, Email general@international-alert.org

www.international-alert.org

ISBN: 978-1-909578-05-0